

**БОРЬБА ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

В Ы П У С К 62

Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

*Всеобщая декларация прав
человека, статья 19.*

МОСКВА, САМИЗДАТ, 1981

**ПЕРЕИЗДАНО:
НЬЮ-ЙОРК, ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА", 1982**

БОРЬБА ЗА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Выпуск 62

14 июля 1981 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Смерть Кукка — Арест Анатолия Марченко — Суд над Осиповой — Преследования Рабочей комиссии: Суд над Корягиным — Суды: Азадовский; Георгий Шепелев; Еременко; Сарбаев; Зотов — Дело о журнале "Поиски" — Аресты — Обыски, допросы — Преследования Инициативной группы защиты прав инвалидов — События на Украине: Суды над Алтуняном; Набокой, Милевским, Лохвицкой и Чернявской — События в Армении: Суды над Манучаряном, Апикианом и Мелконяном; Мрзпетом Арутюняном, Вартаном Арутюняном, Мкртчяном, Егиазаряном и Агабабяном — События в Эстонии: Суды над Калепом; Нийтсоо; Мадиссоном — События в Литве: Суды над Вайчюнасом; Юрвичюсом — Преследования верующих: Суды над Иваном Фокановым; Арджеванидзе и Саяпиной; Владимиром Фокановым, Ковальчуком и Кадук; Галецким и Чулковой; Диденко; Генчу; Владимиром Хайло; Бойко; Лакатошем, Дешко и Фенчаком; Левценюком; Козорезовым; Козорезовой — Право на выезд: Суды над Курносовым; Браиловским; Фридманом; Кисликом — В тюрьмах и лагерях — Сахаров в административной ссылке — В ссылке — В психиатрических больницах — После освобождения — Разные сообщения — Письма и заявления — Новости Самиздата — Поправки и дополнения

Год издания четырнадцатый

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Этот журнал издается в Москве в Самиздате с 1968 года. За эти годы журнал заслужил репутацию наиболее серьезного и достоверного источника информации о политических репрессиях в СССР.

По поручению московской редакции "Хроника текущих событий" переиздается в Нью-Йорке издательством "Хроника".

По-английски "Хроника текущих событий" издается "Международной Амнистией" в Лондоне (адрес для заказов: Routledge Journals, Broadway House, Newtown Road, Henley on Thames, Oxon, RG9 1EN, England; in the United States — Routledge Journals, 9 Park Street, Boston, Mass. 02108).

Необычайно важно, чтобы этот журнал распространялся как можно шире. Редакция издательства "Хроника" просит всех, кто в состоянии это делать, содействовать переправке выпусков "Хроники текущих событий" в СССР.

Издательство "Хроника" вновь подтверждает, что любой орган прессы вправе *бесплатно без запроса издательства* публиковать любое количество отрывков любого объема из "Хроники текущих событий" и использовать информацию из этого журнала. Ссылка на издательство "Хроника" не обязательна.

Издательство "Хроника" вновь подтверждает, что любые радиостанции вправе *бесплатно без запроса издательства* передавать любое количество отрывков любого объема из "Хроники текущих событий" и использовать информацию из этого журнала. Ссылка на издательство "Хроника" не обязательна.

Издательство "Хроника" обращается ко всем, кто в состоянии это делать, с просьбой содействовать организации иноязычных изданий "Хроники текущих событий". Авторские права на полное иноязычное издание "Хроники текущих событий" по договоренности с издательством предоставляются *бесплатно*.

Главный редактор издательства "Хроника"

Валерий Чалидзе

* * *

Издательство "Хроника" имеет статус некоммерческой организации. Издательство не принимает пожертвований от государственных и политических организаций.

* * *

A CHRONICLE OF CURRENT EVENTS

Issue No. 62

1981

Copyright © 1982 by Khronika Press

Корректор — Л. Алексеева

Published by: KHRONIKA PRESS, 505 8th Ave., N.Y., N.Y., 10018

СОДЕРЖАНИЕ

Смерть Кукка	7
Арест Анатолия Марченко.....	9
Суд над Осиповой	14
Преследования Рабочей комиссии	27
Суд над Корягиным	27
Дело Гривниной – Сереброва	34
Суды	41
Суд над Азадовским	41
Суд над Георгием Шепелевым	42
Суд над Еременко	42
Суд над Сарбаевым	43
Суд над Зотовым	44
Дело о журнале "Поиски"	45
Арест Яковлева	45
Вызов Гефтера	47
Аресты	47
Арест Павлова	47
Арест Кувакина	48
Обыски, допросы	51
Обыски у членов редколлегии журнала "Поединок"	51
Обыск у Готовцева	52
Допрос Вуля	53
Дело № 50611/14-79	55
Обыск у Леглера	55
Обыск у Романовой	56
Обыск у Ходоровича	57
"Тепличное дело" в Томске	57
Допросы вокруг Алексея Смирнова	58
Обыски и допросы Санниковой и Пробатовой	58
Преследования Инициативной группы защиты прав инвалидов	59
События на Украине	60
Суд над Алтуняном	60
Суд над Набокой, Милявским, Лохвицкой и Чернявской.....	66
Аресты	70
Арест Лиденко	70

Арест Кандыбы	70
Арест Раисы Руденко	71
Арест Анцупова	72
Разное	74
События в Армении	75
Суд над Манучаряном, Апикяном и Мелконяном	75
Суд над Мрзпетом Арутюняном, Вартаном Арутюняном, Мкртчяном, Егиазаряном и Агабабяном	76
События в Эстонии	78
Суды над Калепом, Нийтсоо и Мадиссоном	78
События в Литве	78
Суд над Вайчюнасом	78
Суд над Юрjavичюсом	79
Преследования верующих	80
Лютеране в Эстонии	80
Католики в Литве	81
Адвентисты	82
Суд над Иваном Фокановым	82
Суд над Арджеванидзе и Саяпиной	82
Суд над Владимиром Фокановым, Ковальчуком и Кадук	82
Суд над Галецким и Чулковой	83
Суд над Диденко	83
Суд над Генчу	83
Разное	83
Баптисты	84
Суд над Владимиром Хайло	84
Суд над Бойко	85
Суд над Лакатошем, Дешко и Фенчаком	86
Суд над Левценюком	86
Суд над Козорезовым	86
Суд над Козорезовой	86
Аресты	86
Разгон молитвенных собраний	87
Разное	89
Православные	89
Право на выезд	89
Москва	89
Суд над Курносковым	89
Суд над Браиловским	93

Дело Чернобыльского	96
Разное	98
Ленинград	106
Арест Лейна	106
Разное	107
Киев	108
Суд над Фридманом	108
Суд над Кисликом	108
Арест Зубко	112
Разное	113
Харьков	117
Кишинев	118
Арест Локшина и Цукермана	118
Тбилиси	118
Душанбе	122
Арест Марсала	122
Эстония	123
Вильнюс	123
Армения	123
Уехали	124
В тюрьмах и лагерях	126
Дело Айрикяна	126
Дело Овсиенко	127
Дело Болонкина	127
Чистопольская тюрьма	128
Мордовские лагеря	129
Пермские лагеря	130
В других тюрьмах и лагерях	133
Письма и заявления политзаключенных	140
В защиту политзаключенных	145
Освобождения	151
Сахаров в административной ссылке	152
В ссылке	154
Освобождения	154
В психиатрических больницах	156
В специальных больницах	156
В больницах общего типа	156
После освобождения	156
Разные сообщения	158
Письма и заявления	164

Документы Московской группы "Хельсинки"	166
Новости Самиздата	166
Поправки и дополнения	178
Дело Лупиноса	178

СМЕРТЬ КУККА

2 марта Юрий Кукк (суд — Хр. 61), продолжающий голодовку, прибыл из Таллина в лагерь, находящийся в Мурманске. Вскоре он был отправлен в Вологодскую больницу (диагноз — расширение желудка), где не позднее 28 марта скончался.

30 марта жена и пятеро друзей похоронили Кукка в Вологде (власти не разрешили перевезти тело в Тарту). Тело Кукка было сильно измождено и почернело. Жена и друзья высказывают предположение, что Кукк умер в результате длительной голодовки и неправильного обращения с ним в этот период.

* * *

5 апреля на одной из московских квартир состоялись "литературные чтения" памяти Юрия Кукка.

Московские отказники А. Аберсон, К. Балхасянц, В. Вайль, Г. Вигдаров, В. Кац, Б. Клоц, В. Магарик, О. Попов, А. Радин, И. Сапиро, Н. Фрадкова и Н. Хасина направили в ПВС СССР заявление:

С глубокой скорбью мы узнали о мученической смерти Юрия Кукка, эстонского ученого-химика, отдавшего свою жизнь за осуществление права на выезд из СССР.

Желая почтить светлую память покойного, мы, нижеподписавшиеся, объявляем 12 апреля 1981 года однодневную голодовку.

1 мая в ПВС СССР (копия — Генеральному прокурору СССР) было направлено "Открытое заявление от группы граждан ЭССР":

Сегодня, 1 мая 1981 г., Юрий Кукку исполнился бы 41 год. Смерть Юрия Кукка — это событие, которое его многочисленные друзья и ученики не могут принять без чувства протеста.

Здоровый человек, ученый с международной известностью подвергается преследованиям властей за открытое выражение своих взглядов, отстраняется от работы в университете, его заключают в тюрьму и он умирает через несколько месяцев после суда в возрасте 40 лет.

8 января 1981 года Юрий Кукк был приговорен к 2 годам лишения свободы за клевету (ст. 194-1 УК ЭССР). Способен ли был на клевету Юрий Кукк? Клевета предполагает вероломство, а это не было в его характере. Он был из немногих людей, способных сказать правду и умереть за нее. У него был отточенный ум, чистое сердце. Тысячи рядовых людей, которых не обвиняли, как его, в клевете, не отыщут среди себя равного ему, который сумел и посмел сделать столь много.

Юри Кукк начал голодовку во время следствия, 22 ноября 1980 г., и продолжал до самой смерти, которую по некоторым данным можно датировать 24 марта 1981 года. Юрий Кукк умер. Были случаи, когда люди держали голодовку более года. Его сопроцессник Март Никлус голодает с 23 августа 1980 г. Какова же цена человека, а не статистической единицы?

Юри Кукк умер. Как может клеветник, лживый по природе, голодать в знак протеста? Клеветник оставил бы без еды другого. Юрий Кукк был в заточении лишь внешне. Его дух был неподвластен режиму, определенному статьей 194-1, он отрицал решетки, тюремщиков и предлагаемую ими пищу. Кроме навязывания властями запретов можно отрицать и то, от чего власти сами никогда не отказываются. Голодовка и является таким отрицанием. Скребушийся в запертую дверь узник делает то, что ждут власти, голодающий заключенный – недоступная сила. Голодовка – это отрицание самого себя во имя идеи жизни. Это под силу лишь немногим.

Во время процесса Юрий Кукк весил 47 кг (при росте 172 см), немногим больше и Март Никлус. Тем не менее этих истощенных людей в зале суда стерегли два десятка сотрудников КГБ, преграждая вход в зал всем, кому властями не было предназначено присутствовать на заседании. Приговор – 2 года общего режима Юрию Кукку и 10 лет особого режима и 5 лет ссылки Марту Никлусу – оказался для Юрия Кукка смертным приговором.

Имеем ли мы право чтить память Юрия Кукка? Умер ли Юрий Кукк от голодовки? Или он был убит? Он был человеком здоровым, это подтверждается и документами, которыми сопровождалось его этапирование в Мурманск 2 марта 1981 года. Ведь больного не отправляют на этап?! И почему Юрий Кукк из ЭССР был отправлен в места заключения на территории РСФСР? Статья 6 ИТК ЭССР устанавливает, что такого рода наказания отбываются на территории ЭССР. Если бы Юрий Кукк был действительно здоров, то его не пришлось бы хоронить 30 марта в Вологде. Уничтожен великий человек. Имеют ли право его друзья, опомнившись от первого потрясения, задавать вопросы?

Разные учреждения дали разные ответы на вопрос о причинах смерти Юрия Кукка. Вологодская тюремная больница сообщила о расширении желудка, что вызвало сердечную недостаточность и отек легких. В уведомлении о смерти Тартуского бюро ЗАГС указана сердечная ишемия. И это вынуждает задавать вопросы.

Будет ли дан ход делу, возбужденному вдовой для выяснения обстоятельств смерти Юрия Кукка? Можно ли устранить опасность, грозящую жизни Марте Никлус и подобных ему в местах заключения?

АРЕСТ АНАТОЛИЯ МАРЧЕНКО

17 марта в Москве арестовали Анатолия Марченко. Его арестовали, когда он подходил к дому тестя. Марченко разрешили занести домой сумку с продуктами, которую он нес. Одновременно Марченко оставил дома свой слуховой аппарат (у него двусторонний отит внутреннего уха — последствия менингита, перенесенного в лагере).

Марченко обвиняют по ч. 2 ст. 70 УК РСФСР. Его дело, дело № 41, ведет ст. следователь Владимирского УКГБ капитан Кривов (Хр. 55). Марченко содержат во Владимирской тюрьме.

* * *

Первый срок (1958-1960 гг.) Марченко (1938 г.р.) отбыл по обвинению в участии в драке (которую он, на самом деле, разнимал), второй (1960-1966 гг.) — по ст. 64 УК РСФСР (этот период описан в его книге "Мои показания") третий (1968-1969 гг.) — за "нарушение паспортных правил" (Хр. 3), четвертый (1969-1971 гг.) — по ст. 190-1 УК РСФСР (Хр. 9). Пятая судимость у Марченко — за "злостное нарушение правил административного надзора" (Хр. 35); пятое "дело" и ссылка (1975-1979 гг.) описаны Марченко в книге "От Тарусы до Чуны". В апреле 1980 г. Марченко очередной раз пригрозили арестом и посоветовали уехать из СССР (Хр. 56).

* * *

17 марта по делу № 41 было проведено четыре обыска.

Обыск в доме Марченко (г. Карабаново Владимирской обл.) проводил Кривов. Среди изъятого книга Марченко "От Тарусы до Чуны" на английском языке, открытое письмо Марченко и его жены Ларисы Богораз (Хр. 3, 4) "Идет суд над Александром Лавутом" (Хр. 60), дневниковые записи Марченко о Польше, 57-й выпуск "Хроники текущих событий", бюллетень Инициативной группы защиты прав инвалидов, пишущая машинка.

В Москве у Александра Даниэля (сына Л. Богораз) и его жены Светланы Арцимович изъяли журнал "Поиски" № 7, сборник Г. Померанца "Неопубликованное", фотокопии книги "Экзодус" и самиздатского журнала "Синтаксис" (№№ 1-3), сочинение мемуарного характера (машинопись), пишущую машинку.

Также в Москве у Екатерины Великановой изъяли книгу Н. Бокова "Бестселлер", 4 номера газеты "Русская мысль", машинописные списки стихов Волошина и Гумилева ("Разве вы не знаете, что они у нас запрещены?" — спросил следователь Великанову), сборник ИНИОНа с грифом ДСП "Терроризм в современном мире", пишущую машинку, магнитофон, личную переписку, 2 записные книжки, чеки "Внешпосылторга" на сумму 7 руб. с документом на их получение (на имя Л. Богораз).

У Евгения Пашнина (Хр. 54), проживающего в г. Струнино Владимирской обл., изъяли переписку с М. Ландой (Хр. 56) и статью члена Инициативной группы защиты прав инвалидов В. Фефелова.

* * *

25 марта по делу Марченко был проведен обыск в г. Александрове Владимирской обл., у бывшего солагерника Марченко Валерия Зайцева (Хр. 4). Изъяли фотографию Марченко.

3 апреля Кривов допросил Зайцева: Знакомы ли Вы с Марченко? (Знаком.) Что Вам известно о его антисоветской деятельности? (Ничего.) Давал ли он Вам какую-нибудь литературу? (Не давал.) Какие произведения Марченко Вы читали? (Никаких.) Кривов поинтересовался, почему 3 месяца назад Зайцев вышел из профсоюза; услышав "Потому, что он не защищает мои интересы", Кривов сказал: "Не надейтесь, что у нас будет, как в Польше!"

* * *

22 марта Е. Боннэр и А. Сахаров опубликовали "Обращение":

Вновь арестован Толя Марченко. Это известие так ужасно, что с трудом укладывается в сознании. Жизнь Марченко знают читатели его великолепных книг — "Моя показания" и "От Тарусы до Чуны" — они жгучее обвинение тупой жестокости репрессивной машины и одновременно — свидетельство истинного величия человеческого духа, гордости и честности живого, страдающего человека, противостоящего этой машине. Рабочий и писатель Анатолий Марченко, рассказавший такую важную для всех нас правду о современных советских лагерях, он один из тех, кем может по праву гордиться породишая его страна и народ. Сейчас, когда на него вновь обрушилась мстительность его тюремщиков, мы всей душой с ним, с его семьей. Мы просим всех честных людей страны и Земли сделать все, что в их силах, для защиты и помощи.

22 марта В. Фефелов написал статью "Когда репрессия бессмысленна..."

...

Если мы хотим, чтобы жизнь наша не стала бессмысленной и пустой, не стала более поработанной, выступим в защиту таких замечательных, мыслящих людей, как Анатолий Марченко, Виктор Некипелов, Татьяна Великанова, Феликс Серебров, Татьяна Осипова, и многих-многих других, томящихся и посегодня в недрах бездонного ГУЛаг'а, пожирающего все новые и новые жертвы.

30 марта Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 160 "Арест Анатолия Марченко":

...

Рабочий по профессии, литератор по призванию Марченко от-

крыто выступал в защиту гражданских и политических прав. Он автор документальных работ: "Мои показания" и "От Тарусы до Чуны" и ряда публицистических статей и писем...

Работы Анатолия Марченко распространялись в самиздате, а затем публиковались за рубежом.

Открытое, свободное слово Анатолия Марченко, его противостояние злу, несправедливости и насилию вызвали систематические преследования мужественного и бескомпромиссного правозащитника. От 1968 года у него произведено не менее 15-ти обысков, на которых изымались рукописи, черновики и планы задуманных работ, личная переписка, записные книжки, дневниковые записи...

Это уже шестой арест. За период жизни с 19 лет и до сегодняшнего дня, когда Анатолию исполнилось 43 года, он провел в заключении и ссылке 15 лет и только 9 лет на свободе, и то из них 2 года под гласным административным надзором.

...

У Анатолия Марченко есть жена и 8-летний сын. Будучи лишен права жить в Москве, в квартире жены, последние два с половиной года он жил в пос. Карабаново, где работал оператором газовых котельных. Одновременно он своими руками строил дом для своей семьи. Несмотря на то, что его здоровье подорвано многолетним пребыванием в тюрьмах, лагерях и ссылке (перенесенный менингит, потеря слуха, заболевание кишечника), он всегда и всюду работал, являясь рабочим не только по роду занятий, но и по внутреннему самосознанию.

...

... мы знаем его и его жизнь. Мы знаем этого мужественного, честного, бескомпромиссного, много страдавшего человека. Мы убеждены, что только стремление к охране свобод и прав человека, только высокий нравственный уровень, чуткая совесть и отзывчивое на чужую беду сердце — были побудительными мотивами всех его действий. Мы знаем, что, будучи противником всякого насилия, он противостоял злу словом и только словом. Анатолий Марченко принадлежит к лучшим людям нашей эпохи. За это и только за это он преследуем властями.

...

* * *

23 марта медицинская экспертиза признала слух Марченко удовлетворительным. 24 марта сотрудники КГБ пытались получить у родственников Марченко слуховой аппарат, без которого он не слышит.

9 апреля Л. Богораз была вызвана во Владимир на допрос к следователю Зотову, который сказал, что его интересует образец ее почерка. Богораз отказалась участвовать в следствии по делу своего мужа, мотивировав это следующим образом:

Я считаю противозаконным уголовное дело, которое Комитет госбезопасности ведет против моего мужа А.Т. Марченко, по сле-

дующей причине: взгляды и убеждения гражданина, высказываемые им в устной или письменной форме, не могут служить основанием для уголовного преследования.

Поэтому я отказываюсь участвовать в каких-либо следственных действиях по этому делу.

24 апреля Л. Богораз заключила с владимирским адвокатом Л.Д. Фрадкиным договор "на выполнение ст. 201 УПК РСФСР", то есть на ознакомление с делом при окончании предварительного следствия.

В двадцатых числах апреля Е. Великанову, А. Даниэля и С. Арцимович вызывали на допрос. Даниэль и его жена отказались давать показания, пока им не вернут изъятые на обыске машинки. Великанова была больна и на допрос не пошла.

6 мая был допрошен Пашнин (его вызывали еще 3 апреля, но он не явился, послав заявление с отказом от участия в следствии). Его спрашивали о Марченко, Ланде и Фефелове. Пашнин отказался отвечать на вопросы, мотивируя отказ тем, что КГБ распространяет о нем в Струнино "нелепые слухи".

11 мая Зотов допросил Сергея Некипелова (Хр. 57). Некипелов сказал, что в 1977 г. он проходил действительную военную службу в пос. Чуна, где и познакомился с Марченко. Некипелов охарактеризовал Марченко как "человека очень порядочного, честного, отзывчивого". Зотов задал Некипелову несколько вопросов о деле, которое было заведено на того во время службы в армии. В частности, он спросил "Что Вы можете сказать о подписании Вами протокола допроса, где Вы утверждаете, что снабжали Марченко военной информацией, а также информацией, порочащей советскую власть?" Некипелов ответил: "Я отказываюсь от своей подписи под протоколом, т.к. после того, как я подписал предостережение, мне дали подписать какую-то бумагу, с содержанием которой я не ознакомился, поскольку считал, что она тоже с предупреждениями; в конечном итоге эта бумага оказалась тем протоколом, о котором Вы говорите".

13 мая С. Некипелов написал заявление

*Начальнику следственного отдела УКГБ
Владимирской области Плешкову Н.А.*

11 мая 1981 года я был допрошен старшим следователем Зотовым по делу Марченко А.Т.

В процессе допроса мне была предъявлена подписанная мной бумага. Как я узнал впервые из ее содержания, это был протокол допроса от 31.05.78, составленный следователем особого отдела Забайкальского военного округа по делу, которое было возбуждено против меня и затем прекращено.

Считаю необходимым заявить, что эта бумага была действительно мной подписана, но я ее не читал и показаний, которые в этом "протоколе допроса" изложены, я никогда никому не давал.

Содержание записей, сделанных в этом протоколе, я отрицаю, так как они не соответствуют действительности. Также считаю не-

обходимым объяснить причины, по которым я поставил подпись, не читая документа.

В мае 1978 года, перед демобилизацией из армии в воинской части, расположенной в пос. Чуна Иркутской обл., я был арестован по обвинению в сборе критических материалов о нарушениях, допускаемых начальствующим составом 445 ВСО. Меня содержали под стражей в следственной камере гарнизонной гауптвахты в ужасных условиях: ночью температура в камере не поднималась выше 7⁰ С, на ночь мне выдавались мокрые нары, никаких теплых вещей у меня не было, в камере с бетонированным полом было незастекленное окно и щель под дверью в 15-20 см. В течение этого времени по ночам я не спал (около двух недель), дремать мне приходилось лишь днем на скамеечке в промежутках между допросами, которые сопровождалась непрерывными угрозами. Кормили меня мизерными порциями похлебки.

Все это привело меня в такое состояние, что я плохо отдавал отчет в значении своих действий, и, когда мне объявили, что я должен подписать предупреждение и мое дело будет прекращено, я подписал все бумаги, которые мне предъявили, не читая.

Прошу настоящее мое заявление приобщить к протоколу моего допроса от 11.05.81.

28 мая следователь Феофилактов допросил Л. Богораз (во время допроса несколько раз заходил Плешков). Богораз было задано около 30 вопросов. Она ответила только на вопрос о том, собирался ли Марченко эмигрировать. Богораз пояснила, что в 1974 г. он подавал документы в ОВИР. На вопрос, почему Богораз ответила на этот вопрос, она сказала, что в случае, если Марченко отпустят, она намерена убедить его в целесообразности эмиграции (Плешков здесь вмешался: "Да кто его отпустит? Вот отсидит – поедет!") Он также говорил Феофилакткову: "Да что Вы ее спрашиваете, ведь она соучастница, вот и результаты графологической экспертизы об этом говорят..."). Остальные вопросы касались изъятых на обыске бумаг, на которых графологическая экспертиза определила правку Богораз.

* * *

В середине мая представитель Карабановского горисполкома и милиционер запретили Богораз продолжать начатое мужем строительство дома, поскольку у Марченко не было оформлено разрешение местных властей (разрешение на строительство от центральной организации имеется).

СУД НАД ОСИПОВОЙ

27 марта Б. Альтшулер, Е. Боннэр и И. Ковалев направили письмо

*Всемирной медицинской Ассоциации;
Международной Ассоциации женщин-врачей;
Всемирной Ассоциации по психиатрии;
Международному союзу Медицинской прессы;
КО ВСЕМ ВРАЧАМ МИРА !*

31 марта в Москве начался суд над Татьяной Осиповой – членом Московской Хельсинкской группы, участницей правозащитного движения в СССР, в том числе за достойное медицинское обслуживание в советских тюрьмах и лагерях и в защиту жертв психиатрических репрессий.

...

Сейчас в советской прессе широко освещается работа открывшейся 21 марта в Вашингтоне Международной конференции "Врачи мира – за предотвращение ядерной войны".

Конференция приняла обращение "Ко всем врачам мира", где говорится о страшных последствиях ядерной войны... От государственной машины, нарушающей основные права человека, допускающей безумие психиатрических репрессий, трудно ожидать разумного поведения в других вопросах, в том числе в кардинальном вопросе войны и мира.

...

Советские правозащитники никогда не прибегали к насилию, не призывали к насилию и, предавая гласности факты нарушения прав человека, стремились к созданию атмосферы доверия и открытости общества, без которых немыслим мир на Земле.

Поэтому мы обращаемся к врачам, объединяющимся с целью предотвращения ядерной войны.

Помогите Татьяне Осиповой, другим участникам правозащитного движения в СССР, в первую очередь – репрессированным женщинам.

* * *

С 31 марта по 2 апреля Московский городской суд под председательством В.Г. Лубенцовой (Хр. 58) рассматривал дело Татьяны Семеновны Осиповой (1949 г.р.; арестована 27 мая 1980 г. – Хр. 57), обвинявшейся по ст. 70 УК РСФСР. Обвинитель – заместитель Генерального прокурора СССР М. Поляков, защитник – адвокат В. Швейский (Хр. 17, 23, 61).

* * *

Суд проходил в помещении народного суда Люблинского р-на г. Москвы. В зале суда, кроме "спешублики", находились (после дачи свидетельских показаний) родственники Осиповой (мать, отчим и бабушка), доставлявшиеся в Люблино на машине сотрудниками КГБ. Они свободно входили в зал и занимали места в первом ряду. С Осиповой они не здоровались и не смотрели на нее. Кроме них в зале находились 8-9 сотрудников ЦГЭ, где работала до ареста Осипова, практически с ней не знакомых (см. "Разные сообщения").

В первый день суда милицкий кордон остановил мужа Т. Осиповой Ивана Ковалева на подходах к зданию и велел "убираться". Ковалев сказал, что, если жена не увидит его в зале, "процесс не состоится" и об этом очень скоро "все узнают". Через несколько минут Ковалева пропустили в здание суда. Там распорядитель, представившийся "Иваном Сергеевичем Ивановым", и его неназванный помощник поставили Ковалеву условие: он будет пропущен в зал, если оставит букет цветов и даст осмотреть себя на предмет отыскания "звукозаписывающих устройств". Ковалев подчинился, однако потребовал и получил расписку за изъятый портативный магнитофон. "Иванов" пообещал после процесса вернуть магнитофон. В первый же день Лубенцова поставила Ковалеву еще одно условие: не вести записей. После того, как Ковалев вышел в перерыв на улицу, "Иванов" поставил ему еще одно условие: выходить разрешается только на большой обеденный перерыв. Каждый день перед началом процесса и после возвращения Ковалева с перерыва "Иванов" обыскивал его.

В последний день суда (в этот день только читался приговор) Лубенцова прервала чтение приговора на полуслове (беспрецедентный случай) и закричала на Ковалева, требуя, чтобы он немедленно положил блокнот к ней на стол и вышел из зала. После того, как Ковалев положил блокнот, "Иванов" силой вывел его из зала и чтение приговора продолжалось за плотно закрытой дверью. Перед выводом Осиповой из зала "Иванов" и его помощник вышвырнули Ковалева и из коридора, чтобы он не мог увидеть жену.

Выводя затем Ковалева из здания, "Иванов" предъявил ему отобранный в первый день магнитофон и потребовал назад расписку. Получив ее, он отдернул руку с магнитофоном и заявил, что не отдаст его, чтобы Ковалеву "было неповадно таскать магнитофон в следующий раз". Затем два милиционера препроводили Ковалева до угла квартала, не дав ему взглянуть, как жену сажают в "воронок".

В первый день суда друзья Осиповой могли стоять у ограды двора, в котором находится здание суда. Затем они были оттеснены милицией на угол квартала (посторонних прохожих милиция пропускала свободно).

1 апреля у суда были задержаны Рафаэль Оганян (Хр. 56) и Сирвард Авакян (Хр. 56). В тот же день их отпустили.

”Дело” Осиповой состоит из 36 томов.

Ей инкриминировалось

- изготовление, хранение и распространение документов Московской группы ”Хельсинки” № 49 ”О нарушении права колхозников на эмиграцию и на выход из колхоза” (Хр. 49); № 55 ”Международному Олимпийскому комитету. Президенту МОК лорду М. Килланину” (Хр. 51); № 58 ”Десять лет спустя” (Хр. 51); № 63 ”Насильственное прикрепление к земле и запрет эмиграции колхозников-евреев пос. Ильинка” (Хр. 51); № 69 ”30 лет Всеобщей декларации прав человека” (Хр. 52); № 70 (о преследованиях по политическим мотивам – Хр. 52); № 85 ”Нарушение социально-экономических прав человека в СССР. Право на труд” (Хр. 53); № 93 ”Свободу всем заключенным членам групп ”Хельсинки” в СССР”; № 100 ”Репрессии по идеологическим мотивам, август 78 – август 79” (Хр. 54); № 119 (по поводу вторжения в Афганистан – Хр. 56);

- авторство (совместно с В. Некипеловым – Хр. 57), хранение и распространение трех статей из цикла ”Опричина-78” (Хр. 48, 51);

- авторство (совместно с А. Подрабинеком), хранение и распространение ”Обращения к Конгрессу США” (Хр. 61);

- изготовление и распространение ”Меморандума 45-ти” (его подписали 48 прибалтийцев, а Осипова и еще 11 человек подписали приписку к этому документу, в которой выразили поддержку требования реального осуществления права на самоопределение – Хр. 54), письма ”О тех, кто попустительствует международному разбою и сохраняет твердость в борьбе с мыслью”, ”Информационного бюллетеня” № 8 Инициативной группы защиты прав инвалидов (Хр. 56), вып. 54 ”Хроники текущих событий”;

- хранение с целью распространения ”Технологии власти” Авторханова, I и II томов ”Архипелага ГУЛаг” Солженицына, рукописи ”Если ты болен свободой, или репортаж из желудка людоеда” А. Шатравки (Хр. 57), нескольких экземпляров газеты ”Русская мысль”, двух номеров журнала ”Континент”, двух номеров журнала ”Посев”, письма НТС ”Это моя страна”, обращения НТС ”Реши по совести”, вып. 33, 34, 40, 43-52 ”Хроники текущих событий”.

В обвинительном заключении говорится также, что Осипова руководилась в своих действиях рекомендациями НТС, что она не давала никаких показаний в период предварительного следствия, а также игнорировала меры воспитательного воздействия, примененные к ней.

В обвинительном заключении имелись ссылки на показания многих свидетелей, в частности – на показания С. Каллистратовой (хотя Каллистратова отказывалась давать какие бы то ни было показания).

Первый день

Осипова заявила в суде более 30 ходатайств (в большинстве поддержанных адвокатом) об истребовании из советских учреждений докумен-

тов и справок, проведении дополнительных экспертиз и вызове дополнительных свидетелей. Все ее ходатайства были отклонены.

После этого Осипова начала читать написанное ею заявление, в котором она говорила о мотивах, формах и методах своей деятельности и деятельности Московской группы "Хельсинки" в целом, а также доказывала несостоятельность предъявленного ей обвинения. Осипова особо отметила, что главным выдвинутым против нее обвинением является ее участие в группе "Хельсинки". Лубенцова тут же стала оспаривать это утверждение. Она не дала Осиповой зачитать заявление полностью и отклонила ходатайство Осиповой о приобщении ее заявления к судебному протоколу.

Осипова полностью отрицала свою виновность, а также антисоветский умысел как в своей деятельности, так и в деятельности группы "Хельсинки" в целом. Она отметила, что этот процесс является, по-существу, процессом над всей Группой.

Осипова подтвердила свое участие в группе "Хельсинки" и соавторстве инкриминировавшихся ей документов, а также то, что она их распространяла. Она подтвердила свое соавторство в статьях "Опричина-78" и в "Обращении к Конгрессу США", свою подпись под припиской к "Меморандуму 45-ти" и под письмом "О тех, кто попустительствует международному разбою...". Она не отрицала, что многие изъятые у нее материалы, в отношении которых экспертиза сделала вывод, что они перепечатаны на машинках, изъятых у нее, могли быть перепечатаны ею. Она не отрицала, что хранила выпуски "Хроники" с целью распространения.

Осипова объяснила, что "Обращение к Конгрессу США" является лишь черновиком, который никуда не посылался и не распространялся. Она отказалась (как и при аналогичных вопросах по другим пунктам обвинения) назвать фамилию своего соавтора. О содержании данного "Обращения" Осипова пояснила, что под влиянием академика Сахарова изменила свою точку зрения и считает, что по сравнению с любыми внутренними проблемами вопросы ядерного разоружения имеют первостепенное значение и должны решаться в первую очередь.

О книгах Авторханова и Солженицына Осипова сказала, что они имеют антисталинское, а не антисоветское направление (здесь судья прервала ее и запретила говорить о содержании этих книг). "Технология власти" была в доме несколько лет и не распространялась. "Архипелаг ГУЛАг" Осипова взяла для личного прочтения за месяц до обыска в 1978 г., на котором эту книгу изъяли (Хр. 50); прочитав ее, она намеревалась вернуть книгу хозяину.

Рукопись Шатравки Осипова получила для ознакомления за 2-3 недели до ареста. Ознакомившись с ней при окончании следствия, она считает ее в целом не антисоветской.

Газета "Русская мысль" не имеет, по мнению Осиповой, определенной политической направленности и представляет для нее интерес просто как свободная газета.

Материалы "Посева" и НТС Осипова считает антисоветскими, получила их за три дня до ареста для личного ознакомления. Интерес к этим материалам был вызван, например, утверждением следователя, проводив-

шего допрос Осиповой по делу Великановой, о том, что инакомыслящие связаны с НТС и действуют по их рекомендациям (Хр. 56), – вот Осиповой и захотелось узнать, что же это за организация.

Журнал "Континент" интересен Осиповой с чисто литературной стороны и как журнал, публикующий авторов, имеющих самые разные точки зрения.

"Хроники" Осипова получала по мере возможности.

Все эти материалы хранились без цели распространения. Исключение составляют только выпуски "Хроники текущих событий".

Затем были допрошены свидетели.

Г.Л. Осипова и А.Г. Майоров, мать и отчим Осиповой, показали, что мало были причастны к воспитанию дочери; сперва она была "вполне нашим, советским человеком", а потом подпала под "чуждое влияние" и теперь вот "докатилась до скамьи подсудимых". Рассказывая о детстве Осиповой, мать сказала: "Больше всего она любила читать. Самым большим наказанием было, если отнимешь книгу". В конце она стала укорять дочь в том, что та опозорила свою семью, "предала Родину". Отчим рассказал, что говорил Осиповой: "Ну, зачем бороться с недостатками! Где, в какой стране их нет!", а та не соглашалась и упорствовала.

Психиатр Будкевич из Днепропетровской СПБ рассказала о психическом нездоровье Терели (Хр. 47, 48, 51, 54, 56), которого им, врачам, едва удалось заставить принимать лекарства. Она утверждала, что не было ни одного случая помещения здоровых людей в СПБ "специально". Был, правда, "не специально" один – Луцик (Хр. 51) ... – начала она, но судья прервала ее и сказала, что ее спрашивают только о случаях "специального" помещения в больницу здоровых людей.

Заместитель председателя колхоза "Россия" Желтов (в этот колхоз входит пос. Ильинка – Хр. 48, 49) говорил об отсутствии препятствий в выезде желающим. После вопросов к нему Осиповой выяснилось, однако, что колхозникам было отказано в выходе из колхоза именно из-за их желания эмигрировать. Несмотря на окрики судьи, Осипова смогла объяснить, что желающим выехать нужна была справка от колхоза. Т.к. им не давали такой справки, они начали ходатайствовать о выходе из колхоза. Отвечая далее на наводящие вопросы судьи, Желтов "исправил" свои показания, объяснив, что колхозникам отказывали в выходе из колхоза в первую очередь по производственным соображениям, а уж во вторую – из-за их желания эмигрировать. На вопрос адвоката, по какому пункту колхозного устава этим колхозникам было отказано в выходе из колхоза, Желтов ответить не смог.

Показания нескольких неявившихся свидетелей были оглашены.

Б. Мордвинов, восьмидесятилетний сосед Осиповой по коммунальной квартире (Хр. 57; 17 апреля 1980 г. он написал донос на Осипову в КГБ, а 27 мая в день ареста Осиповой, был допрошен), показал, что Осипова занималась сбором информации об антиобщественных элементах, а затем кому-то ее передавала, но кому, он не знает.

В. Чамовских (Хр. 57) показал, что он сам взял в доме Осиповой, не спрашивая у нее разрешения, "Технологию власти", просмотрел и оставил.

В. Капитанчук (Хр. 58) в своих показаниях говорил, в основном, о том, как проводятся пресс-конференции группы "Хельсинки". Он сам присутствовал на некоторых и видел там Осипову. Однако он не видел, чтобы Осипова выступала перед корреспондентами или передавала им какие-нибудь бумаги.

Гайниченко (см. "Мордовские лагеря") говорил о хороших условиях содержания заключенных и о том, что некоторые из них (например, В. Осипов, С. Солдатов) упорно не желают "становиться на путь исправления", нарушают режим, умышленно не выполняют норму, в то время как другие выполняют ее на 120%.

Одним из "неявившихся" оказался Вячеслав Бахмин, этапированный из лагеря и находившийся в дни суда над Осиповой в Лефортовской тюрьме (см. "В тюрьмах и лагерях") – у суда "не было документов о его этапировании".

* * *

Вечером 31 марта И. Ковалев опубликовал заявление "В первый день суда":

Сегодня судят мою жену Татьяну Осипову. Она – член Московской группы "Хельсинки" и судят ее именно за это. Бесстыдно нарушая свои собственные нормы и правила, суд не дает ей защищаться. Таню постоянно прерывают, не дают высказать мысль до конца, не дают допросить необходимых свидетелей и истребовать необходимые документы. Суд мало интересуют факты, изложенные в документах Группы, все усилия сосредоточены на выяснении имен авторов "антисоветских пасквилей" и обстоятельств их написания.

Это – закрытое судилище. Никого из пришедших друзей Тани не подпускают даже к зданию суда. Пытались не пустить на суд даже меня. В суде мне под угрозой удаления из зала запрещено вести записи.

Этому суду чужды принципы человечности. Мне нельзя даже показать жене букет цветов, мне не дали внести их в зал. Мне нельзя улыбнуться жене – это противоречит понятиям судьи Лубенцовой о нравственности и она грозит вывести меня из зала.

И все-таки, несмотря ни на что, моя маленькая хрупкая Танечка дает бой.

"Сегодня на этой скамье вся Группа", – сказала Таня.

Сегодня суд со спецпубликой испытывает реальность принципов, декларированных Хельсинкским соглашением. И в этом суде их представляет и защищает моя жена.

В сообщении за рубеж корреспондент ТАСС Константин Андреев написал:

Сегодня в Москве начался открытый судебный процесс по обвинению в уголовном преступлении Татьяны Осиповой.

32-летняя Татьяна Осипова, работавшая инженером Централь-

ной геофизической экспедиции в Москве, обвиняется в том, что в течение последних трех лет она — сама, а также вместе с сообщниками — изготовляла, хранила и распространяла клеветнические материалы, которые порочат советский государственный и общественный строй.

...

В зале суда присутствуют рабочие московских предприятий, служащие столичных учреждений, в том числе сослуживцы Татьяны Осиповой по последнему месту работы.

...

На суде было оглашено обвинительное заключение. В нем Татьяна Осиповой инкриминируется, что в 1978-1980 годах она — лично и вместе с сообщниками — изготовляла, хранила и распространяла клеветнические материалы, порочащие государственный и общественный строй; эти фальшивки распространялись не только на территории СССР, но и через иностранцев переправлялись за границу для использования антисоветскими центрами и органами буржуазной пропаганды в ущерб политическим интересам СССР, в обвинительном заключении эти действия характеризуются как умышленные, предпринятые в целях подрыва и ослабления Советской власти.

...

После оглашения обвинительного заключения Татьяна Осипова была допрошена в качестве подсудимой, она признала изложенные в обвинительном заключении факты, из показаний Татьяны Осиповой со всей очевидностью следует, что, действуя в целях подрыва и ослабления советской власти, она в 1978-1980 годах проводила антисоветскую агитацию и пропаганду, составляла, передавала другим людям, переправляла за границу клеветнические "заявления", "письма", "документы", "петиции", "обращения", в которых злонамеренно искажалась советская действительность.

...

Подсудимая не отрицала, что среди изъятых у нее предметов, приобретенных к делу как вещественные доказательства, были иностранного производства блокноты для ведения самостирающихся записей, она не смогла опровергнуть умышленный и целенаправленный характер своей деятельности, враждебной советскому строю, а также не отрицала своей осведомленности в том, что ее фальсификации, грубо искажающие советскую действительность, использовались западными реакционными пропагандистскими органами, среди них — радиостанции "Свобода" и "Свободная Европа", действующие на деньги и по указке ЦРУ, издательство "Посев" фашиствующего эмигрантского "Народно-трудового союза", антисоветская газета "Русская мысль", "Хроника-Пресс", "Континент", "Архив Самиздата".

...

Среди вещественных доказательств суду были представлены нелегально доставленные в СССР письмо антисоветского издатель-

ства "Посев" и обращение так называемого "Народно-трудового союза", в которых содержатся рекомендации о конкретных формах и методах борьбы с советской властью, этими рекомендациями подсудимая руководствовалась в своей деятельности.

В отношении Татьяны Осиповой принимались меры предупредительного характера, она неоднократно предупреждалась представителями органов власти и общественностью о недопустимости ее противозаконной деятельности. Тем не менее Татьяна Осипова на суде пыталась в своих показаниях представить дело так, будто она не видит ничего противозаконного в своей деятельности, которой она занималась до ареста.

...

Однако допрос свидетелей продемонстрировал несостоятельность таких утверждений, свидетели Майоров, Осипова, Желтов, Будкевич и другие показали, что Татьяна Осипова знакомила их с изготовленными ею документами, они подтвердили, что эти документы содержали грубую клевету на советский строй.

Второй день

Во время процедуры "исследования документов", носившей формальный характер, Осипова подала ходатайство о зачете 24 документов Московской группы "Хельсинки", в которых содержатся факты, подтверждающие справедливость документа № 69. Суд ходатайство отклонил.

Затем по инициативе суда неожиданно была вызвана свидетелем бабушка Осиповой В.Ф. Шешина, в первый день присутствовавшая в зале. Ее показания повторили показания матери и отчима, однако она конкретизировала и развернула тезис о "чуждом влиянии", под которое попала внучка. Шешина показала, что перелом в поведении Осиповой наступил после того, как она вышла замуж за Ивана Ковалева (мать и отчим отмечали этот перелом раньше, но также говорили о заметном усилении "чуждого влияния" на Осипову в связи с этим замужеством).

Прокурор также начал свою речь с "чуждого влияния", под которое попала Осипова. Затем он объяснил, что на самом деле нет никакой группы "Хельсинки", а этим названием только прикрывается кучка злобных "так называемых" инакомыслящих, отыскивающих "факты нашей негативной действительности" (правда, он тут же поправился: "негативные факты") и переправляющих их на Запад. Этим людям не нужна никакая проверка информации, потому что всю информацию они высасывают из пальца. Они все извращают, клеветают, очерняют. Их документы — злобная клевета, статьи "Опбичнина" — антисоветские пасквили. Основным доказательством клеветнического и антисоветского характера документов для него было: это и так всякому ясно. Отметив нравственную чистоту следователей, прокурор потребовал для Осиповой, с учетом ее возраста и первой судимости, 5 лет лагерей и 3 года ссылки.

Адвокат начал с характеристики книг Авторханова и Солженицына

как "антисоветских", затем перешел к недоказанности обвинения. Он сказал, что если бы он полностью встал на позиции обвинения и считал его доказанным, он все равно потребовал бы переквалификации обвинения на ст. 190-1 УК РСФСР. Однако при любой квалификации обвинения он не находит состава преступления в действиях своей подзащитной.

После этого Осиповой было предоставлено последнее слово.

"Я считаю защиту прав человека делом своей жизни, потому что нарушение этих прав приносит человеческие трагедии", — сказала Татьяна Осипова.

— Что Вы просите у суда? — перебила ее Лубенцова.

— Я ничего не прошу, — ответила Осипова.

Суд тут же поднялся и вышел, фактически лишив Осипову последнее слово.

* * *

Андреев написал:

...

Осипова на суде откровенно призналась в том, что она — лично и с помощью сообщников — изготовляла и хранила материалы, содержащие клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, а также распространяла их среди широкого круга лиц в СССР и переправляла за границу, где они использовались антисоветскими органами пропаганды.

В ходе прений сторон прокурор Михаил Поляков, поддерживая государственное обвинение, отметил в своей речи, что Осипова игнорировала неоднократные предупреждения представителей органов власти и общественности о недопустимости ее противозаконной деятельности, прокурор подчеркнул, что преступная деятельность Осиповой носила преднамеренный характер и преследовала цель подрыва и ослабления советской власти.

...

Адвокат Владимир Швейский, представляющий защиту, в своей речи признал обоснованность обвинения, он заявил, что преступление Татьяны Осиповой доказано и правильно квалифицировано по ч. 1 ст. 70 УК РСФСР, при этом адвокат обратил внимание суда на то, что Татьяна Осипова не была ранее судима, положительно характеризовалась как специалист по местам ее работы, исходя из вышеизложенного, а также отметив искреннее поведение Осиповой на суде, адвокат просил суд учесть это.

Заслушав последнее слово подсудимой, суд удалился на совещание...

Третий день

2 апреля Лубенцова огласила приговор: 5 лет лагерей общего режима и 5 лет ссылки. Текст приговора практически повторял текст обвинительного заключения.

* * *

Андреев написал:

Приговор оглашен сегодня в итоге трехдневного открытого процесса... присутствовавшие в зале встретили приговор с одобрением.

* * *

В протоколе судебного заседания заявление, которое Осиповой не дали прочитать в суде, записано полностью, ходатайства, с которыми она обращалась к суду, записаны не в том виде, как она их произносила в суде, а так, как они были записаны на черновике (результат негласного обыска), ответы Осиповой и показания свидетелей записаны искаженно (например, Желтову приписана фраза: "Их не отпустили не потому, что они хотели уехать, а по другой причине, о которой я уже говорил" – ср. выше), речь адвоката заканчивается в протоколе фразой "Все сказанное дает мне основание просить о вынесении законного приговора" (ср. выше), Осиповой придумано "последнее слово".

После суда

2 апреля Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 161 "Я считаю защиту прав человека делом своей жизни" (Суд над Татьяной Осиповой).

3 апреля А. Сахаров направил из Горького в Москву телеграмму:

Приговор Тане Осиповой, бесконечно честной, мужественной молодой женщине, самоотверженно принявшей на себя заботу за судьбы невинно пострадавших, за гласность и справедливость – новая чудовищная жестокость репрессивных органов, новое беззаконие перед лицом всего мира. Честные люди, сделайте все возможное для ее освобождения! Обращаюсь к Главам государств, подписавшим Хельсинкский акт, к Эмнести Интернейшнл, к ученым, писателям, рабочим.

(Сахаров получил уведомление, что его телеграмма была вручена Е. Боннэр лично – его жена телеграммы не получала.)

В этот же день М. Петренко-Подъяпольская опубликовала письмо "Кто виновен?":

...

Она пришла к нам в дом пять лет назад, уже готовым человеком, пришла с тем, чтобы помочь в трудную минуту. ...Она принесла нам деятельное добро и неиссякаемое тепло своего сердца. Я ее очень люблю.

...

Я принадлежу к поколению Таниных родителей. У нас общий исторический опыт... Сейчас следователи политических своими руками не бьют; свидетелей пугают потерей жизненных благ, но тоже не бьют. ...

Но есть во всем этом кошмаре светлое пятно — это личности Тани Осиповой и ее мужа Вани Ковалева. ...

* * *

9 апреля у Осиповой состоялось получасовое свидание с мужем. Осипова сказала, что на следствии ей угрожали в случае дальнейшего отказа от дачи показаний статьей 64 УК РСФСР (санкции — вплоть до смертной казни), а следователь Губинский (Хр. 48, 57, 60) шантажировал ее тем, что она не получит лечения, необходимого по заключению медицинского обследования, и, вследствие этого, никогда не сможет иметь детей.

После свидания Ковалев опубликовал заявление "Шантаж":

...

Незадолго до ареста врачи назначили Тане гинекологическое обследование, которое она успела только начать. Во время следствия необходимость продолжения этого обследования и последующего лечения была подтверждена врачами. Тогда Губинский сказал Тане, что обследование будет проводиться, если она начнет давать показания. На Танин вопрос, понимает ли он, что он лишает ее тем самым возможности иметь в будущем детей, Губинский ответил: "Все в Ваших руках". Таня сказала, что предпочитает иголки под ногти как более гуманный метод проведения следствия, и объявила голодовку протеста, которую держала 5 суток.

После этого шантаж прекратился.

16 апреля Ковалев опубликовал письмо "Снисхождение":

...Формально, суд проявил... снисхождение, назначив общий режим вместо строгого. На деле — это ужесточение наказания для Тани.

Наша с Таней знакомая, Сирвард Авакян, провела в таком лагере чуть больше полугода. 3 месяца она находилась во внутрилагерной тюрьме, около двух месяцев — в карцере.

Ее били. Били мужчины — сотрудники лагерной администрации, женщины-заключенные. В избиениях участвовало по 5-8 человек. Били руками и ногами. До пены на губах, рвоты, потери сознания.

Сильва вышла из лагеря едва живой, почерневшей, похудевшей на 32 (!) кг. Она до сих пор не может вполне успокоиться. Едва она закрывает глаза, ей кажется, что сейчас ее снова бросят в карцер, не дадут еды. Что снова будут бить, бить, бить...

Сильва пробыла в лагере около полугода. Тане предстоит около 4 лет. Что будет с ней?

...

...Я не могу исключить вероятность того, что арестуют и меня (стало известно, что из следственного дела Осиповой на И. Ковалева выделены материалы по ст. 70 УК РСФСР — Хр.).

В этом случае не останется никого, кто мог бы поехать к Тане в лагерь на свидание и рассказать потом об условиях, в которые она попала. Тогда руки полностью развязаны...

16 апреля администрация Лефортовской тюрьмы попросила у Осиповой "на минутку" врученную ей, в соответствии с законом, копию приговора. Вернули ей подмененную копию — в ней было написано "отбывать в лагере строгого режима".

20 апреля Осипова отправила (как полагается по закону — через администрацию тюрьмы) председателю КГБ СССР Андропову письмо:

Гражданин Андропов!

В руководимом Вами Комитете государственной безопасности давно уже стало доброй традицией не шадя ни сил, ни совести устраивать при арестах и обысках правозащитников маленькие сюрпризы, например, подкинуть валюту в туалет Гинзбургу или патроны К. Подрабинеку. А сейчас вашим "мальчикам" захотелось порезвиться на судебном поприще.

Бывают и в Вашей работе накладки, так вот и случилось, что мне в суде по ст. 70 дали общий режим. Да еще приговор на руки выдали, где то же черным по белому напечатано. А потом, видно, спохватились: да разве ж можно такую козу в такой огород пускать! У нас там законность в ажуре: никто не пикнет, а эта явится и начнет следить за соблюдением выполнения. Долго ли так все стадо перепортить!

Можно, конечно, по закону: отменить приговор, провести новый суд (это-то мы хорошо умеем), но нельзя, товарищи, нельзя! Если снова суд, значит, снова и подсудимая должна быть, а она, товарищи, не в ногу с нашей ротой шагает: все что-то сказать норovit. Да и Европа может не смолчать. В Европе пока еще имеется такой ненадежный элемент, как общественность, и мы должны этот факт принимать во внимание, поскольку нам желательно кое-что и даже очень много оттуда получить. А Европа еще не вся в наших органах состоит, хотя в этом направлении и проводится большая работа. Опять же гласность. Это мы, конечно, обеспечим, гласность у нас не первый день на дворе стоит. Ну, и пусть во дворе стоит, а в зал ни-ни. Зал у нас для публики, вся своя публика, отборная, не первый год в органах работает. Но надо же и о людях думать! Нельзя же снова подвергать их стойкость такому испытанию, наглядятся-наслушаются, да и вспомнят, что у них есть не только удостоверения КГБ. Ну, и эти, как их, соотечественники. Да и начнут писать клеветнические заявления с требованием соблюдать так называемые права так называемого человека.

А что же будет с безопасностью, товарищи, и особенно с нашими личными удобствами? Ведь тогда распорядителю судебных зрелищ придется слесарем на завод идти: в сторожа не устроишься, туда теперь меньше, чем с докторской степенью, не берут. Нет, новый суд, да и вообще всякая там законность — это не для нас. У меня есть другое предложение, которое больше соответствует молодому спортивному духу нашей организации. Давайте сделаем так...

Не могу ручаться, что был произнесен именно такой монолог, только 16 апреля у меня "на минутку" попросили приговор... и,

ловкость рук... вернули его со словами: "Отбывать в лагере строгого режима". Ну, и ловкие у вас "мальчики"!

20 апреля 1981 г. *Осипова*

Осипова направила Генеральному прокурору СССР жалобу на подмену приговора. В ответ ей предъявили справку судьи Лубенцовой о том, что в тексте приговора по вине машинистки была допущена опечатка (согласно УПК, в совещательной комнате приговор пишется от руки и в зале суда зачитывается именно этот экземпляр приговора — лишь потом этот текст копируется машинисткой).

19 мая в Верховном суде РСФСР состоялось кассационное рассмотрение. Адвокат Швейский сказал, что в приговоре, зачитанном в судебном заседании, было провозглашено "5 лет общего режима". Прокурор Поляков заявил, что по жалобе Осиповой была проведена проверка и "изложенные факты не подтвердились". Он также сказал, что "своими ушами слышал, как оглашался приговор — строгий режим — и своими глазами видел это затем в тексте приговора". Приговор: 5 лет *строгого* режима и 5 лет ссылки — оставлен в силе.

В тот же день Ковалев заявил иностранным журналистам, что изменение приговора, хотя и путем такого нарушения закона, как фальсификация приговора, он расценивает как успех. Ковалев пояснил, что опасался отправки жены в уголовный лагерь, а утяжеление режима содержания считает несущественным, ввиду обычной практики лагерных наказаний, которыми легко свести на нет все преимущества (основные — больше свиданий и переписка без ограничений) общего режима.

* * *

29 мая Ковалев обратился в городской суд с двумя заявлениями.

В первом он просил разрешить ему переписку с женой до того, как она будет доставлена в лагерь.

Во втором говорилось, что суд вынес по делу Осиповой приговор, в котором, в частности, сказано, что изъятые деньги, вещи и продукты подлежат обращению в доход государства в порядке ст. 86, п. 4 УПК РСФСР, а диктофоны и др. вещи — уничтожению в порядке п. 3 той же статьи. Ковалев пишет, что эти вещи были изъяты в нарушение ст. 171 УПК РСФСР, признаны вещественными доказательствами — в нарушение ст. 83 УПК РСФСР и судом не было доказано, что деньги, вещи и продукты были нажиты преступным путем. Поэтому он просит вернуть их ему. Он просит вернуть также диктофоны и, кроме того, все изъятые ранее книги, документы и материалы, не признанные судом вещественными доказательствами.

Заявления приняла Лубенцова.

В этот же день Лубенцова дала Ковалеву разрешение на свидание с женой (несколько дней до этого она ссылалась на занятость и разрешения не давала). Но оказалось, что вечером 28 мая Осипова была взята на этап. Узнав об этом, Ковалев тут же перезвонил Лубенцовой. Та сказала, что суд не уведомляет, когда заключенных берут на этап, а лишь ставят

в известность о месте отбытия ими наказания (это противоречит ст. 359 УПК РСФСР).

Через несколько дней Ковалев получил извещение, что Осипова отправлена в 3 мордовский лагерь.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ РАБОЧЕЙ КОМИССИИ

Суд над Корягиным

22 февраля в адрес XXVI съезда КПСС (копии: Комиссии ООН по правам человека, правительствам стран – участниц Мадридской встречи, Всемирной ассоциации психиатров, Национальной ассоциации психиатров во Франции) было направлено заявление:

Анатолий Иванович Корягин – человек широких знаний, безукоризненной честности, мужественной принципиальности и большой доброты. Психиатр высокой квалификации, любим и уважаем своими многочисленными пациентами. Буквально рожден для своей профессии – обладает мудрым искусством проникать в душу больного, постичь и сохранить его тайны, чувствовать и уменьшать чужую боль. Ставит только объективный диагноз, не принимая в расчет никакие иные соображения, кроме психического состояния пациента. Считает нейролептики и серу недопустимыми средствами "лечения", когда они применяются к безусловно здоровым людям, которым некто и кто-то пожелал "вправить мозги". Видит бездну для падения нашего общества при применении честолобивой братией карты психического больного, снабженной грифом "социально опасен", как орудия репрессий и изоляции. Отец трех мальчишек: 13, 10 и 3 лет. Принципиально не способен ни на какие поступки, которые можно было бы квалифицировать как преступление.

...

Требуем немедленно освободить Анатолия Корягина, восстановить его во всех правах гражданина и врача!

Призываем делегатов XXVI съезда КПСС не дать свершиться беззаконию, остановить зарвавшихся харьковских мракобесов!

Обращаемся к международной общественности с просьбой организовать самую широкую кампанию в защиту доктора Корягина! Пусть его боль послужит еще одним суровым предупреждением в том, что тема прав человека остается для СССР жгучей и существующей, даже если в ближайшие годы она и исчезнет со страниц мировой печати.

----- подписей (к сведению делегатов съезда: наши фамилии известны тем, кто не сажает своих граждан за составление подобных протестов.)

* * *

В начале апреля у сестры Корягина, проживающей в Курской области, был произведен обыск. Перед началом обыска ее муж М.Ф. Благих выдал обрез охотничьего ружья, сказав, что тот был дан ему на хранение Корягиным.

Приблизительно в то же время в Абакане был произведен обыск у тещи Корягина. Ничего изъято не было.

После этого при одной из встреч с женой Корягина следователь В. Сидельник сказал ей, что ее муж обвиняется в попытке "свержения советской власти".

* * *

В Калинин по делу Корягина был допрошен Владимир Голицын (Хр. 57, 58). Голицын сказал, что он не знаком с Корягиным. На вопрос, каким образом у него оказался изъятый на обыске рукописный текст психиатрической экспертизы Будко, подписанный Корягиным, он отвечать отказался.

* * *

5 апреля Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 162 "Арест Анатолия Корягина":

...

Арест Корягина окончательно пресекает гуманную, легальную деятельность Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях и вызывает опасение, что власти стремятся вновь использовать психиатрические преследования по политическим мотивам.

С 3 по 5 июня Харьковский областной суд под председательством Навального рассматривал дело консультанта Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях кандидата медицинских наук Анатолия Ивановича Корягина (1938 г.р., арестован 13 февраля — Хр. 61), обвинявшегося по ст. 62 УК УССР (=ст. 70 УК РСФСР) и ч. 1 ст. 218 УК РСФСР ("Незаконное ... хранение ... оружия..."). Обвинитель — старший помощник прокурора Харьковской области В.И. Попов, защитник (назначенный) — адвокат А.П. Мисевра. Корягин отказался от назначенного защитника: "Я не желаю, чтобы кто бы то ни было играл здесь роль моего защитника", однако по требованию прокурора его ходатайство было отклонено (это противоречит УПК).

Корягину инкриминировалось:

— изготовление и распространение статьи "Пациенты поневоле", опубликованной в журнале "Посев" № 2 за 1981 г., в которой "порочится советская власть и КПСС"; статьи "Добро, зло, насилие", опубликованной в журнале "Ланцет", "злобного клеветнического содержания"; индивидуальной карты обследования А.А. Будко, в которой "под видом беседы с пациентом изложена антисоветская клевета";

– изготовление письма Ю. Белову (Хр. 54), порочащего "советский строй, миролюбивую политику СССР, демократические принципы, КПСС"; записей, порочащих "советскую демократию и такое выражение сознательности и энтузиазма советского народа, как коммунистические субботники, героическое прошлое СССР и КПСС в сталинский период"; записей "клеветнических измышлений о демократии и аппарате управления Советского государства"; "выписки из пасквиля А.И. Солженицына советов, как вести себя допрашиваемому, арестованному, подследственному"; стихотворения "В мире уродливости" "антисоветского характера, содержащего злобную клевету на советскую власть"; письма своему деду Я. Благих в США, в котором он "клеветал на демократию, на советский строй и КПСС, на колхозное крестьянство и высказывал пожелания о реставрации в СССР частной собственности и капитализма"; "Автобиографии", в которой он "клеветал на советскую действительность" и "Заявление на случай моего ареста" (Хр. 61) "злобного клеветнического характера"; документа "Паранояльный психопат", содержащего "злобную клевету на миролюбивую политику СССР и КПСС, антисоветские взгляды и призывы к свержению советской власти";

– хранение иностранных журналов, содержащих "статьи, в которых порочится советский государственный и общественный строй, в частности – статью генерала Григоренко о поэте Руденко, две статьи об органах власти и здравоохранения в СССР, статью о Буковском, рубрику *СССР сегодня*"; письма Ю. Белова "с приложением... выдержек из антисоветского пасквиля А.И. Солженицына *Архипелаг ГУЛаг*"; магнитофонной записи книги немецкого писателя Дама "О возможностях русского мышления"; книги Д. Дудко "О нашем уповании", содержащей "злобную клевету о преследовании священнослужителей и верующих в СССР"; открытого письма в защиту Д. Дудко, подписанного "Ваш И.Р. Шафаревич"; письма А. Вороны, содержащего "злостную клевету на органы КГБ и советскую власть";

– устная антисоветская агитация и пропаганда с целью подрыва и ослабления советской власти и "преступная связь с антисоветчиками в СССР и за границей".

Кроме того, Корягину инкриминировалось "незаконное хранение обреза охотничьего ружья, изъятого при обыске на квартире у М. Благих".

Первый день

Корягин отказался отвечать на вопросы о своей личности (судья сообщил, что во время предварительного следствия Корягин отказался ознакомиться с обвинением и подписать его). Он заявил: "Я не считаю себя виновным и отказываюсь говорить, так как это – не суд, а расправа за участие в Рабочей комиссии... Я желаю дать оценку обвинительному заключению и ответить на два вопроса: о содержании в тюрьме и о следствии – и выступить с последним словом..."

Затем начался допрос свидетелей.

В.П. Рудометов (из военкомата, в медкомиссии которого Корягин

являлся врачом-психиатром) сказал: "Я считаю, что Сталин — это личность, и хотя он ошибался, но сделал много хорошего. Корягин же очень критически подходил к этому вопросу", "часто я заходил к нему и он что-то прятал под газетой — какую-то книгу", "он говорил хвалебно о Солженицыне". На вопрос судьи, читал ли Рудометов произведения Солженицына, тот ответил: "Я — нет. Я просто знаю, что он воевал, в 1942 году оставил роту, сдался в плен, а после освобождения из плена был осужден".

М.Ф. Благих сказал, что ружье, оставленное Корягиным, было "старое, негодное, заржавленное".

Черников (шофер диспансера, в котором работал Корягин) охарактеризовал Корягина как "добросовестного", сказал, что "мнение о нем у окружающих хорошее".

Серик (председатель месткома диспансера) сказал, что Корягин отказался от работы пропагандиста, о чем он, Серик, доложил главному врачу. "Политинформации проводил, ... говорил все правильно, как надо".

Ю.В. Дзюба (Хр. 57, 60, 61) сказал, что ему "ничего об антисоветской деятельности Корягина не известно", и поэтому он отказывается давать показания, считая "вызов в суд провокационным". Тогда были зачитаны показания Дзюбы на предварительном следствии, где он говорил об обстоятельствах своего знакомства с Корягиным.

Дмитриева (врач из Днепропетровска) сказала, что Корягин приезжал к больному П. Власенко, у которого была хроническая шизофрения. "Власенко был врачом-психиатром. Вроде верующий или какая-то секта. Обнаружил неадекватное поведение. Ходил по домам поселка Пятихатки, что-то говорил, писал на заборах какие-то лозунги, говорят... поведение и манера говорить Корягина были резкими. Он говорил, что здорового человека подвергли госпитализации за его взгляды. ... На следующий день собралась комиссия врачей и пришла к заключению выписать Власенко, так как его признали здоровым". "Но вы ведь и так хотели выписать его днями? Да? Да?" — спросил судья. "Да, — ответила Дмитриева, — может, пролежал бы еще 2-3 недели, а потом бы выписали".

Варшавский (заведующий больницей из Днепропетровска): "Сначала Власенко был в остром отделении..." "А что, шизофрения лечится в течение месяца?" — спросил адвокат. "Не за месяц, а за полтора. Бывают разные формы течения болезни", — ответил Варшавский.

После допроса свидетелей были зачитаны характеристики из школы ("уклонялся от общественной работы"), института ("уклонялся от общественной работы, эгоистичен, бывает груб с товарищами, хитер"), с работы в г. Абакане ("активно участвовал в общественной работе"), с работы в г. Кызыле ("занимался только собственными делами — охотой", "подбивал коллег на склоки с администрацией и на написание всяких жалоб в разные инстанции вплоть до редакций газет и журналов и Верховного суда"), из Харьковского диспансера ("добросовестно относился к своим обязанностям врача, но не принимал никакого участия в общественной жизни").

Затем судья зачитал выдержки из письма Корягина деду и статьи "Паранояльный психопат".

Второй день

Свидетель Г.А. Никитин (главный врач диспансера) показал, что Корягин с работой справлялся, но отказался быть пропагандистом. О собрании 5 февраля в диспансере (Хр. 61) Никитин сказал: "Все осудили враждебную деятельность Корягина, о которой мы узнали из письма прокурора".

О неявившемся на суд А.К. Здоровом (Хр. 57,60, 61) прокурор сказал, что можно обойтись без его показаний, так как "он и на следствии не дал никаких показаний относительно антисоветской деятельности Корягина. Учитывая, что ранее он отбывал наказание за особые государственные преступления, считаю, что ничего существенного, нужного по этому делу, он не скажет".

Прокурор в своей речи неоднократно повторял, что Корягин "проводил антисоветскую агитацию и пропаганду, преследовал злой умысел". Особо он подчеркивал сознательность действий Корягина. Прокурор потребовал для Корягина 7 лет лагерей и 5 лет ссылки по ст. 62 УК СССР и 5 лет лагерей по ст. 218 УК РСФСР.

Адвокат начал свое выступление с добросовестного отношения Корягина к своим обязанностям врача. Затем он сказал: "В заявлениях Корягина неоднократно утверждается, что он не считает себя виновным и не имел цели подрыва или ослабления советской власти. Ни предварительным следствием, ни судебным разбирательством, ни показаниями свидетелей не было доказано, что Корягин преследовал эту цель. ... В отношении обвинения в хранении огнестрельного оружия ни следствием, ни судом не доказаны ни принадлежность, ни факт хранения".

Затем Корягин произнес последнее слово (восстановлено по памяти) :

Я начал участвовать в Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях в качестве врача-консультанта в 1979 году и сразу же почувствовал преследования со стороны КГБ. С этого времени у меня было проведено три обыска (первый — в декабре 1979 г. в Харькове, на вокзале, второй — Хр. 60, третий — Хр. 61) и — арест.

В день ареста мне целую ночь не давали спать. Меня подвергли интенсивному ночному допросу, что я рассматриваю как оказание на меня психологического воздействия.

Никакое обвинение мне предъявлено не было. С первого же дня в знак протеста против этого я объявил сухую голодовку — без еды и воды — требуя либо немедленно освободить меня, либо предъявить обвинение. Однако обвинение мне не предъявили, а через каждые 12 часов сообщали о задержании на очередные 12 часов, что я как врач-психиатр расцениваю как истязание. В течение нескольких суток держать голодного человека в состоянии психического напряжения, в неведении, в надежде на возможность освобождения в ближайшие часы — это жестокое истязание, иезуитские методы пыток.

На 4-й день меня доставили в КГБ, где следователь подполковник Сидельник и начальник следственного отдела КГБ полковник Бабусенко совместно с ст. помощником областного прокурора Поповым подвергли меня интенсивному 8-часовому допросу, хотя они знали, что я голодал. Это не помешало им допрашивать меня и добиваться необходимых для них показаний. Во время допроса я сидел на неудобном жестком табурете. Мое физическое состояние было тяжелым, и я почувствовал себя настолько плохо, что вынужден был лечь на пол прямо в комнате допроса, и только тогда мне было предъявлено обвинение.

Сразу же после предъявления обвинения я отказался принимать участие в следствии и заявил, что не буду отвечать ни на какие вопросы. Тем не менее меня обычным путем вызывали из камеры и везли на очередной допрос в КГБ.

На допросах не гнушались никакими методами: ... угрожали, унижали человеческое достоинство, играли на моих сыновних, супружеских и отцовских чувствах. Буквально с первого допроса следователь Сидельник угрожал "сгноить" меня в тюрьме, если понадобится — уничтожить вовсе. В частности, начальник следственного отдела Бабусенко заявил мне (это дословно его заявление) "...отправляю в карцер...", и у меня нет оснований ему не верить. Однажды, когда я категорически отказался ехать на допрос, надзиратели силой выволокли меня из камеры, избивая при этом, надели на меня наручники, затолкали в машину, осыпая площадной бранью, и все-таки отвезли на допрос. Ну, прямо как в ЮАР. По этому поводу я подал жалобу областному прокурору, но заместитель начальника тюрьмы заявил мне, что у него есть свидетели того, что это я хулиганил. Те самые его подчиненные, которые избивали меня и надели на меня наручники. Я был посажен в карцер на десять суток, и только через двое суток мне сообщили, что моя жалоба направлена областному прокурору.

Кстати, ни на эту жалобу, ни на еще одну жалобу, направленную областному прокурору, я так и не получил ответа до сих пор.

Теперь о карцере. Содержание человека на хлебе и воде, в каменном мешке с цементным полом, при температуре 12-13^о, полуодетого — вот образчик методов, применяемых КГБ для того, чтобы добиться необходимого для них поведения. Я как врач утверждаю: это — физическое истязание с целью воздействия на психику, сломить человека.

Тюремные власти действовали согласованно с КГБ. Методы и обращение в тюрьме не слишком отличаются от методов КГБ. Унижение достоинства, угрозы, оскорбления, издевательства и матерщина только в еще более грубой форме, чем в КГБ. Не далее как вчера корпусной заявил мне: "Если прикажут, я вас заставлю гуськом ходить по камере", — в ответ на мое возражение против того, что условия в камере приближают к условиям в карцере. Нас заставили скатать тюфяки и забросить на верхние койки, а самим лежать на голых железных прутьях. Они, наверное, думают, что мы

разжирили на тюремных харчах и нам лежать не больно. Даже центральные газеты "Правду" и "Известия" мне давали один-два раза в неделю. Полтора месяца я не мог добиться получения книг Маркса, Энгельса, Ленина, хотя знал, что они есть в тюремной библиотеке.

Я мог бы многое рассказать о методах и порядках КГБ, но я не вижу смысла делать это здесь, в этом судилище. Я только хочу сказать, перефразируя их девиз, что не такие чистые у них руки, горячие сердца и холодные головы, какие Феликс Дзержинский хотел видеть у железных чекистов.

Когда я начал работать в Комиссии, я действительно убедился и подтверждаю еще раз: "Да, в нашей стране психически здоровых людей помещают в спецлечебницы за инакомыслие, держат их там годами, подвергая принудительному "лечению" медикаментозными средствами".

Я здесь долго сидел и размышлял, анализировал свою деятельность, и не считаю себя виновным — я ни в чем не поступил перед своей совестью и долгом врача-психиатра. Для меня не удивительно то, что происходит, потому что все пять членов Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях: Вячеслав Бахмин, Леонард Терновский, Александр Подрабинек, Ирина Гривнина, Феликс Серебров — уже посажены, и, стало быть, теперь моя очередь.

Меня обвиняют в распространении антисоветских материалов, да еще с целью подрыва и ослабления существующего строя, как неоднократно заявлял областной прокурор в своей "темпераментной" речи. Однако ни один факт распространения ни следствием, ни судом не был доказан, и областной прокурор знает об этом. Да, у меня во время обыска были изъяты некоторые бумаги и зарубежные издания, кстати, официальные печатные издания. Однако кто доказал факт распространения этих бумаг? И даже письмо из "Ланцета" с копией статьи, вынуженное, кстати сказать, сотрудниками КГБ из моего почтового ящика, не подтверждает факта распространения, ибо никто не доказал, как статья туда попала. Итак, ни один факт распространения не доказан. Их невозможно доказать, потому что ничего не было.

Меня обвиняют в устной антисоветской агитации и пропаганде. Но ни один свидетель не подтвердил факта агитации и пропаганды.

Я никогда не имел цели подрыва или ослабления советской власти. Я никого не агитировал и, тем более, не призывал совершать какие-либо действия с целью подрыва. У меня были определенные мысли и убеждения, мои собственные мысли, мысли критического характера относительно некоторых негативных явлений нашей жизни. Предположим, я поделился с человеком своими мыслями. Пусть даже эти мысли носили политический оттенок. Разговаривали мы наедине, а потом это каким-то образом стало достоянием всех настолько, что человека вызывают на это место свидетеля. Что же получается? Он распространяет сведения, а я оказываюсь на этом месте подсудимого, а со свидетелями все в порядке!

Следствие и суд надо мной — не акт правосудия, а мера расправы за убеждения. Я знаю — приговор будет жестокий. Я ничего не прошу у этого суда. Независимо от срока, который мне дадут, я заявляю, что никогда не смирюсь с существующим в нашей стране положением, когда психически здоровых людей заключают в психбольницы за стремление мыслить самостоятельно. Я знаю, что меня ожидают долгие годы физической изоляции, унижений, издевательств. Я сознательно иду на это в надежде, что для других это откроет возможность жить свободно. Я знаю, что мою семью ожидает тяжелая жизнь, полная материальных лишений, горя и, возможно, прямых преследований со стороны властей, но я ничего не могу изменить. Я убежден, что все дела по обвинению в так называемой антисоветской агитации и пропаганде в ближайшем будущем будут пересмотрены и получают должную, по-настоящему справедливую и объективную оценку. Я верю в светлое будущее своей родины...

Третий день

Объявляется приговор: 7 лет лагерей и 5 лет ссылки по ст. 62 УК УССР и 2 года лагерей по ст. 218 УК РСФСР, а по совокупности — 7 лет лагерей строгого режима и 5 лет ссылки (Корягин: "Чем больше срок, тем позорнее суд").

Этим же приговором суд лишил Корягина звания "старший лейтенант". Кроме того, были оглашены два определения суда: о ходатайстве в ВАК о лишении Корягина ученой степени и о возбуждении дела по обвинению Ю. Дзюбы в отказе от дачи показаний в суде.

После суда

Корягин от кассации отказался.

Его жена несколько дней подряд добивалась свидания с ним. Наконец ей сказали, что свидание будет предоставлено 25 июня. Однако 23 июня в тюрьме ей сообщили, что Корягин уже взят на этап.

В июне Корягин прибыл в 37 пермский лагерь.

Дело Гривниной — Сереброва (Хр. 61)

19 марта на допрос к следователю Московского УКГБ Коновалову были вызваны Б. Смушкевич (Хр. 60) и Л. Кардасевич (Хр. 29, 32).

Смушкевича допрашивал следователь Капасев, Кардасевич — следователь Попов. Оба сказали, что с И. Гривниной (арест — Хр. 60) и Ф. Серебровым (арест — Хр. 61) знакомы, а на остальные вопросы (об "Информационном бюллетене" Рабочей комиссии и о подписях под письмом в защиту Вяч. Бахмина — Хр. 58) отвечать не будут. Капасев сказал Смушкевичу, что хорошо бы "за отказ от дачи показаний давать пару лет". Кардасевич пыталась записать в протокол характеристику Гривниной и Се-

реброва и свои претензии к Попову, но он не дал ей этого сделать. Тогда Кардасевич отказалась уходить. Попову, чтобы выдворить ее, пришлось даже прибегнуть к помощи какого-то прокурора.

* * *

2 апреля были проведены обыски у В. Кувакина и у В. Шепелева; после обысков их допросили (см. "Арест Кувакина").

9 апреля был проведен обыск у В. Быкова, 11 апреля — у Е. Алексеенко; после обысков их допросили (см. "Обыски, допросы").

* * *

14 апреля старший следователь Московского УКГБ капитан А.А. Левченко провел обыск у И. Ковалева. Обыск проводился на квартире Валентина Мицкевича (Хр. 60), друга И. Ковалева, у которого он последнее время живет (по месту фактического места жительства, как сказано в протоколе). В обыске участвовали также сотрудники КГБ К. Яковлев и В. Александров.

Среди изъятого выпуски 52 и 58 "Хроники текущих событий", подборка бюллетеня "Вести из СССР" (издается в Мюнхене К. Любарским — Хр. 47), документы Московской группы "Хельсинки", материалы информационного характера, "Поиски и размышления" № 5 и № 8, различных сам- и тамиздат, статьи самого Ковалева, записные книжки, письма, диктофон с кассетами.

Кроме того, были изъяты радиокомбайн, принадлежащий Мицкевичу, и кинжал, унаследованный им от деда, а также 6 охотничьих патронов 16-го калибра.

В ходе обыска и по окончании его Ковалев сделал заявление о том, что не подтверждает, но и не отрицает принадлежности ему найденных книг, но с уверенностью говорит о полной непричастности Мицкевичей к изъятым печатным и рукописным материалам.

Ковалев заявил также, что в изъятых материалах содержится правдивая информация, а потому он протестует против их изъятия.

Мицкевич потребовал вернуть ему радиокомбайн, а Ковалев — диктофон и кассеты.

Левченко не позволил Ковалеву и Мицкевичу внести их замечания в протокол полностью и собственноручно.

Во время обыска соседи Мицкевичей, решив, что в квартиру забрались грабители, вызвали милицию. Приехал милицкий наряд на двух машинах. Александров выходил "объясняться". В квартиру он милиционеров не пустил, а вышел в подъезд и даже вывел затем на улицу.

* * *

14 апреля были проведены также обыски у Ю. Денисова и А. Готовцева, после обысков их допросили (см. "Обыски, допросы").

* * *

17 апреля Капаев, а также сотрудники КГБ Белов и Лебедев провели обыск у С. Каллистратовой.

Среди изъятого документы Московской группы "Хельсинки", материалы информационного характера, сам- и тамиздат, письма, записные книжки, фотокопии картин М. Зотова (суд — наст. вып.), рисунки В. Сысоева (Хр. 53, 54, 57 и "Письма и заявления" в наст. вып.), пишущая машинка. Кроме того, изъят, как сказано в протоколе, "гипсовый барельеф с изображением Сталина" (на барельефе — осел с большими бровями в костюме, а сверху маленький портрет Сталина; подпись: "Каждый осел мечтает об ордене").

Во время обыска к Каллистратовой пришли В.В. Огурцов и Е.М. Деревенскова (родители И. Огурцова), о. С. Желудков и Ю. Жуков, у которых провели личный обыск. Ничего изъято не было.

Каллистратова подписала протокол, заявив, что все изъятое принадлежит ей, и пометив в протоколе, что "изъятие... документы, письма, книги и предметы никакого отношения ни к какому уголовному делу не имеют".

* * *

22 апреля Капаев допросил Каллистратову. Вопросы касались Серебров, В. Кувакина (арестован 14 апреля — см. ниже), М. Зотова, В. Сысоева, изъятых документов. Ни на один вопрос Каллистратова не ответила.

Кроме того, между Каллистратовой и следователем состоялась внепротокольная беседа:

Каллистратова. За что арестовали Кувакина?

Капаев. Он же — ярый антисоветчик.

Каллистратова. Что же вы — объединили Сереброва, Гривнину и Кувакина в одно дело?

Капаев. Как объединили, так и разъединим: все в наших руках.

...

Капаев. Мне очень жаль Гривнину.

Каллистратова. Только одну?

Капаев. У нес маленькая дочь.

Каллистратова. В последнее время говорят: "КГБ пошел по бабам".

Капаев. Так некого больше брать.

Каллистратова. Ну, а если так жалеете — отпустите; сами же говорите: все в ваших руках.

Капаев. Не могу — служба.

* * *

20 мая сотрудник КГБ С. Тихонов вынес Каллистратовой "предупреждение по Указу". "Из материалов Вашего обыска нам стало известно, что Вы составляете, размножаете и распространяете политически вредные материалы", — сказал он. Каллистратова предупреждение подписала, но возразила, что ее правозащитная деятельность носит законный, открытый характер.

* * *

24 апреля Капаев допросил А. Иванченко (Хр. 53). Иванченко сказал, что с Гривниной он не знаком, а Сереброва и Кувакина знает плохо, где познакомился с ними — не помнит, об их деятельности ничего не знает. Капаев ответил, что таким, как Иванченко, "больше дают", и, если у Иванченко плохая память и ранее он плохо учился, то не состоит ли он на учете в психдиспансере? "Другим людям память восстанавливали". Иванченко выразил протест по поводу угроз со стороны Капаева, на что тот ответил: "Жалуйтесь!".

* * *

29 апреля Капаев явился на дом к В. Тольцу (Хр. 56, 60) и допросил его в качестве свидетеля по "делу Гривниной — Сереброва". Капаев объяснил Тольцу, что приехал для допроса сам, поскольку свидетель — инвалид и ему трудно было бы добраться на Лубянку.

Капаев спрашивал о Гривниной, Сереброве, Кувакине, Бахмине, Терновском. Ни на один вопрос Тольц не ответил, подписать протокол отказался.

Вне протокола Капаев сообщил, что при исследовании "нами" (т.е. КГБ) конкретных случаев, упоминаемых в документах Рабочей комиссии, выясняется, что на самом деле это — настоящие психические больные и их действительно надо лечить. Когда КГБ указывает на это вышеперечисленным подследственным, то они всякий раз говорят о том, что бывают и ошибки. По мнению Капаева, каждый должен думать о психиатрии что угодно: "За это мы не наказываем". Однако составление документов по этому поводу, да еще с ошибками — преступно: ведь эти документы используются для враждебной пропаганды. Другие лица в других документах утверждают, что в нашей стране "тоталитаризм" и "отсутствует демократия"; думать так и говорить об этом "между собой", по мнению Капаева, можно, хотя и ошибочно: "полной демократии нет нигде, это только идеал". Поэтому писать в документах об "отсутствии демократии" — "заведомая клевета".

На вопрос Тольца о Кувакине Капаев ответил, что тот являлся "юридическим консультантом Рабочей комиссии".

Капаев сообщил также, что накануне он вернул мужу Гривниной все, изъятое у нее на обысках (кроме пишущей машинки), и посоветовал Тольцу еще раз обратиться к следователю Жданову с требованием вернуть вещи, изъятые на обыске год назад (Хр. 56).

* * *

В апреле следователем "Владимиром Павловичем" был допрошен М. Утевский (Хр. 61). Утевский сказал, что знает Гривнину с 1979 года, а Сереброва — с 1975-1976 гг. и они, по его мнению, хорошие люди; об их "клеветнической деятельности" ему ничего неизвестно; он слышал (от кого — не припомнит) об их членстве в Рабочей комиссии; он знаком с "Информационным бюллетенем". Утевскому была предъявлена копия

коллективного письма в защиту Бахмина, под которым стоит и его подпись. Следователя интересовало, сам ли Утевский подписал это письмо или это сделала Гривнина, чьей рукой (как считает следствие) исполнено несколько подписей. Утевский ответил, что подписывал сам.

* * *

23 апреля у В. Неплеховича, мужа И. Гривниной, отключили телефон. В тот же день Капаев сообщил матери Гривниной, что следствие окончательно — надо искать адвоката.

4 мая Капаев сообщил то же самое В. Серебровой, жене Ф. Сереброва.

* * *

14 мая Попов допросил Е. Алексееву (Хр. 56, 57, 60). Алексеева отвечать отказалась "по личным причинам". Попов сказал: "Почему это некоторые люди ставят себя вне закона, не считают нужным соблюдать его? Если Вы не хотите отвечать сегодня, мы можем встретиться завтра, еще несколько раз или даже каждый день, все равно Вы будете отвечать, например, на допросе в другом качестве. ... Никто так себя не ведет, все разговаривают".

19 мая Алексееву допросил Капаев (оба допроса проводились по "делу Сереброва"; Капаев сказал, что это — дело № 6; вероятно, дело Сереброва к этому моменту уже было выделено в отдельное производство).

О ходе допроса Алексеева в тот же день написала письмо на имя Брежнева (копии: Рекункову и Андропову):

Глубокоуважаемый Леонид Ильич!

13 мая 1981 года я послала Вам письмо о незаконности полученного мной отказа в выдаче визы на выезд из СССР. На следующий день мне принесли повестку о вызове на допрос в качестве свидетеля в Следственный отдел Управления Комитета государственной безопасности СССР по городу Москве и Московской области к следователю Капаеву В.Н. Я отказывалась отвечать на вопросы по личным причинам (допрос проводил следователь Попов по делу Феликса Сереброва) — год назад меня задержали сотрудники КГБ, отвели в отделение милиции, где без всяких объяснений запретили ездить в Горький, кричали, угрожали, дословно: "Вы знаете, кто мы такие и слов на ветер не бросаем", — сказали они в конце "беседы". Именно тогда, испытав на себе незаконное поведение этой организации, я решила никогда не иметь с нею никаких дел, не разговаривать, не давать никаких показаний ни по каким делам. События последнего допроса лишь укрепили мою уверенность в правильности выбранной позиции. Следователь КГБ Попов вел себя корректно, и я вежливо отказывалась отвечать. Он предупреждал меня об ответственности от дачи показаний, говорил, что, возможно, я буду допрашиваться в другом качестве (обвиняемой?), но, повторяю, держал себя вполне вежливо. Сегодня я была на повтор-

ном допросе, который проводил следователь Капаев. Пока он перечитывал анкетные данные из предыдущего допроса, я вынула из сумки книгу, небольшой томик стихов Пушкина. Капаев сразу, я подчеркиваю – *сразу*, закричал: “Уберите книгу”. Я очень испугалась и лишь смогла сказать: “Нет”. Тогда он подбежал и закричал: “Я Вам говорю – уберите книгу!” И я от испуга тоже закричала: “Не уберу, отказываюсь!” В кабинет вошел начальник следственного отдела Балашов, так он представился. Я ему сказала, что Капаев кричит на меня. Балашов ответил: “Я пришел на Ваш крик”. Выходит, если следователь кричит – это дело обычное, и на это никто не обращает внимания. При всем своем желании я не могла кричать громче Капаева, он так заорал, что в первую минуту я лишилась дара речи, а затем была естественная реакция на оскорбление. Капаев сел на место и говорить начал Балашов. Он предупредил меня об ответственности за отказ от дачи показаний, ст. 73 УПК и ст. 182 УК РСФСР, тем не менее я отказалась давать показания – поведение следователя Капаева, полное равнодушие начальника отделения Балашова к нарушениям того же самого УПК, ст. 158: “При допросе свидетеля, как и при допросе обвиняемого, недопустимы “приемы”, основанные на физическом принуждении, угрозах, ложных утверждениях и обещаниях”, который (Балашов) также сказал, что я должна давать показания, если не хочу лишиться работы. От волнения, естественного в подобной ситуации, я начала листать книгу, которую все еще держала в руках. Капаев опять вскочил и начал кричать: “Я тебя в коридор выкину вместе с книгой, спущу с лестницы, выкину книгу в окно, а ты будешь потом ползать и собирать ее остатки”. И стал вырывать ее из рук. Я не могла ему отдать Пушкина после того, как он пообещал книгу выбросить. Кроме того, следователь Капаев, задавая вопросы, говорил о “преступной деятельности” Сереброва. Я расцениваю это не только как юридическую безграмотность, но и как свидетельство явной предвзятости следствия. Это обстоятельство даст мне дополнительные основания отказа от участия в следствии по этому делу. И после всего этого в протоколе мое поведение было названо “провокационным”. Я не стала его подписывать, не стала даже делать замечания, потому что и Капаев, и Балашов вели себя незаконно, угрожая потерей работы, передачей дела в суд, заранее определив меру наказания: “Для начала мы Вас оштрафуем на 50 рублей”, взяв на себя функцию суда. Капаев кричал на меня, угрожал применением физического воздействия, “тыкал”. Безусловно, не мое дело определять меру вины Капаева и Балашова, но мое дело – обратить внимание на жестокую незаконность их действий, подпадающих под статью 179 УК РСФСР о “принуждении к даче показаний путем применения угроз или иных незаконных действий со стороны лица, производящего дознание или предварительное следствие”. К сожалению, и угрозы, и оскорбления, и издевательства имели место. Капаев также кричал: “Ума у нее нет!”, что является и оскорблением и издевательством над личностью. Я прошу обратить вни-

мание на действия Балашова и Капаева, чтобы подобные вещи не происходили ни со мной, ни с кем бы то ни было другим.

* * *

18 мая Капаев допросил Е.А. Костерину (Хр. 26, 30, 38, 39, 58) по "делу Сереброва, обвиняющегося по ст. 190-1 УК РСФСР". Костерина сказала, что познакомилась с Серебровым несколько лет назад, кажется у Григоренко, а о "диссидентской деятельности" Сереброва ничего не знает.

Капаев предъявил Костериной письмо о Т. Великановой и Г. Якунине "Кто осужден?" (Хр. 58) и спросил, кто участвовал в его составлении. "В отношении меня — этот вопрос не может быть задан; в отношении Сереброва — не знаю".

На выкрики, что в письме клевета, так как Якунин "раскался", Костерина ответила, что ставить подписи она имеет право, так как выражает свое личное мнение. Капаев заявил, чтобы сын Костериной (Алексей Смирнов — Хр. 61 и "Обыски, допросы" в наст. вып.) принял к сведению его угрозы; эти письма последние, их больше не допустят; у Каллистратовой нашли письмо с автографами; "можете уезжать". На вопрос, является ли это последнее заявление предложением, Капаев ответил: "Кто хотел, тот уехал".

На возмущение Костериной грубостью следователя тот ответил: "Я всегда так разговариваю — можете жаловаться".

* * *

25 мая Гривнина с адвокатом А.А. Сарнс-Рубановой закончила знакомство с делом.

Неплевхович направил председателю Социал-демократической партии Германии В. Брандту письмо:

Господин председатель!

Моя жена Ирина Гривнина в скором времени должна предстать перед судом по обвинению в клевете на советский строй. Она была одним из участников Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. Деятельность комиссии носила принципиально гуманный, ненасильственный характер, не противоречила Конституции СССР, гарантирующей гражданам СССР право на критику.

Арест Ирины является тяжелой травмой для нашей 8-летней дочери.

Прошу Вас во время Вашего предстоящего визита в СССР ходатайствовать перед правительством СССР об освобождении моей жены Ирины Гривниной и других членов "Рабочей комиссии".

* * *

22 мая сотрудник КГБ Королев вернул В. Серебровой часть изъятых на обыске вещей.

25 мая Капаев вернул Серебровой еще часть изъятых на обыске вещей. Капаев потребовал у Серебровой расписку, что все вещи ей возвращены полностью. Она такую расписку дала, потом, проверив, обнаружила, что часть вещей (письма, стихотворения Сереброва) не возвращены. Тогда же Капаев подтвердил Серебровой, что обвинение ее мужу квалифицируется по ст. 190-1 УК РСФСР.

29 мая Балашов и Яковлев в Лефортове провели "беседу" с Серебровой, предварительно проведя ее подвалами в ту часть следственного корпуса, где допрашивают заключенных.

Следователей интересовало, каким образом сообщение об аресте Сереброва попало на западное радио, не жена ли передала. Аналогичный вопрос был о стихах Сереброва, опубликованных в "Континенте" и "Посеве". Ее также спрашивали о контактах с Хельсинкской группой. Отвечать Сереброва отказалась. Вопросы задавались таким образом, что становилась ясной гипотеза следствия о том, что Сереброва передает информацию на Запад через Группу. Несколько раз "беседа" принимала угрожающий характер.

Сереброва попыталась выяснить, не изменена ли мужу статья обвинения (новая следственная бригада, повестка в КГБ СССР, а не в Московское УКГБ и т.п.) На эти вопросы следователи отвечать отказывались, отсылая Сереброву к адвокату.

Сереброва на "беседе" заговорила о свидании с мужем. В тот же день оно было ей предоставлено.

Вскоре стало известно, что Сереброву предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР.

18 июня Серебров вместе с адвокатом Е.А. Резниковой закончил знакомство с делом.

СУДЫ

Суд над Азадовским

16 марта народный суд Куйбышевского р-на г. Ленинграда под председательством А.С. Луковникова рассмотрел дело кандидата филологических наук Константина Марковича Азадовского (1941 г.р.; арестован 19 декабря 1980 г. — Хр. 60), обвинявшегося по ч. 3 ст. 224 УК РСФСР ("Незаконное... приобретение, хранение ... наркотических веществ").

В деле фигурирует записка, нелегально отправленная Азадовским его невесте С. Лепилиной, арестованной 18 декабря 1980 г. по аналогичному обвинению (Хр. 60). В этой записке Азадовский просит Лепилину "твердо держаться данных тобою на следствии показаний относительно порошка на 4-й полке моего стеллажа и того, что ты надевала мою дубленку. Тебе это ничем не грозит, а для меня очень важно. ... Я пытался помочь следствию и курирующей его организации найти выход из создавшегося положения ценой небольшой лжи. ..."

Приговор: 2 года лагерей общего режима.

14 июня Азадовского взяли на этап.

Суд над Георгием Шепелевым

30 марта народный суд Гагаринского района г. Москвы под председательством Данилова рассмотрел дело Георгия Ивановича Шепелева (1950 г.р.; арестован 24 февраля — Хр. 61), обвинявшегося по ч. 1 ст. 96 УК РСФСР ("мелкое хищение государственного ... имущества").

Ни родственникам, ни адвокату о дне суда заранее не сообщили.

Утром 30 марта Шепелевым по телефону сообщили, что через 25 минут начнется суд. Они дозвонились до адвоката Г. Падве, который тут же поехал в суд знакомиться с делом (раньше ему такой возможности не предоставляли).

Г. Шепелев виновным себя не признал, сказав, что нашел бутылки вне территории завода и, когда его задержали, направлялся в милицию сдать их.

Приговор — полгода лишения свободы (максимум по статье).

* * *

31 марта В. Шепелев (Хр. 61), С. Нехотин (Хр. 60), Н. Крылова, А. Найденович и Е. Комарницкий (Хр. 60) опубликовали "Заявление для общественности":

...

Несмотря на логичность и убедительность доводов защиты, несмотря на отсутствие достаточного количества улик, несмотря на отрицание обвиняемым своей вины, судья Данилов зачитал приговор...

...

Георгий Иванович Шепелев осужден не по той статье, которую инкриминировали ему органы власти. Истинная причина совершившегося беззакония — участие Георгия Шепелева в написании романа "Эныч" (Хр. 60 — Хр.).

Суд над Еременко

В начале апреля Магаданский областной суд под председательством зам. председателя суда П.А. Рыбачука рассмотрел дело Арнольда Алексеевича Еременко (арестован 12 декабря 1980 г. — Хр. 60), обвинявшегося по ст. 190-1 УК РСФСР.

* * *

В 1964-1974 гг. Еременко отсидел 10 лет в лагере усиленного режима по ст. 88 УК РСФСР ("Нарушение правил о валютных операциях"). Затем он окончил Магаданский педагогический институт; перед арестом он преподавал на вечернем отделении этого института.

В 1977 г. у Еременко была изъята рукопись "Поверженные Октяб-

рем". Он просидел 40 дней в следственном изоляторе, написал "покаяние", подписал предупреждение "по Указу" и был выпущен.

Весной 1980 г. Еременко, уезжая в отпуск, передал свою рукопись Геннадии Боголюбову с просьбой переслать "на материк", однако в июне, при попытке того передать рукопись улетавшему знакомому, она "сгорела" – попала в руки властей. В сентябре Еременко вернулся из отпуска. 12 декабря он был арестован.

22 декабря у Бориса Мухаметшина в пос. Палатка Магаданской обл., где он отбывал ссылку (Хр. 55), и у его сестры Розы Федякиной в Москве были проведены обыски по делу Еременко (Хр. 60). У Мухаметшина ничего не изыали. С 22 по 29 декабря Мухаметшина допрашивали сотрудники Магаданского УКГБ.

* * *

Зал суда был заполнен "спешпубликой".

Еременко виновным себя не признал, заявив, что его работа не содержит клеветы и написана с марксистских позиций. Еременко указал на многочисленные ошибки и неточности, допущенные при ее цитировании. Его прерывали, не давали говорить.

Приговор – "с учетом семейных обстоятельств" (через несколько дней после суда у Еременко родилась дочь) 2,5 года строгого режима.

Суд над Сарбаевым

28 апреля Куйбышевский областной суд под председательством А.В. Дунаева рассмотрел дело Анатолия Андреевича Сарбаева (1955 г.р., арестован 30 июня 1980 г. – Хр. 57), обвинявшегося по ст. 190-1 УК РСФСР. Обвинитель – прокурор Л.М. Назарова, защитник – адвокат В.Н. Тершуков.

Сарбаеву инкриминировалось:

- изготовление статей "Основы антикоммунизма", "Советское общество по Конституции 1977 года" и "Конституция общества за железным занавесом" (1977 г.), работы "по вопросам терроризма" (1978 г.), "Информационного листка" № 1 "Средневолжской группы в защиту прав человека" (1979 г.), статьи "Слово Виктору", посвященной В. Давыдову (суд – Хр. 58);

- распространение статей "Феномен тоталитаризма" и "Второго пришествия не будет", полученных от Давыдова.

В приговоре сказано, что Сарбаев с 1974 г. "стал негативно относиться к советской действительности"; Куйбышевское УКГБ "профилактировало" его за "политически вредные высказывания". Затем Сарбаев "стал активным участником негативно настроенной группировки молодежи; принимал участие в обсуждении вопроса о создании в Куйбышеве нелегальной организации". 27 февраля 1978 г. Куйбышевское УКГБ сделало ему предупреждение "по Указу".

Суд, сославшись на то, что Сарбаев "ранее не судим, имеет на иждиве-

нии малолетнего ребенка, виновным себя признал полностью и раскаялся в содеянном, болен хроническим бронхитом”, приговорил его к 10 месяцам лагерей общего режима.

30 апреля Сарбаева освободили.

Суд над Зотовым

25 марта Михаила Зотова (Хр. 61) этапировали из Сызранской тюрьмы на судебно-психиатрическую экспертизу в Челябинск.

Из письма:

Вот уже третий месяц мытарят меня по КПЗ и тюрьмам. Вчера – сызранская тюрьма, сегодня – куйбышевская. Транзитная камера... Камеры переполнены – по сорок-пятьдесят человек спят бок-о-бок. Духота, табачный дым, вонь... В субботу и в воскресенье (28 и 29 марта) просил дежурных известить врача и дать хотя бы от температуры что-нибудь, аспирина что ли – бесполезно. Сказали только, что нахожусь я в Куйбышевской тюрьме, что означает, по-видимому: “Забудь о милосердии!”...

...

Я болен. Болит все. Два месяца не ем хлеба – язва. Сердце хлюпает... А тут еще простыл – три дня держится температура... Оказаться с таким здоровьем в психушке – значит укатить в смерть.

10 апреля Зотов прибыл в судебное отделение Челябинской областной психоневрологической больницы № 1. Экспертиза признала его невменяемым (диагноз – “инфекционно-травматическая шизофрения”) и социально-опасным. Она рекомендовала подвергнуть его принудительному лечению.

По делу Зотова была проведена и идеологическая экспертиза. “Эксперты” с кафедры научного коммунизма Тольяттинского политехнического института признали его картины и рукописи “представляющими социальную опасность”.

* * *

13 апреля Московская группа “Хельсинки” приняла документ № 165 “Арест Михаила Зотова”:

...

С ранней юности Зотов увлекался живописью и к моменту ареста создал более 100 полотен. На протяжении ряда лет он добивался организации в г. Тольятти выставки своих произведений... ему было отказано под предлогом несоответствия тематики его картин задачам советского изобразительного искусства.

Равнодушие официальных инстанций и их неспособность должным образом обеспечивать и защищать права граждан привели его в ряды правозащитников.

Он ... стал подписывать протесты против незаконных репрессий

и других нарушений прав человека в СССР, публиковал критические статьи в Самиздате, в результате чего начал подвергаться регулярным преследованиям властей...

...

Во второй половине марта на квартире Зотова был произведен повторный обыск, при котором изъяли пять его картин, в том числе автопортрет, на котором автор изобразил себя спутанным цепями.

Арест Зотова свидетельствует о стремлении властей подавлять не только свободное слово, но и всякое проявление свободного творчества, в том числе и в изобразительном искусстве.

* * *

13 и 14 июля Куйбышевский областной суд рассматривал дело Михаила Васильевича Зотова (1923 г.р., арестован 27 января), обвинявшегося по ст. 190-1 УК РСФСР. Самого Зотова, как невменяемого, на суде не было.

Суд направил Зотова на принудительное лечение в психиатрической больнице общего типа. Суд также вынес определение об уничтожении рукописи романа "Диссиденты" и картин Зотова.

ДЕЛО О ЖУРНАЛЕ "ПОИСКИ" (Хр. 52-58, 60)

Арест Яковлева

4 декабря 1980 г. против Михаила Яковлева было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 181 УК РСФСР ("Заведомо ложное показание"; имеется в виду допрос Яковлева на суде над Гриммом — Хр. 58).

В декабре же ст. следователь Московской городской прокуратуры Ю.А. Бурцев сообщил Яковлеву, что дело близится к завершению — пора искать адвоката. (16 декабря по аналогичному обвинению В. Сорокин был приговорен к 1 году лагерей — Хр. 60; правда, позднее приговор был изменен и Сорокин был освобожден — Хр. 61).

После этого Яковлев исчез из дома, сказав друзьям, что до посадки хочет закончить роман.

В конце декабря Бурцев сказал Г. Павловскому, что Яковлев зря "пропадает", так как с ним хотели "договориться полюбовно" (Хр. 60).

В середине апреля 1981 г. Яковлеву была присуждена поощрительная премия им. В. Даля за 1980 год (Франция).

28 мая, когда Яковлев вышел из кинотеатра, к нему подошел его куратор из КГБ (тот, который запугивал Яковлева в комнате для свидетелей в суде над Абрамкиным — Хр. 58). Яковлева арестовали и поместили в следственный изолятор на ул. Матросская Тишина.

10 июня В. Томачинский (Хр. 58, 60) направил прокурору Москвы (копия — председателю Московского городского суда) "Заявление-жалобу":

3 июня с.г. я дал свидетельские показания по уголовному делу в отношении гражданина М. Яковлева, обвиняемому по ст. 181 УК РСФСР. Старший следователь Мосгорпрокуратуры Ю.А. Бурцев, игнорируя мое требование о производстве допроса в соответствии с действующим законодательством, протокола допроса не вел, факты и обстоятельства, сообщенные мной, сначала огульно охарактеризовал как не имеющие отношения к делу, а после, согласившись с тем, что сообщаемые мной факты восстанавливают общую картину условий, в которые поставлен был М. Яковлев непосредственно перед и в связи с дачей им свидетельских показаний в суде, все-таки составить протокол отказался и предложил мне сообщить обо всем известном мне в связи с этим делом непосредственно прокурору.

Я, однако, нахожу, что невыполнение Ю. Бурцевым требований ст.ст. 20, 21, 58, 68, 69, 70, 71, 102, 109, 118, 128, 140, 141, 158 УПК РСФСР содержит в себе состав преступления, квалифицируемого ст. 172 УК РСФСР как халатность, и потому соединяю в своем заявлении жалобу на действия Бурцева (в соответствии со ст. 22 УПК РСФСР) с требованием привлечь его — Ю.А. Бурцева — к ответственности, а также с изложением обстоятельств, при которых М. Яковлев подвергался "принуждению к даче показаний путем применения угроз... со стороны лица, производившего дознание или предварительное следствие" — см. ст. 179 УК РСФСР.

Далее Томачинский подробно описывает вышеупомянутый эпизод в комнате для свидетелей во время суда над Абрамкиным. В конце Томачинский пишет:

... серьезнейшее беспокойство вызывает то обстоятельство, что суд действует не на основании закона, а по указаниям, даваемым ему из внесудебных сфер. Это видно из того, что участь Сорокина была известна "дознавателю" Яковлева еще до того, как Мосгорсуд вынес постановление о привлечении В. Сорокина к уголовной ответственности. Это видно из того, что "дознаватель" выполнил свою угрозу в отношении М. Яковлева, лично арестовав его по постановлению Мосгорсуда месячной давности. Это видно из того, что суд не принимает никаких мер против работников карательного аппарата, когда последние нарушают закон и совершают серьезные преступления. Суд явно идет на поводу карательных органов.

Наша история уже показала, к каким опасным последствиям приводит уступка прерогатив Закона карательным органам. Я, как ответственный гражданин, не нахожу для себя возможным идти на поводу гибельных тенденций.

Посему я настаиваю:

1. — на официальном допросе меня в качестве свидетеля;
2. — на привлечении к ответственности всех виновных в описанном преступлении дознавателей, следователей, прокуроров и судей;
3. — на немедленном освобождении М. Яковлева.

Вызов Гефтера

С весны 1981 года Бурцев добивался прихода на допрос одного из авторов журнала "Поиски" кандидата исторических наук М.Я. Гефтера (Хр. 52, 55-58). Однако из-за болезни Гефтера (ему 62 года) допрос долго откладывался.

В июне, после очередного вызова, Гефтер явился в прокуратуру и вручил следователю Г.В. Пономареву "Заявление, внесенное в протокол при вызове в прокуратуру г. Москвы":

1. Я считаю незаконными любые действия, препятствующие гражданам СССР (каждому из граждан) выражать устно или письменно свои убеждения и взгляды – естественно, при условии, когда эти публично высказываемые взгляды не содержат призыва к насилию.

2. С этой точки зрения я рассматриваю преследования, которым подверглись редакторы журнала "Поиски", – как необоснованные и противозаконные.

3. Я отмечаю систематические нарушения предусмотренной законом процедуры во время судебных процессов редакторов "Поисков" (фактически закрытый суд, ограничения подсудимых в защите и др.); к числу этих ограничений я отношу и отказ Мосгорсуда удовлетворить мое ходатайство о выступлении свидетелем по делу В.Ф. Абрамкина (как и ходатайство об этом же самого Абрамкина).

4. Я готов и сейчас дать показания на открытом судебном разбирательстве дела "Поисков".

5. С учетом всего вышесказанного я не могу считать вызов меня на допрос *"предварительным следствием"*.

6. Этим же и определяется моя позиция. Суть ее: невозможность соучаствовать в действиях, которые, по моему глубокому убеждению, являются незаконными и наносят ущерб обществу и государству.

АРЕСТЫ

Арест Павлова

В марте в г. Алексеевка Белгородской обл. после обыска арестовали Николая Сергеевича Павлова (около 40 лет; инвалид с детства – передвигается с помощью костылей; ранее судим по ст. 190-1 УК РСФСР). Ему предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР в "изготовлении, хранении и распространении листовок, порочащих советский государственный и общественный строй"). Дело Павлова ведет следователь Белгородского УКГБ майор Романовский.

20 марта старший следователь Владимирского УКГБ капитан Кривов провел в г. Юрьев-Польском обыск по делу Павлова у члена Инициативной группы защиты прав инвалидов В. Фефелова (Хр. 57, 60; постановление на обыск датировано 9 марта). Среди изъятого – письмо Павлова к Фефелову от 23 марта 1980 г., документ Инициативной группы № 15 в 7 экземплярах (Хр. 57) и документ № 18 (Хр. 60), информация Инициативной группы к 20-летию Олимпийских инвалидов игр в 5 экземплярах, письмо Фефелова XXVI съезду КПСС, использованная копировальная бумага.

Арест Кувакина

2 апреля следователь Московского УКГБ Капаев провел обыск по делу Гривниной – Сереброва (см. выше) у Всеволода Кувакина (Хр. 57, 60). Среди изъятого папки и тетради с машинописными и рукописными документами, рукописи Кувакина, "Бодался теленок с дубом" Солженицына (фотокопия), 49 выпусков "Хроники текущих событий", пишущая машинка, записные книжки, "кортик с белой костяной ручкой, украшенной фашистской свастикой", пули для спортивного пневматического оружия (в протоколе – 30 пунктов).

Во время обыска один из проводивших его сотрудников КГБ вошел в соседнюю комнату, где проживает сестра Кувакина М. Баженова, и сказал ей, что КГБ известно о том, что у нее хранится коричневый портфель брата; если она не выдаст портфель, придется провести обыск по всей квартире. Баженова вспомнила, что накануне вечером Кувакин выходил на балкон. Портфель там и обнаружили, после чего был составлен "протокол добровольной выдачи". Из портфеля изъяли письма В. Файнбергу и В. Борисову, документы Московской группы "Хельсинки" и СМОТА, подборку документов с грифом "Для служебного пользования" с описанием случаев производственного травматизма в СССР, самиздатские журналы "Варианты", "Социализм и будущее" и "Левый поворот", 5 штампов различных учреждений (в протоколе – 12 пунктов).

После обыска Кувакина доставили на Лубянку, где следователи Яковлев и Балашов допросили его по делу Гривниной – Сереброва.

Кувакин сказал, что с Гривниной и Серебровым знаком мало, никаких бумаг от них не получал. Об их членстве в Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях узнал из радиопередач. Деятельность Рабочей комиссии противозаконной не считает.

Остальные вопросы касались самого Кувакина. Его спрашивали об изъятом портфеле и находящихся в нем материалах. Кувакин подтвердил, что портфель и материалы принадлежат ему и что письмо, адресованное Файнбергу, тому и предназначалось. Он также сказал, что никому никаких материалов на хранение не давал.

Яковлев предъявил Кувакину протокол допроса М. Иконникова (он был допрошен, пока у Кувакина шел обыск, – см. "Обыски, допросы") о том, что Кувакин просил его перепечатать текст Указа ПВС о порядке рассмотрения жалоб (как выяснилось позже, следователь, проводивший этот допрос, заявил Иконникову, что накануне у Кувакина был проведен

обыск и изъято много антисоветских материалов). Яковлев сообщил Кувакину, что Иконников рассказал о намерении Кувакина создать группу "Гласность", которая оглашала бы случаи нарушений порядка рассмотрения жалоб и заявлений. Кувакин подтвердил эти показания, отметив, что не видит в своих намерениях ничего противозаконного.

Последняя часть допроса была посвящена контактам Кувакина с иностранцами и, особенно, с дипломатами. Кувакин подтвердил, что знаком с некоторыми иностранными корреспондентами, но не знает никого из дипломатов. Никаких материалов он иностранцам не давал и от них не получал.

На обыске у Кувакина присутствовал находившийся у него в гостях В. Шепелев (Хр. 61). Его увезли домой и там тоже провели обыск. Руководил обыском следователь Левченко. Изъято 6 листов с адресами и телефонами.

После обыска Левченко отвез В. Шепелева на Лубянку и там допросил. Шепелев заявил, что ни Гривниной, ни Сереброва он не знает, а вопрос Левченко о том, кто вчера, кроме Шепелева, был в гостях у Кувакина, он отвел как не относящийся к делу. Левченко пытался также выяснить, кто является автором заявления в защиту Г. Шепелева и кто собирал под ним подписи (см. "Суд над Георгием Шепелевым").

* * *

14 апреля сотрудники КГБ увезли Кувакина с работы. На следующий день стало известно, что он арестован и ему предъявлено обвинение по ст. 70 УК РСФСР.

В Самиздате распространяется "Заявление для печати" Кувакина, которое он написал 12 марта на случай ареста:

Допуская реальную возможность своего ареста органами КГБ, я считаю необходимым сделать следующее заявление:

— мне трудно предположить, какое конкретно "преступление" будет мне инкриминировано. Вероятно, стандартное для нашего Отечества — "изготовление и распространение клеветнических измышлений, порочащих советский строй". Заранее заявляю — никакого преступления я не совершал, никакой "клеветы" не изготовлял и не распространял.

Единственное, что я вполне осознанно и умышленно делал — писал о том, каким мне видится сегодняшний "самый прогрессивный, демократический и гуманный строй", по недоразумению именувый советским и — тем паче — социалистическим.

Я не отрицаю авторства и не отрекаюсь от своих рукописей, как опубликованных в "Самиздате" и в западных изданиях, так и не нашедших пока своего издателя и читателя.

Я не скрываю, что моей целью было стремление хоть в какой-то мере способствовать скорейшему разрушению того государственного и общественного строя, который вопреки желанию моих сограждан сформировался в моей стране.

Я не считаю этот строй ни законным, ни советским, ни — наконец — конституционным, а потому не признаю свою деятельность противоправной и не расцениваю ее как антисоветскую, ибо советского строя в СССР нет.

Все, что я делал и делаю — делалось и делается осознанно и умышленно. Если мне и придется о чем-то жалеть после ареста, так только о том, что сумел сделать так мало. Но я глубоко убежден, что участвовал и участвую в справедливом, правом и благородном деле, уничтожить которое не удастся ни арестами, ни судами, ни тюрьмами и лагерями, ни ссылками и высылками. На наше место неизбежно придут другие, и они будут отличаться от нас лишь тем, что будут смелее, последовательнее, решительнее, бескомпромисснее.

Это все, что я могу и хочу сказать своим друзьям и единомышленникам, согражданам, всем сочувствующим борьбе за права человека и демократизацию нашей страны. Сказать после ареста, ибо до самого последнего дня пребывания на свободе можно и нужно делать честно и молча одно — служить своей Родине, служить России.

* * *

В апреле на допросах по делу Гривниной — Сереброва спрашивали и о Кувакине (см. "Дело Гривниной — Сереброва" и "Обыски, допросы").

* * *

16 июня, в 14.30, к Ирине Нагле (Хр. 57, 61) на работе (она работает в ЦГЭ — там, где работали А. Лавут и Т. Осипова) подошла сотрудница спецчасти Л. Столярова и сказала: "Ира, зайдите ко мне в 4 часа — Вы мне нужны". Объяснить причину вызова Столярова отказалась — тогда Нагле отказалась прийти. В 16 часов начальник ЦГЭ А.С. Кашик (Хр. 57, 60, 61) вызвал по селектору Нагле к себе. На вопрос о причине вызова он ответил: "Если немедленно не придете, узнаете из приказа об увольнении". Нагле не пошла. (22 июня Нагле был вынесен выговор "за нарушение установленного режима учета рабочего времени и за неявку для беседы по этому вопросу к руководству ЦГЭ").

17 июня Нагле позвонили из КГБ и попросили зайти. Она ответила: "По телефонным вызовам не хожу".

30 июня Нагле в отделе кадров была вручена повестка на 1 июля к ст. следователю следственного отдела Московского УКГБ капитану А.А. Левченко.

1 июля Левченко допросил Нагле по делу Кувакина. Нагле отказывалась отвечать на вопросы, однако Левченко не записывал в протокол мотивировки ее отказов. Например, на вопрос "Что Вам известно об изготовлении, размножении, подписании и распространении Кувакиным каких-либо статей?" Нагле ответила: "Не понимаю, к какому уголовному делу это может иметь отношение"; в протоколе Левченко записал:

"Ответа не последовало". Левченко пытался также допросить Нагле о коллективном обращении "К людям и организациям доброй воли" от 15 июля 1981 г. (по поводу "олимпийской" госпитализации В. Гершуни – Хр. 57), под которым, среди прочих, подписалась и Нагле, но тоже безуспешно. Когда Нагле хотела записать в протокол допроса какие-то замечания, Левченко вырвал у нее авторучку. Протокол Нагле не подписала.

По окончании допроса Левченко предоставил кабинет двум непредставившимся сотрудникам КГБ. Те объяснили, что они пытались "побеседовать с Нагле на работе", но, так как Нагле упорно уклонялась от встречи, им пришлось "воспользоваться любезностью следственного отдела". Они предупредили Нагле о "последствиях" ее действий, не особенно конкретизируя, какие действия они имеют в виду.

ОБЫСКИ, ДОПРОСЫ

Обыски у членов редколлегии журнала "Поединок"

2 апреля следователь Московского УКГБ Попов провел обыск у Михаила Иконникова (Хр. 61). Попов сообщил, что обыск проводился по делу В. Кувакина.

Иконников был задержан на работе, где добровольно выдал Попову "Бюллетень Моссовета", в котором опубликовано постановление о работе с жалобами; копии жалобы Кувакина на плохую работу стеклоприемного пункта, отправленной в "Вечернюю Москву", и ответы на нее газеты и райпищеторга (в 5 экз.); анонимную самиздатскую статью о социально-экономических проблемах. Копии протокола добровольной выдачи Иконников не получил. После этого его отвезли домой, где также произвели обыск, но ничего не изъяли. Протокол этого обыска был изъят 14 апреля на обыске у Ю. Денисова (см. ниже).

По окончании обыска Иконников был допрошен "по делу Кувакина". Иконников сказал, что видел Кувакина один раз у Денисова (Хр. 57, 61), затем дважды был у Кувакина дома. Никакой "литературы" у Кувакина не видел и от него не получал. На предложение следователя охарактеризовать Кувакина Иконников ответил, что у него нет к Кувакину антипатии – ничего более он по этому вопросу сказать не может. Он познакомился с Кувакиным, потому что тот – юрист и мог посоветовать, как лучше оформить бюллетень "Гласность"; он, Иконников, вместе с Кувакиным намеревался организовать группу "Гласность"; ее бюллетень должен был носить "исключительно официальный характер" и не иметь связей с диссидентами и "заграницей". Предполагалось направлять его только в официальные инстанции.

* * *

3 апреля Юрий Денисов был допрошен в прокуратуре Москвы следователем Мелекаевым. Заданные вопросы касались журнала "Поединок" и

Иконникова. От дачи показаний Денисов отказался.

* * *

9 апреля по делу Гривниной — Сереброва был произведен обыск у Владимира Быкова (Хр. 61), а 11 апреля (по тому же делу) — у Елены Алексеенко. Изъято большое количество тамиздата и 40 экземпляров 55 выпуска "Хроники текущих событий" (машинопись).

После обысков Быков и Алексеенко были допрошены. Вопросы касались журнала "Поединок" и Кувакина.

* * *

14 апреля следователь Никитин провел обыск по делу Гривниной — Сереброва у Денисова. Среди изъятого — произведения Солженицына, несколько выпусков "Хроники текущих событий", материалы для "Поединка" № 6 (в протоколе — 34 пункта).

15 апреля Капаев допросил Денисова. После того как Денисов заявил, что с Гривниной и Серебровым он не знаком, Капаев перешел к вопросам о Кувакине. В ответ на заявление Денисова о том, что он не знаком и с Кувакиным, Капаев предъявил ему собственноручные показания Кувакина, утверждавшего, что он давал Денисову различные сам- и тамиздатские материалы (речь шла об изъятом у Денисова накануне на обыске). После этого Денисов, ранее заявлявший, что не помнит, откуда у него взялись изъятые материалы, подтвердил показания Кувакина.

* * *

В это время в редколлегия "Поединка", кроме В. Быкова, Ю. Денисова, Н. Денисовой, М. Иконникова и Е. Осиповой (Хр. 61), входили Е. Алексеенко и В. Шепелев.

Обыск у Готовцева

14 апреля по делу Гривниной — Сереброва Попов провел обыск у Александра Готовцева (Хр. 54, 60). Изъяты два пакета с "машинописными и рукописными документами", часть "Письма вождям" Солженицына в машинописи, личные записи, почтовые квитанции, старые рецепты. Готовцев подтвердил, что все изъятое принадлежит ему. Протокол подписать отказался.

После обыска Попов допросил Готовцева. Несколько раз в течение допроса в комнату входил Капаев. Попов сказал, что по делу обвиняются Гривнина, Серебров и Кувакин.

Готовцев заявил, что с Гривниной и Серебровым он не знаком. После этого Попов два часа допрашивал Готовцева о Кувакине и зачитывал показания последнего, данные им на допросах 2 и 14 апреля. В них речь шла о том, у каких лиц хранятся те или иные бумаги Кувакина. Были зачитаны также показания Кувакина о том, что 1 апреля вечером Готовцев

вернул ему пакет, на котором был написан адрес Файнберга (Кувакин называл свидетелей передачи Готовцевым пакета Кувакину), — этот пакет он дал Готовцеву в январе для пересылки за рубеж.

Готовцев отрицал показания Кувакина, говоря, что он не помнит никакого эпизода с передачей пакета, хотя и в самом деле был у Кувакина в гостях. Он потребовал провести очную ставку. После этого допрос был прекращен.

Следователи не скрывали, что параллельно, в соседнем кабинете, допрашивается Кувакин и его показания могут повлиять на отношение следователей к Готовцеву. У Готовцева создалось впечатление, что Кувакин действительно дает такие показания, так как целые абзацы из них заносились в протокол Готовцева.

На вопрос Готовцева, арестован ли Кувакин, Попов ответил: "Думаю, что Вы не увидите Кувакина теперь долго".

Допрос Вуля

3 апреля к жене Леонида Вуля (Хр. 61) приехал на работу сотрудник КГБ, представившийся "Анатолием Ивановичем". Он призывал "спасти мужа", говорил, что вряд ли администрация, узнав об обыске, захочет держать ее на работе.

6 апреля Вуля уволили "по сокращению штатов" (он работал рабочим в столовой).

10 апреля жена Вуля снова встретила с "Анатолием Ивановичем", который сказал, что "судьба ее мужа зависит от ее позиции". В конце "встречи" "Анатолий Иванович" вручил ей повестку на допрос на 13 апреля к ст. следователю следственного отдела Московского УКГБ капитану А.А. Левченко.

* * *

10 апреля в 10.30 Левченко позвонил Вулю и спросил, почему он не идет на допрос, ведь ему была послана повестка — возможно, она лежит в его почтовом ящике. Спустившись вниз, Вуль обнаружил в своем почтовом ящике повестку — на 10 апреля на 10 часов утра. Вуль поехал на допрос. Ему было задано 18 вопросов. На вопрос, с какой целью хранились в его доме изъятые документы, Вуль ответил, что этот вопрос ставит его в положение подозреваемого, чем ущемляются его права свидетеля. В ответ на вопросы, давал ли он кому-нибудь изъятые у него сборники издательства "Хроника-Пресс", направлял ли он что-нибудь в адрес этого издательства, принимал ли он участие в изготовлении, размножении и распространении "Хроники текущих событий", Вуль ссылался на свой ответ на первый вопрос. На вопрос, кому принадлежит изъятая у него на обыске, Вуль ответил, что все изъятая, кроме пишущей машинки, принадлежит ему, а пишущая машинка принадлежит его жене и использовалась она только женой для ее работы.

На вопрос "Из изъятых у Вас на обыске сборников издательства "Хроника-Пресс" и выпусков "Хроники текущих событий" видно, что они направлены на то, чтобы опорочить советский государственный и общественный строй, дискредитировать социалистическую демократию и образ жизни советского народа, фальсифицировать коммунистическую идеологию, создать у читателей искаженное представление о Советском Союзе, в частности, о том, что якобы в СССР отдельные лица необоснованно подвергаются различным преследованиям за политические и религиозные убеждения. Кроме того, в указанных сборниках популяризируется враждебная деятельность антисоветских элементов и различного рода отщепенцев. Как Вы оцениваете содержание данных документов?" Вуль ответил, что с указанной их оценкой он не согласен; он считает, что эти документы содержат правдивую информацию и направлены не на то, чтобы дискредитировать, фальсифицировать или опорочить что-либо, а напротив — предать гласности имеющие место факты, чтобы исправить существующие недостатки; это только способствует укреплению социалистической демократии. На вопрос, когда, где и от кого он получил эти сборники, Вуль отказался отвечать по морально-этическим соображениям.

Левченко предъявил Вулю несколько текстов — разделов 59 выпуска "Хроники текущих событий", написанных рукой Вуля (среди предъявленных текстов был предложен текст, написанный рукой Шихановича; дойдя до него, Левченко как бы сам себе сказал: "Нет, это не Ваш, это его почерк"), — спросил, участвовал ли Вуль в их изготовлении. Вуль снова сослался на свой ответ на первый вопрос. В одном из вопросов Левченко написал: "Из материалов уголовного дела усматривается, что предъявленные Вам документы, как и другие изъятые у Вас на обыске машинописные и рукописные тексты, изготовлены с Вашим личным участием, совместно с другими лицами, и предназначены для выпуска очередных так называемых "Хроник текущих событий"."

Вуля также спросили, знаком ли он с Ф. Серебровым и И. Гривниной (Вуль ответил, что его личные знакомства — его личное дело) и что ему известно об участии Сереброва в изготовлении и распространении ряда изъятых у Вуля документов, одним из авторов которых указан Серебров (ответ: "Ничего не известно").

* * *

13 апреля Левченко допросил жену Вуля.

* * *

17 апреля с Вулем "беседовал" сотрудник Московского УКГБ "Николай Борисович", который разговаривал с ним в милиции 20 февраля перед обыском.

В начале беседы "Николай Борисович" попросил Вуля держать разговор в тайне. Вуль заявил, что покупать кота в мешке не согласен. Если его собеседник захочет, чтобы какую-то часть беседы он, Вуль, держал в секрете, пусть он перед этой частью скажет, о чем будет речь, и Вуль тогда решит, обещает он или нет.

Большая часть беседы была посвящена выяснению взглядов Вуля на внешнюю и внутреннюю политику (Чехословакия, Афганистан, Чили). Вуль отвечал, не скрывая своих взглядов. Оставшуюся часть беседы "Николай Борисович" пытался убедить Вуля, что в "вашей Хронике" много клеветы. Он привел пример: в "Хронике" писалось о евреях из Петрозаводска, желающих уехать, что их уволили, а он, "Николай Борисович", специально сделал запрос — они подали заявления об увольнении по собственному желанию. Вуль возразил, что во многих местах, чтобы получить для подачи в ОВИР справку с места работы, требуют уволиться.

Вуль привел пример явно несправедливого осуждения. "Николай Борисович" обещал выяснить и просил названную ему Вулем фамилию пока не разглашать.

"Николай Борисович" снова спросил, не собирается ли Вуль уехать из СССР. Когда Вуль возразил, что сотрудники КГБ изъяли у него вызов из Израиля, "Николай Борисович" ответил что-то вроде: "Изъяли — могут и отдать".

В конце беседы "Николай Борисович" сказал, что они не успели договорить и, вероятно, придется побеседовать еще. Вуль сказал, что это не имеет смысла: если, скажем, он будет свидетелем или обвиняемым, он же не будет давать никаких показаний и не будет отвечать ни на какие вопросы, почему же ему на "беседе" отвечать на вопросы?

* * *

В мае Вуль получил по почте новый вызов из Израиля (вызов был заказан друзьями Вуля после 20 февраля; в Москву вызовы сейчас проходят очень плохо).

Дело № 50611/14-79 (Хр. 60)

Обыск у Леглера

17 марта следователь Московской прокуратуры Ларичев провел обыск у кандидата геолого-минералогических наук Виктора Леглера (постановление на обыск подписано Ю.А. Бурцевым). Среди изъятого — рукопись о положении ученых и состоянии научных исследований в СССР, над которой Леглер работал несколько лет, там- и самиздат, в том числе — копии книг Сахарова и Солженицына и "Доктор Живаго" Пастернака, № 1 и № 2 "Поисков и размышлений", 58 выпуск "Хроники текущих событий", пишущая машинка (всего изъято около 50 наименований). Леглер написал в протоколе:

Считаю, что ряд изъятых материалов, как то: школьный дневник моей жены, фотокопии изданных в СССР книг, мои личные заметки по геологии — *в принципе* не могут иметь отношения к какому-либо уголовному делу, и что их изъятие будет временным.

В остальном претензий не имею.

После обыска Леглера возили на допрос. На вопрос, откуда он взял "Поиски и размышления" и "Хронику", он ответил, что поскольку ему не разъяснено, в чем состоит дело, по которому его допрашивают, а он эти документы криминальными не считает, он отвечать на вопрос отказывается.

* * *

13 мая Леглер и его жена были вызваны на допрос в Московскую прокуратуру. Леглера допрашивал Бурцев, его жену — Г.В. Пономарев.

Леглер сказал, что не знаком ни с редакцией "Поисков", ни с редакцией "Поисков и размышлений", печатавшиеся там материалы считает "некриминальными".

В конце Бурцев заявил, что Леглеру вернут часть изъятых материалов.

* * *

2 июня домой к Леглеру неожиданно приехал Б.Б. Каратаев (Хр. 57, 61) с сопровождающими. Каратаев потребовал, чтобы Леглер и его жена немедленно ехали с ним "побеседовать". Леглер сказал, что без повестки не поедет. Тогда Каратаев вызвал милицию. Когда пришел милиционер, Леглер согласился ехать. Пока все шли к машине, Наталья Леглер, улучив момент, спряталась. Увидев, что ее нет, Каратаев начал кричать на своих спутников. Тем не менее, они сели с Леглером в машину и уехали. Н. Леглер, возвращаясь домой, увидела у дверей своей квартиры какого-то шарханувшегося человека. Вскоре за ней снова приехали, и она подчинилась.

Каратаев беседовал с Леглерами в приемной КГБ СССР. Он уговаривал их сказать, откуда у них изъятая литература, угрожал им. При этом он явно поглядывал на часы и тянул время. В конце беседы он пригласил Леглера еще раз придти на беседу на следующий день.

3 июня Каратаев провел с Леглером аналогичную беседу.

Обыск у Романовой

17 апреля на работу к Августе Романовой (Хр. 56, 57) явились капитан милиции Гордеев и "сотрудник", представившийся Шуховым. Они отвезли ее домой, где с утра шел обыск (постановление подписано Бурцевым). Обыск проводила старший следователь Московской прокуратуры Л.П. Корнакова. Среди изъятых там- и самиздат, записи о политзаключенных, переписка, записные книжки, почтовые квитанции. Кроме того, изъяли конспекты книг Аверинцева и Плутарха, сделанные Романовой, (в протоколе — 38 пунктов).

Романова записала в протокол:

1. В обыске участвовали двое: мужчина и женщина, их фамилии в протоколе обыска не указаны.

2. При обыске изъяты материалы, не имеющие никакого отношения ни к какому уголовному делу.

Романова также выразила резкий устный протест против изъятия у нее личных конспектов изданных в СССР авторов и глумления обыскивающих над этой ее работой.

4 мая у Романовой отключили телефон.

8 июня к Романовой после 22 часов явились "для проверки паспортного режима" два милиционера (один из них – участковый). При этом пытались выяснить место ее работы.

Обыск у Ходоровича

17 апреля следователь Московской прокуратуры Крылов провел обыск у распорядителя Фонда помощи политзаключенным Сергея Ходоровича (Хр. 56, 57). Среди изъятых – там- и самиздат, записные книжки, личные записи, записи о политзаключенных (около 200 листов), фотокопии "Хроники текущих событий", два фотоаппарата и фотопленки, магнитофонные кассеты, радиоприемник (в протоколе – 44 пункта). Подписать протокол Ходорович отказался.

В конце апреля у Ходоровича отключили телефон.

"Тепличное дело" в Томске

1 апреля в 6.30 утра в оранжерею цветочного хозяйства Томска прибыло 5 сотрудников КГБ для проведения там обыска у сторожа оранжереи С. Божко. В присутствии Божко были изъяты фотокопии одного номера журнала "Континент", одного номера журнала "Вестник РХД" и романа Платонова "Чевенгур". Изъятые материалы Божко признал своей собственностью, после чего его доставили в УКГБ, где капитан Н.Г. Сапожков допрашивал его до 22 часов (с оранжереей, в которой обыск продолжался до 20 часов, поддерживалась постоянная связь).

В это же время в УКГБ были доставлены пять знакомых Божко, среди них литератор Н.В. Серебrenников и социолог из университета В.М. Кандель.

В ночь с 1-го на 2-е у Серебrenникова и Канделя провели обыски. У Серебrenникова изъяли материалы литературного содержания, у Канделя – религиозного и научного. Обыск был проведен еще у одного участника "тепличного дела".

В ходе допросов Божко и Серебrenникова непрерывно поддерживалась двухсторонняя телефонная связь с Новосибирском, где допрашивали И.Н. Гемую и В.М. Климова. Серебrenникову на допросах были предъявлены показания Гемую.

Божко обвинили в распространении антисоветских измышлений, в подстрекательстве к антисоветским действиям, "выразившемся в попытке организации политических беспорядков на теплоходе Обского пароходства в 1970 г.", в длительной агитации среди студенчества города Том-

ска, в опорочивании культурно-хозяйственной политики ЦК КПСС.

Серебренникову угрожали применением психиатрических санкций, у остальных допрашиваемых пытались получить признания о его психической ненормальности.

В конце допросов Божко предъявили "Акт-предупреждение", согласно которому в случае повторения инкриминируемых действий Божко будет привлечен к уголовной ответственности по ст. 70 УК РСФСР с использованием настоящих материалов следствия.

Допросы продолжались с 1 по 6 апреля. Общее число допросного времени для восьми человек приблизительно составило 250 часов.

Допросы вокруг Алексея Смирнова

В последних числах марта в Москве был допрошен ряд сослуживцев А. Смирнова (Хр. 61), который работает в РИВЦ Министерства заготовок РСФСР. Вопросы, которые интересовали допрашивающих, печатал ли Смирнов на машинке в рабочее время и что именно он печатал? Ответы сводились к тому, что сам Смирнов говорил сослуживцам, что он печатает стихи, но текст он не показывал, закрывал его, прятал.

В конце мая в Горьком сотрудник КГБ из Москвы "беседовал" с находившимся в армейском госпитале А. Шуваловым (до призыва в армию осенью 1980 г. Шувалов работал в одной смене со Смирновым). Сотрудника КГБ интересовало, печатал ли Смирнов на пишущей машинке в рабочее время и высказывался ли он на политические темы. Шувалов отвечал отрицательно. "Беседы" продолжались два дня.

Обыски и допросы Санниковой и Пробатовой

14 марта около 22 часов вечера на ст. Нелидово Октябрьской железной дороги несколько милиционеров и "штатских" задержали Светлану Пробатову (1949 г.р.) и Елену Санникову (1959 г.р.), ожидавших на платформе электричку до Москвы.

В отделении им предъявили заявление о краже в поезде Рига — Москва с точным описанием их примет, после чего потребовали показать сумки, заявив, что часто задерживают людей по подозрению в чем-нибудь одном, а обнаруживают нечто другое.

У Пробатовой и Санниковой изъяли рукопись Пробатовой по социальному обеспечению в СССР, материалы Инициативной группы защиты прав инвалидов, воспоминания Н.Я. Мандельштам, записные книжки. Копию протокола обыска им не выдали. Отпустили их около 1 часа ночи.

Через несколько дней после этого Санникова поехала в деревню (в районе станции Нелидово), где она снимала комнату и работала в детском саду. Оказалось, что материалы, хранившиеся у нее в комнате, хозяйка квартиры сдала "в органы". Она сказала, что обязана была это сделать "как коммунистка".

Из камеры хранения станции были изъяты пишущая машинка и некоторые бумаги. По заявлению работников станции это сделали "сотрудники".

30 апреля Пробатова получила из Калининской транспортной прокуратуры ответ на жалобу:

...

В процессе проверки установлено, что постановлением ... объявлен розыск женщины, виновной в краже вещей у пассажира.

В связи с тем, что имело место некоторое совпадение примет, гр-ка Санникова была приглашена в дежурную контору милиции для установления личности. Вместе с ней приглашены были и Вы, т.к. Санникова пыталась передать Вам пакет.

В комнате милиции у Вас и Санниковой была обнаружена литература антисоветского содержания.

Задержания как такового не было, имело место доставление в комнату милиции для установления личности.

* * *

11 мая Санникову задержали в санатории для инвалидов под г. Саки в Крыму, где она "анкетировала" инвалидов. Ее отвезли в Крымское УКГБ в Симферополь; там ее продержали, допрашивая, 3 дня.

14 мая Санникову перевели в Крымскую областную психиатрическую больницу № 1, где ее обследовали три комиссии.

25 мая Санникову отвезли в аэропорт, посадили в самолет (за счет государства) и отправили в Москву. При выписке ей сказали, что ее признали здоровой, но у нее слабая психика, и если она будет продолжать заниматься той же "деятельностью", то легко может сойти с ума.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНВАЛИДОВ

В декабре 1980 г. член Инициативной группы Ольга Зайцева (Хр. 60) ездила в Чистополь (Татарская АССР) к другому члену Группы Ф. Хусаинову (Хр. 60). 23 декабря несколько человек в военной форме и штатском задержали ее на улице, затащили в здание тюрьмы и отобрали фотоаппарат. На проявленной пленке оказался только Хусаинов. После этого с Зайцевой "побеседовал" некто, представившийся "сотрудником КГБ Телешиным". "Бюллетень привезли?!" — спросил он и стал произносить в адрес Зайцевой всевозможные угрозы. Отпустили ее только поздно вечером.

5 января 1981 г. Зайцева обратилась в прокуратуру Чистополя с вопросом, чем мотивировано ее задержание КГБ. Кроме того, она потребовала возвратить изъятую фотопленку.

26 января помощник прокурора Чистополя В. Данилов ответил:

...Вы были задержаны оперативными работниками на территории режимного объекта при попытке сфотографировать данное уч-

реждение. Фотоаппарат Вам возвращен, а фото пленка при проявлении засвечена.

9 марта муж Зайцевой, член Группы В. Фефелов (Хр. 60), получил ответ от старшего помощника прокурора Татарской АССР Е.А. Дмитриевского:

...

Гр-ка Зайцева... была задержана при фотографировании государственного объекта, запрещенного для этих целей. Своими действиями Зайцева допустила грубое нарушение п. 1 пар. 69 соответствующих правил, утвержденных СМ СССР. Из объяснений самой Зайцевой видно, что, действительно, в момент задержания у нее в руках был фотоаппарат, с которым она занималась. Действия работников органов внутренних дел, задержавших Зайцеву, являются правомерными. Ваше утверждение о причастности к этому сотрудников КГБ не соответствует действительности. Оснований для возмещения Вам стоимости фото пленки в сумме 35 коп. не имеется, т.к. она оказалась засвеченной.

СОБЫТИЯ НА УКРАИНЕ

Суд над Алтуняном

С 26 по 31 марта Харьковский областной суд под председательством первого заместителя председателя суда Чернухина рассматривал дело Генриха Ованесовича Алтуняна (1933 г.р.; арестован 16 декабря 1980 г. — Хр. 60), обвинявшегося по ст. 62 УК УССР (= ст. 70 УК РСФСР). Обвинитель — прокурор М.Ф. Ахтямова, защитник — адвокат В.П. Кораблев.

* * *

В 1968 г. майор Алтунян был исключен из КПСС и уволен в запас (Хр. 5).

В 1969 г. Алтунян был одним из членов-основателей Инициативной группы по защите прав человека в СССР (Хр. 8).

В 1969 г. Алтунян по ст. 187-1 УК УССР (= ст. 190-1 УК РСФСР) был осужден на три года лагерей общего режима (Хр. 9, 11, 22).

По выходе из заключения Алтунян, радиоинженер по образованию, работал наладчиком киноаппаратуры.

* * *

В зал суда, кроме "спешпублики", были пропущены только родственники Алтуняна (правда, документов не проверяли).

Адвокат подал ходатайства о приобщении к делу справки из следственного изолятора о состоянии здоровья Алтуняна (у него — обостре-

ние язвы двенадцатиперстной кишки), 16 рационализаторских предложений, поданных Алтуняном в лагере, и газеты "Ленинская змена" от 1 декабря 1979 года, в которой имеется фотография с надписью "Лучший наладчик киноаппаратуры Г.О. Алтунян перед началом сеанса".

Алтунян заявил ходатайства — дать ему время для сверки экземпляра обвинительного заключения, который находится у него (в нем перепутаны страницы, карандашом и тушью внесены исправления), с экземпляром, находящимся у суда; вызвать в качестве свидетелей С.К. Подольского (по поводу разговора с врачом Гриценко), С.З. Карасик (по поводу обыска 30 мая 1980 г. — Хр. 57), Б.Я. Ладензона и А.А. Тульчинского (по поводу "распространения заведомо ложных измышлений" — Хр. 61); вызвать эксперта для уточнения счета за экспертизу; возвратить письма, фотографии и документы, не относящиеся к делу.

Суд удовлетворил первое ходатайство адвоката, а также первое (дал 20 минут) и последнее ходатайства Алтуняна.

Алтуняну инкриминировалось следующее:

- в январе 1975 г. Алтунян назвал ввод войск в Чехословакию и Монголию оккупацией, говорил, что средства, направляемые социалистическим и развивающимся странам, лучше направить на помощь своей стране (показания Косулина);

- в мае 1977 г., навещая в психбольнице В. Боровского (Хр. 45-47), Алтунян сказал, что в СССР здоровых людей держат в сумасшедших домах (показания врача Гриценко);

- Алтунян передал отцу матери В. Боровского ксерокопию статьи о В. Боровском на французском языке с его фотографией (Зинченко показал, что видел эту ксерокопию в доме Алтуняна; ксерокопия была изъята у отца В. Боровского);

- в сентябре 1979 г. Алтунян сказал Зинченко и Недоборе, что Хельсинкские соглашения принесут пользу только Советскому Союзу, лестно отозвался о Сахарове и Григоренко (показания Зинченко; "Свидетель Недобора не подтверждает показаний Зинченко, но его показания не следует принимать во внимание, т.к. он заинтересован в ходе дела");

- Алтунян дал Туровцу "Архипелаг ГУЛаг" Солженицына и "Живая история с 1917 по 1975 год" Корякова (показания Туровца; Козорук и Соломко показали, что Туровец давал им эти книги; на обыске у Алтуняна "Живая история" и 1, 2 тома "Архипелага ГУЛаг" обнаружены не были);

- в феврале 1978 г. Алтунян в присутствии капитана КГБ Шафранюка (Хр. 49), сказал своим сослуживцам Петренко, Туниеву и Титову, что функции государства в области внутренней политики отданы на откуп КГБ (показания Петренко, Туниева, Титова);

- Алтуняном сфабрикован клеветнический текст под названием "Краткая запись двух бесед" и передан для напечатания за границей, что подтверждается его появлением в "Хронике текущих событий", изданной в Нью-Йорке (на самом деле "Краткая запись двух бесед" ни в самиздатской "Хронике текущих событий", ни, естественно, в ее зарубежной типографской копии напечатана не была; она только упомянута

в Хр. 9; эта статья была изъята у Алтуняна в 1969 г. и в прошлый раз ему не инкриминировалась);

— Алтунян вложил в письмо Юрию Дзюбе, находившемуся в заключении, "клеветнические стихи Н. Руденко".

По поводу обвинения Алтунян сказал:

...

Прежде всего, я протестую против действий КГБ, и не всего КГБ, а Харьковского, и не всего Харьковского, а конкретно против действий Бабусенко, Яковенко, Сидельника, Мурзина, Дротенко, и хочу заявить, что я 25 дней голодал в следственном изоляторе в знак протеста против незаконных действий этих сотрудников, имевших место до того, как было возбуждено дело. Многих свидетелей допрашивали до возбуждения дела без протокола, оказывали на них грубое давление, обыск производился без всяких оснований, с грубыми нарушениями закона, до возбуждения дела. Дело полностью сфабриковано этими сотрудниками КГБ.

При разговоре с врачом Гриценко во время посещения Боровского присутствовал гражданин Подольский, но следователь Яковенко не пожелал даже узнать его фамилию и пригрозил обыском у Подольского, после того как я его назвал. Показания матери Боровского не могут являться доказательством содержания моих разговоров с Гриценко, т.к. она при этом не присутствовала и показала лишь, что Боровский действительно находился на обследовании. Гриценко в беседе со мной сказала сама, что Боровский был доставлен в клинику незаконным образом в милицейской машине без направления, а наутро появилось направление нарколога Еня с диагнозом "шизофрения", хотя такое направление должен давать психиатр, а не нарколог. Она давала характеристику всех членов медицинской комиссии и оценивала возможность решения вопроса о невменяемости Боровского. Ни о чем, кроме здоровья Боровского, я не говорил. Никаких антисоветских обобщений я не делал. Если бы вызвали свидетелем Подольского, вы бы в этом убедились.

Зинченко на пяти допросах показал, что видел ксерокопию статьи о Боровском в апреле 1980 г., а мать Боровского показала, что ксерокопию получил ее отец в январе того же года (в марте отец умер. — Хр.). После этого на шестом допросе (видимо, по просьбе следователя) Зинченко показал, что видел ксерокопию в период с января до мая. Я отрицаю факт передачи ксерокопии отцу матери Боровского и то, что Зинченко видел ксерокопию у меня дома. Мать Боровского не признает факт передачи ксерокопии мною. Все сказанное Зинченко о моих заявлениях о неправильной внешней политике Советского Союза, о Хельсинкских соглашениях и т.п. — оговор. Я этого не говорил. Я прошу учитывать свидетельство Недоборы, отрицавшего весь этот разговор. Мы говорили только о выезде Зинченко. Я возмущен, что показания Недоборы надо считать недействительными, т.к. он — заинтересованное лицо.

С Косулиным у меня никогда подобных бесед не было; мы друг

от друга далеки. Показания Косулиной ничего не доказывают, поскольку она утверждает лишь, что они с мужем действительно были у нас в доме в этот день, но нашего разговора она не слышала.

...

Первого и второго тома книги "Архипелаг ГУЛаг" у меня не было, и я их, следовательно, никому не давал.

Судья. Вы это отрицаете потому, что они не были у Вас изъяты?

Алтунян. Я отрицаю это потому, что их действительно не было. Третий том у меня был, но я его никому не давал.

Судья. Чем Вы объясняете то, что Туровец дал на Вас такие показания?

Алтунян. Тем, что его четыре дня допрашивали по несколько часов в день. Он мне потом сам рассказывал об угрозах КГБ. Он отрицал, что брал у меня книгу, и жена его отрицала. Потом жену попросили назвать их друзей, допросили их, и Козерук показал, что брал книгу у Туровца — 1, 2 и 3 тома, после чего Туровец под давлением показал, что брал эти книги у меня.

Судья. Вы читали эти книги?

Алтунян. Да.

Судья. Где брали?

Алтунян. Не помню. ...

...

Судья. Говорили ли Вы, что функции государства в области внутренней политики отданы на откуп КГБ?

Алтунян. Я говорил, что воспитательные функции отданы. Кстати, ни один из свидетелей не показал, что я вел антисоветские разговоры.

Судья. Что Вы можете сказать о документе "Краткая записка двух бесед"?

Алтунян. Я ручаюсь за каждую букву этого документа, там все правда до единой запятой, но я не передавал его за границу.

Судья. Что Вы можете сказать о факте посылки Вами клеветнических стихов Руденко Дзюбе?

Алтунян. Эти "клеветнические" стихи были опубликованы в СССР. Я знаю Руденко лично, горжусь знакомством с ним и считаю, что он прекрасный поэт. Стихи я направил потому, что Дзюба находился в России и ему было бы приятно читать по-украински. ...

...

Судья. У Вас изъята публикуемая в Нью-Йорке "Хроника текущих событий" с клеветнической статьей о Вас. Как эта статья попала за границу?

Алтунян. Во-первых, это все правда, а не клевета, а во-вторых, "Хроника" издается в Москве и статья была перепечатана без моего ведома.

...

Алтунян. Почему у нас не выдают в библиотеках старые номера газет и журналов? Я даже "Правду" за 1961 год не смог получить. А Солженицын старается все осмыслить самостоятельно. Я хочу знать разные точки зрения.

Судья. Зачем Вам это нужно?

Алтунян. Для выяснения правды.

Судья. Так Вы – правдист?

Алтунян. Вы хотите меня этим уколоть?

Судья. Нет, я хочу выяснить.

Алтунян. Считайте, что так. Но никакой цели подрыва Советской власти в этом нет.

...

Судья. Зачем Вы хранили фотографии разных антисоветчиков?

Алтунян. Я хранил фотографии дорогих и близких мне людей. В этом нет никакой цели подрыва Советской власти. Фотографии были отобра- ны следствием тенденциозно. Я прошу вернуть мне фотографии, это на- ша семейная реликвия. Знакомством же с Сахаровым, Григоренко, Не- кипеловым я горжусь.

Судья. Почему у Вас такая целенаправленность в подборе литерату- ры?

Алтунян. Я храню дома разную литературу, а Вы говорите только об этой. Даже из того, что у меня было изъято, в обвинении фигурирует толь- ко 10-12 названий (изъято было 38).

Адвокат. Какой процент составляла эта литература от всей литерату- ры?

Алтунян. Ну, я не знаю – тысячную часть.

На суде были допрошены Зинченко (суд – Хр. 61), 5 сослуживцев Алтуняна, директор "Кинотехпрома" Петренко, парторг Туниев, масте- ра Титов и Калиниченко и напарник Алтуняна Клименко, муж двоюрод- ной сестры жены Алтуняна Косулин, Соломко, Козорук, Туровец, мать В. Боровского и Недобора.

Врач Гриценко на суд не явилась – были оглашены ее показания на предварительном следствии.

Прокурор в своей речи поддержала все пункты обвинения и потребова- ла для Алтуняна максимального наказания – 7 лет лагерей строгого ре- жима и 5 лет ссылки.

Адвокат указал на недоказанность всех пунктов обвинения, кроме разговора с сослуживцами. Он указал, в частности, на то, что на суде не было врача Гриценко и не был вызван участник разговора Подольский. Он закончил просьбой, чтобы суд учел, что Алтунян и его жена – тяжело больные люди, а отец его – при смерти.

Последнее слово Алтунян закончил словами:

Я считаю, что я не совершил никакого преступления ни по од- ному пункту обвинения, вина моя не доказана, я не признаю себя виновным, поэтому я не прошу о снисхождении.

Граждане судьи, сегодня работники Харьковского КГБ бросают грозный вызов органам правосудия. Такого вызова я еще не пом- ню. Я боюсь, что вы можете совершить судебную ошибку. Если вы сегодня осудите меня, то откроете дорогу массовым репрессиям. Это опасное новаторство. КГБ докажет свою полную безнаказан- ность и бесконтрольность. Я боюсь, что харьковское правосудие

станет пионером на пути возврата к сталинизму, когда для осуждения человека достаточно одного недоказанного доноса. Им стоит только наметить жертву, а остальное сделают такие люди, как Бабусенко, Дротенко, Яковенко. КГБ получит возможность врываться в любую квартиру, производить незаконные обыски, устраивать слежку. Сейчас они следили за мной, завтра они будут следить за вами (обращаясь к прокурору), а послезавтра и за вами (обращаясь к судьям). Сегодня на скамье подсудимых я, завтра на этой скамье окажетесь вы.

Еще свежи в памяти недавние ошибки. И прежде, чем вы уйдете в совещательную комнату, я прошу вас: не совершите ошибку, подумайте, прежде чем выносить приговор.

Если я здесь кого-то обидел, прошу прощения, это свойство моего характера. Но с моим вспыльчивым характером прекрасно справляется моя жена.

Я благодарю всех моих друзей и близких, пришедших сюда. Я знаю, как это было тяжело. Я прошу прощения у своих родных, я виноват перед ними, я испортил им жизнь, но Бог видит, что я этого не хотел.

И еще, граждане судьи, прежде чем вы уйдете в совещательную комнату, я хочу напомнить, что в прошлый раз вы мне не дали воспитать своих малолетних детей, а в этот раз можете не дать проводить в последний путь моих престарелых родителей.

Приговор повторил все пункты обвинительного заключения. Суд приговорил Алтуняна к 7 годам лагерей строгого режима и 5 годам ссылки. Суд лишил Алтуняна звания майора и внес в ПВС представление о лишении Алтуняна медалей. Суд вынес определения о выделении из дела материалов на Ю. Дзюбу и Туровца.

* * *

7 апреля Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 164 "Суд над Генрихом Алтуняном":

...

Из самого текста приговора совершенно ясно, что Алтунян не совершил никакого уголовного преступления и сурово осужден только за свободную мысль, за свободное слово, за книгу.

В своем последнем слове Алтунян сказал, обращаясь к судьям и прокурору:

"Сегодня по доносу судят меня, завтра — моих друзей, а послезавтра вас. Это очень опасное начинание... Это фактически суд над мыслью и книгой: с книгами можно бороться только книгами, а не дубинами и решеткой".

Осуждение Генриха Алтуняна свидетельствует об усилении преследований всех инакомыслящих в СССР.

Суд над Набокой, Милявским, Лохвицкой и Чернявской

В Хр. 61 сообщалось об аресте пяти киевлян. В этом сообщении имеются неточности.

Сергей Набока, его жена Наталья Пархоменко, Леонид Милявский, Лариса Лохвицкая и Инна Чернявская решили в память арестов 1972 года (Хр. 3) расклеить листовки на украинском языке примерно следующего содержания: "Соотечественник! 12 января — день украинского политзаключенного. Поддержим это".

11 января, возвращаясь со дня рождения своего знакомого, они по дороге наклеили одну листовку. Набока, Лохвицкая и Чернявская в почти пустом троллейбусе наклеили на дверь еще одну листовку. К ним подскочил какой-то мужчина и с криком "За это в тюрьму сажают!" схватил одного из них. В это время была остановка, на которой стоял милиционер. Он и задержал всех троих. Подъехавшие на следующем троллейбусе Милявский и Пархоменко также были задержаны. Всех отвели в милицкий пункт станции метро, где устроили личный обыск. Одну листовку нашли у Набоки, другую — у Пархоменко. После приезда сотрудника КГБ задержанных развезли по отделениям милиции, поместили по отдельности в КПЗ и в ту же ночь каждого допросили.

12 января были проведены обыски. У Набоки изъяли его собственные стихи и рассказы (на украинском языке), "Дьяволиаду" и "Роковые яйца" Булгакова, архив тестя (украинского сценариста), два номера журнала "Хлам" (Художественно-Литературный Альманах, издавался в дружеском кругу с 1979 г., вышло два номера), пишущую машинку. У Лохвицкой изъяли рассказы (на русском языке), дневники, пишущую машинку. У Милявского обыск проводился без ордера, протокола и понятых. Изъяли словарь "Ретро" (слова, употреблявшиеся в 20-50 гг.), им составленный, номер газеты "Израиль сегодня". У Чернявской изъяли радиоприемник и пишущую машинку.

В этот же день отпустили Пархоменко: "Молитесь за своего ребенка, ради него отпускаем" (у Пархоменко и Набоки дочь 1979 г.р.).

Дело вел старший следователь Киевской прокуратуры В.Б. Танцюра.

Обвиняемые не отрицали ни вменяемых им действий, ни своего критического отношения к советской действительности, рассказывали много фактов из своей биографии, ряд из которых был использован следователем как материал для обвинительного заключения. Так, Милявский показал, а другие подтвердили, что читали номер журнала "Континент". Обвиняемые также показали, что летом 1980 г. пытались изготовить гектографическую массу для печатания листовок к Московской Олимпиаде (об Афганистане), но это им не удалось.

Следователь пытался склонить обвиняемых к покаянию, обещая прекратить дело; угрожал, что подведет их под "злостное хулиганство".

Обширные показания дал свидетель Андрей Горынь.

* * *

С 25 по 29 июня Киевский городской суд под председательством В.Н. Майбоженко рассматривал дело Сергея Вадимовича Набоки (1955 г. рождения; учился заочно на последнем курсе факультета журналистики Киевского университета; работал редактором в издательстве "Мистецтво"), Леонида Израйлевича Милявского (1951 г.р., окончил испанское отделение Института иностранных языков; работал переводчиком с немецкого в УкрНИИТИ), Ларисы Юрьевны Лохвицкой (1954 г.р., окончила факультет кибернетики КГУ; работала программистом в ВЦ Управления железных дорог) и Инны Борисовны Чернявской (1954 г.р.; окончила биологический факультет КГУ; работала в Институте эндокринологии, подготовила к защите диссертацию), обвинявшихся по ст. 187-1 УК УССР (= ст. 190-1 УК РСФСР). Государственный обвинитель – прокурор Л.М. Абраменко, общественные обвинители – С.Н. Ткач и Л.Д. Гоголев (из издательства "Мистецтво"), защитники – Макаренко (у Набоки), Федоренко (у Милявского), Карпенко (у Лохвицкой) и Сафонова (у Чернявской).

В зал суда была допущена только "спешпублика". Родственники подсудимых были вызваны как свидетели и допрошены лишь в предпоследний день процесса.

* * *

Лохвицкая (согласно приговору)

- в 1975-79 гг. составила "клеветнический рукописный документ в виде дневниковых записей на 68 листах";
- в 1977-79 гг. составила "Записки радиослушателя" (комментарии услышанного по западному радио) на 133 листах;
- в начале 1980 г. написала статью "Выбрать свободу", где утверждается, что в СССР отсутствуют политические свободы, нарушаются права человека, инакомыслящие преследуются и что государство "основано на политическом угнетении, экономическом авантюризме и безграмотности";
- в 1980 г. "изготовила для распространения" статью "Будущее нашего общества. Тенденции его развития".

Лохвицкой вменены также в вину разговоры об оккупации Чехословакии в 1968 г., неодобрение ввода войск в Афганистан и одобрение "Солидарности" (по показаниям Щербакова, Пилипенко, Голования и Лементарчук).

Набока

- в 1976 г. написал стихотворение "О, дай нам, Боже", в котором утверждал об отсутствии в СССР свободы;
- в 1977 г. "на неустановленной пишущей машинке изготовил для распространения подборку "Прозрение", где с клеветнических позиций пытался навязать читателю мысль о якобы отсутствии в СССР демократических свобод, для чего поместил в названной подборке ряд текстов в

виде стихотворений упадочнического характера, увязывая их содержание с 60-летием Советской власти”;

– в 1977 г. ”в соавторстве с неизвестным лицом изготовил для распространения документ клеветнического содержания ”На перепутье. Псевдосоциализм”, содержащий заведомо ложные измышления” о том, что средства массовой информации в СССР не освещают правдиво советскую действительность, а изливают ”лавину благообразия, благополучия и самодовольства”;

– в начале 1980 г. написал стихотворение ”Хвала тоби”, где утверждал, что СССР является империей;

– в 1980 г. написал документ ”Вже чимало надий”, где утверждал, что лозунги ”Свобода! Равенство! Братство!”, во имя которых была совершена Октябрьская революция, ”были и остались пустыми словами”.

Чернявская в 1979-1981 гг. ”систематически прослушивала враждебные СССР радиопередачи”.

Милявский и Набока в конце 1978 г. ”распространяли” № 8 журнала ”Континент” (причем криминальным в нем было объявлено только ”Испанское интервью” Солженицына).

Лохвицкая и Чернявская

– в 1980 г. ”изготовили клеветнический по содержанию текст в стихотворной форме”, где утверждали, что в СССР преследуют инакомыслящих и пытались ”оправдать враждебную СССР деятельность отщепенцев из числа отдельных граждан”;

– в 1980 г. ”составили клеветнического содержания документ” под названием ”Хартия”, где утверждали, что в СССР проводится милитаризация общества, подавляется инакомыслие, разжигаются великодержавный шовинизм и национальная вражда, экономика пришла в упадок.

Набока, Милявский, Лохвицкая и Чернявская

– в июле 1980 г. в квартире Чернявской изготовили листовку с призывом поддержать бойкот Олимпиады, утверждая, что СССР оккупировал Афганистан (на самом деле это свое намерение подсудимые осуществить не сумели и сами рассказали об этом на следствии);

– в начале осени 1980 г. в квартире Набоки изготовили документ ”Перспективы заполнен”. (Так в приговоре; полное название: ”Перспективы заполнения духовного вакуума советского общества” в приговоре не приведено), где утверждается, что в Советском Союзе отсутствуют демократические свободы, советский государственный строй именуется ”советским империализмом” и сравнивается с фашистским режимом;

– в 1980 г. составили ”Манифест”, где утверждается, что в СССР произошла ”узурпация власти” и ”вся власть Советов перешла в руки Коммунистической партии”, выдвигаются ”демагогические требования” по поводу расширения прав человека и демократических свобод в СССР. ”Судьбу названного документа в ходе следствия проследить не представилось возможным. Второй экземпляр ”Манифеста”, написанный Набокой, изъят у него на квартире во время обыска”. (На самом деле у Набоки на обыске изъята только его заметка ”Деяки думки” по поводу ”Манифеста”, эта заметка – все, что следствие знает о ”Манифесте”).

В 1981 г. Лохвицкая составила текст листовки "Спивитчизнику" и совместно с Чернявской у нее дома размножила ее для последующего распространения. "В листовке клеветнически утверждается, что Украина в составе Советского Союза не является независимой, суверенной республикой" (ничего подобного в листовке не было — ср. выше). На суде фигурировало число "20" (листовок), хотя были расклеены 2 и изъяты еще 2 листовки.

* * *

В начале суда Набока заявил ходатайство, чтобы судопроизводство велось на украинском языке, — его отклонили.

Подсудимые не признали себя виновными.

Из приговора: подсудимые

не оспаривают своего участия в изготовлении вмененных им в вину произведений, однако полагают, что ни в одном из изготовленных вмененных им в вину документов не содержатся заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

Ссылки подсудимых на то, что в предъявленных им в вину эпизодах клеветнических измышлений, как таковых, не содержится, не соответствуют действительности: клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, изложенные в созданных ими произведениях, являются явными, заведомо для них ложными, т.к. они проживают в Советском Союзе, пользуются всеми благами, правами и свободами его граждан, знают о миролюбивой политике страны, о широких правах граждан, национальной политике и тем не менее в своих произведениях распространяли заведомо ложные и не соответствующие действительности надуманные факты с целью опорочить советское государство и общественный строй.

В последнем слове подсудимые говорили о своем намерении изучать политику и экономику, чтобы критиковать государственную систему со знанием дела. Набока в последнем слове сказал также: "Ни секунды не сомневался в том, что нас осудят. И наше осуждение — лучший аргумент в нашу пользу". Из последнего слова Милявского: "За взгляды ответственности обычно не несут. История покажет, что мы были правы".

Суд приговорил каждого из подсудимых к 3 годам лагерей общего режима. В приговоре орудиями преступления, наряду с пишущими машинками, названы изъятые на обысках радиоприемники.

От кассации осужденные отказались.

Аресты

Арест Лиденко

19 марта в Виннице арестован Петр Павлович Лиденко. Ему предъявлено обвинение по ст. 187-1 УК УССР (= ст. 190-1 УК РСФСР).

Арест Кандыбы

24 марта в пос. Пустомыты Львовской обл. арестован проживающий там под надзором бывший политзаключенный, член-учредитель Украинской группы "Хельсинки" Иван Алексеевич Кандыба (Хр. 39, 42-53, 56).

В этот же день во Львове прошли обыски у Михаила Горыня (Хр. 35, 51, 56), Ярослава Дашкевича (Хр. 54) и у жены политзаключенного З. Красивского (Хр. 56, 60) Елены Антонив (Хр. 56). Во время обыска у Горыня, который проводили 8 человек, на стол был подброшен конверт с обращением к Мадридской конференции, составленным якобы Украинской группой "Хельсинки". Горынь и его жена немедленно заявили об этом обыскивавшим. "Пусть будет проклят тот, кто его подбросил!" – воскликнул Горынь. Понятые вынуждены были подтвердить, что при начале обыска конверта не было.

В марте был проведен обыск у Красивского, отбывающего ссылку в Тюменской области.

26 марта в Умани был проведен обыск у Н.В. Суровцевой (Хр. 54). Изъяты ее воспоминания и записи мемуарного характера о советских писателях.

28 марта в Киеве был проведен обыск у племянницы Суровцевой Л. Домотицкой.

1 апреля в Киеве был проведен обыск у Л. Лукьяненко, у которой Суровцева обычно останавливалась, приезжая в Киев. Изъяты мемуары Суровцевой, записи ее устных рассказов и документальные материалы, касающиеся матери Суровцевой.

* * *

29 апреля был проведен обыск у жены политзаключенного В. Черновола (см. "В тюрьмах и лагерях" в наст. вып.) Алены Пашко (Хр. 61). Изъяты письма Черновола к жене из ссылки и лагеря, заявления семьи Черноволов в официальные инстанции.

В течение мая Алену Пашко – через день – вызывали в КГБ на допросы. Ей грозят арестом.

14 мая вызвали на допрос ее дочь Ирину Пашко (накануне свадьбы).

В мае мать Пашко (ей около 80 лет) вызывали на допрос по делу Кандыбы. Речь шла о материалах, изъятых на обыске у дочери.

* * *

* * *

6 апреля Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 165 "На Украине арестован Иван Кандыба":

...

Мы лишены возможности получить информацию о том, какое именно обвинение предъявлено Ивану Кандыбе. Но мы убеждены, что ничего, противоречащего Конституции СССР, и ничего противозаконного И. Кандыба совершить не мог.

Арест Раисы Руденко

21 марта Раиса Руденко (Хр. 57, 61), приехав на автобусе из Киева к себе в район Конча Заспа, шла домой по тропинке. Какой-то неизвестный (соседи говорили позже, что он околачивался в рощице, находящейся около домов, уже несколько дней) выхватил у нее сумочку и побежал к шоссе на дороге, где его поджидала машина, сел в нее и уехал. В сумочке были паспорт и стихи Н. Руденко (Хр. 61), полученные в обход цензуры.

15 апреля у Р. Руденко был проведен обыск, после которого ее арестовали. Изъяли письма, машинописные тексты (около 60 наименований).

Р. Руденко предъявлено обвинение по ст. 62 УК УССР (= ст. 70 УК РСФСР).

* * *

16 апреля в Киеве был проведен обыск у бывшего политзаключенного Григория Герчака (Хр. 48) и его жены Людмилы Литовченко (Хр. 54). Сотрудники КГБ отказались объяснить, по какому делу проводится обыск, сказав лишь статью – ст. 62 УК УССР. Самого Герчака дома не было – его с работы увезли на допрос. Литовченко допросили после обыска. Вопросы, в основном, касались Р. Руденко.

* * *

16 мая в Киеве был проведен обыск у жены политзаключенного А. Мурженко Любови Мурженко (см. "В тюрьмах и лагерях" в наст. вып.). Изъяты письма мужа, машинопись, фотографии.

29 мая старший следователь Киевского УКГБ капитан Зинич по поручению старшего следователя КГБ УССР капитана Фахно допросил Л. Мурженко по делу Р. Руденко.

Л. Мурженко сказала, что знает Р. Руденко несколько лет, отношения нормальные, "о хранении, изготовлении или распространении ... литературы антисоветского содержания ничего не известно".

Затем Л. Мурженко предъявили изъятое на обыске. Она сказала, что "письма мужа были отпечатаны на машинке знакомой Майей Коганской

и были ею мне отданы при выезде ее из СССР в Израиль". О двух рукописных листах сказала, что не помнит, как они к ней попали.

После допроса сотрудник КГБ старший лейтенант Н.Ф. Шеремет (Хр. 53) вынес Л. Мурженко предупреждение "по Указу"

в связи с тем, что она поддерживает письменную связь с лицами, ранее осужденными за антисоветскую деятельность. Изготавливает и направляет в различные инстанции органов государственной власти письма и заявления идейно вредного содержания.

* * *

26 июня в 3 мордовском лагере следователь с Украины пытался допросить Т. Великанову. Она отказалась отвечать: "Участие в таком деле в любом качестве — свидетеля, следователя, судьи, подсудимого и т.п. — считаю безнравственным".

Арест Анцупова

20 марта Евгений Анцупов (Хр. 57, 60, 61) направил Генеральному прокурору СССР заявление, в котором требует возвратить изъятые у него 22 августа 1980 г. на обыске научные труды:

На сегодняшний день УКГБ Харьковской области лишено каких бы то ни было юридических оснований продолжать *разбойное* удержание моих работ. В такой стране как наша (а это — страна *самой передовой в мире демократии*) подобные "вольности" в отношении закона совершенно недопустимы. Предлагаю не ждать год-полтора, пока Президиум ВС СССР будет рассматривать вопрос о моем выходе из советского гражданства, но решить вопрос немедленно и кардинально: Анцупова Е.М. подвергнуть аресту, предъявить ему обвинение по *всем* статьям "Особенной части" УК УССР, работы Анцупова сделать вещественными доказательствами по его делу и навсегда, таким образом, похоронить их в архивах. Думаю, что после этого ни одна собака в СССР не станет вспоминать, что перед арестом Анцупова его работа в течение 7 месяцев все-таки *незаконно* удерживалась КГБ.

В середине апреля Анцупов направил прокурору Харьковской области заявление с требованием проконтролировать действия Харьковского ОВИРа, который более полугода отказывает в выдаче анкет семье Анцуповых.

В заявлении, в частности, содержится такой прогноз:

Скорее всего, я буду подвергнут аресту и осуждению. У нас любыми способами, любыми затяжками и судами должны препятствовать эмиграции — это хорошо усвоили на местах. Горькая страна, горькое правительство, горький народ, горькие законы, горькие нравы!

24 апреля Анцупова задержали в Пензенской обл., куда он направлялся на заработки.

27 апреля следователь по особо важным делам Харьковской областной прокуратуры С.М. Стороженко письменно известил жену Анцупова Е.Л. Семянникову, что на основании его постановления 24 апреля ее муж арестован и будет содержаться в следственном изоляторе УВД Харьковской области.

* * *

16 декабря 1980 г. Анцупов написал "Заявление, которое я прошу огласить в случае моего ареста":

Всем!

Возбуждение против меня уголовного дела есть акт мести за мои политические и научные взгляды... Надо мной чинят самую настоящую, самую разбойную политическую расправу... Родных, друзей и врагов прошу иметь в виду... Я отказываюсь принимать участие в комедии следствия и суда, никаких показаний давать не буду. В случае, если после ареста я буду не осужден, а спрятан в "психушку", действия властей прошу квалифицировать так же, как и в случае осуждения, — как месть, расправу, преследование и наказание за инакомыслие.

* * *

28 апреля начальник следственного отдела управления УВД Харьковской области Никонов сообщил Семянниковой, что Анцупову предъявлено обвинение по ст. 187-1 УК УССР (= 190-1 УК РСФСР).

В тот же день Семянникова обратилась с заявлением к прокурору Харьковской области (копия: Генеральному прокурору СССР):

24 апреля 1981 г., после многократных обращений и заявлений, у нас, наконец, приняли документы на выход из гражданства. Однако по странному стечению обстоятельств в тот же день, 24 апреля, мой муж, Анцупов Евгений Михайлович, арестован.

Требую немедленно освободить его и прекратить преследование нашей семьи. Прошу Вас взять под свой контроль передачу наших документов на выход из гражданства СССР в Президиум ВС СССР, соблюдение сроков (тем Президиумом установлен срок 2 месяца) рассмотрения наших заявлений и обоснованность принятого решения.

30 апреля в заявлении Брежневу Семянникова пишет, что считает арест мужа

прямым преследованием человека за его политические и научные взгляды, а также за желание эмигрировать... В знак протеста против этого настаиваю на незамедлительном удовлетворении моего

ходатайства о выходе из гражданства СССР и прошу как можно скорее дать возможность мне и моим детям выехать на постоянное жительство в другую страну.

30 апреля брат Анцупова С. Анцупов обратился к Генеральному прокурору СССР с заявлением:

По моему глубокому убеждению, критика работы официальных советских, партийных, общественных, хозяйственных и т.д. органов является неотъемлемым конституционным правом, а не распространением заведомо ложных измышлений... В противном случае, если я заблуждаюсь, требую разъяснить это мне, указав конкретные факты, послужившие основанием для возбуждения уголовного дела.

Разное

Киев

31 марта в Верховном суде УССР состоялось кассационное рассмотрение дела Степана Хмары, Виталия Шевченко и Александра Шевченко (суд – Хр. 60). Кроме жен, присутствовала Раиса Руденко. Приговор оставлен без изменения.

20 мая сотрудник КГБ УССР лейтенант А.В. Хомов пригласил к себе жену А. Шевченко Лидию, чтобы передать переведенный мужем с английского рассказ. Услуга вылилась в "беседу". Хомова интересовало: Хватает ли ей денег на жизнь? Рассказывает ли она кому-нибудь о деле мужа? Он сказал, что "перехвачен материал", из которого следует, что она или Мария Шевченко (жена В. Шевченко) делятся "сведениями" о деле мужей.

Сотрудники КГБ озлобленно относятся к В. Шевченко. Начальник Львовского следственного изолятора говорил ему: "Хмара – просто враг, а ты политический журналист, и эти журналы – дело твоих рук. Хочешь, как Сахаров, получить Премию мира".

В первой половине мая взят на этап А. Шевченко, в первых числах июня – В. Шевченко.

* * *

Светлану Кириченко не отпускают с принудработ (Хр. 60) на свидание с мужем (Ю. Бадзьо). Угрожают, если она все же поедет, арестовать.

* * *

В апреле сотрудники КГБ провели несколько бесед с Галиной Мельник – женой покончившего с собой историка Михаила Мельника (Хр. 53). Речь шла о ее "неблагонадежных" знакомствах.

11 июня старший лейтенант Зимин провел обыск по "делу № 14" у Татьяны Рагозовской (постановление подписано майором Слобоженюком – Хр. 52). Изъяли рукопись (около 300 стр.) эмигрировавшего в Израиль одесского прозаика Львова, Орвелла (на английском языке), статью Корягина "Государство и мы", несколько машинописных статей о В. Высоцком, записные книжки (всего более 20 наименований).

После обыска Рагозовскую допросили. Речь шла о книгах, которые она читает, о ее знакомых. Допрашивающий представился как "начальник одного из отделов" и попросил не рассказывать о "разговоре" с ним. На реплику Рагозовской "Я не знаю, кто вы" он ответил, что его фамилия "Захарченко".

15 июня Рагозовской в Киевском УКГБ вернули одну из записных книжек, предлагали сотрудничество и кончили тем, что вынесли предупреждение "по Указу".

Львов

В феврале у Атены Пашко сняли телефон.

Харьков

И.М. Мошкович в начале мая был вызван в КГБ, где полковник Дро-тенко предупредил его "по Указу", чтобы он прекратил "антисоветскую деятельность", и сказал, что если 9 мая Мошкович пойдет к памятнику жертвам фашизма (в районе тракторного завода, на месте яра, где были расстреляны 6 тысяч евреев), то ему "оторвут голову".

9 мая около 80 человек (собиралось – 150, но многих "предупреди-ли", как Мошкови́ча) были у памятника, возложили венки, прочитали кадыш. Рядом стоял автобус с "наблюдателями".

См. также "Преследования Рабочей комиссии", "Право на выезд" и "После освобождения".

СОБЫТИЯ В АРМЕНИИ

Суд над Манучаряном, Апияном и Мелконяном

С 23 марта Верховный суд Армянской ССР под председательством С. Асатрян рассматривал дело кандидата исторических наук Алекса-ндра Манучаряна (1929 г.р.; арестован 14 мая 1980 г.; в Хр. 57 – неточ-ность), Ашота Апияна и Смбата Мелконяна, обвинявшихся по ст. 65 УК Арм. ССР (= ст. 70 УК РСФСР) и ст. 67 Арм. ССР ("Организационная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации"). Обви-нитель – прокурор Улумян.

И Апибян, и Мелконян ни до процесса, ни во время процесса в заключении не находились.

Манучаряну инкриминировалось написание статей "Все о национальном вопросе" и "Имперализм".

Приговор: 4 года лагерей строгого режима и 2 года ссылки — Манучаряну; по 2 года ссылки — Апибяну и Мелконяну.

* * *

Манучарян до ареста работал старшим научным сотрудником Института археологии и этнографии АН Армянской ССР. Специалист по армянской средневековой эпиграфике; имеет публикации в СССР и в Италии. В последние годы совместно с польскими учеными проводил исследования по армянской эпиграфике на территории Польши, куда в связи с этим дважды (1977 и 1979 гг.) выезжал.

Жена Манучаряна Элиз Гекоглания вскоре после ареста мужа заболела и находится в Ереванской психиатрической больнице. Дети: Арам (12 лет) и Акоп (10 лет) — остались на попечении тети и бедствуют.

Родители Манучаряна были репрессированы в 1937 году. Отец (нарком связи Армении) погиб в лагере.

Апибян — преподаватель черчения и рисования средней школы с. Чичхан.

Мелконян — преподаватель немецкого языка средней школы с. Лдмашен.

Суд над Марзпетом Арутюняном, Вартаном Арутюняном, Мкртчяном, Егиазаряном и Агабабяном

С 29 марта по 9 апреля Верховный суд Армянской ССР рассматривал дело Марзпета Арутюняна (1940 г.р.), Вартана Арутюняна (1960 г.р.), Ишхана (Князя) Мкртчяна (1957 г.р.), Самвела Егиазаряна (1959 г.р.) и Оганеса Агабабяна (1958 г.р.), обвинявшихся по ст.ст. 65 и 67 УК Арм. ССР.

Им инкриминировалось объединение в группу под названием "Союз молодых армян", авторство и распространение стихов, "в которых воспевалась идея независимой и свободной Армении". "Идеологом и вдохновителем" группы обвинение представило М. Арутюняна, а "практическим руководителем" — Мкртчяна.

Подсудимые (кроме Агабабяна, который, как утверждают, "под давлением родных" признал себя виновным) виновными себя не признали.

М. Арутюнян заявил на суде, что целью группы являлось пропагандирование "идеи выхода Армении из состава СССР", что "партия Дашнакцутюн — единственный истинный защитник национальных интересов". "Партия Дашнакцутюн, — сказал он, — бриллиант, чей свет озаряет Армению и вдохновляет на подвиги во имя свободы и независимости; это — единственно законная и патриотическая армянская партия. Во чреве коммунизма так много зла, что впоследствии люди осознают масштабы

и глубины порочности коммунизма. ... Настало время во всех странах объявить коммунистические партии вне закона. Таковым будет положение в будущем в независимой Армении”.

Мкртчян выступил с защитой основной идеи Аветиса Агарояна в его письме к наркому иностранных дел Чичерину: ”Будущая Армения будет руководима партией Дашнакцутюн как единственно национальной партией”.

С. Мелконян (о суде над ним – выше) выступил в качестве свидетеля. В своих показаниях он пытался создать впечатление о связи между двумя группами.

В последний день подсудимые потребовали послать от их имени телеграмму президенту США Р. Рейгану ”с пожеланиями скорейшего выздоровления и выражением надежды, что он останется верным своим обещаниям”.

Приговор: М. Арутюнян и Мкртчян получили по 7 лет лагерей строгого режима и 5 лет ссылки, В. Арутюнян – 5 лет лагерей строгого режима и 3 года ссылки, Егиазарян – 4 года лагерей строгого режима, Агабабян – 3 года лагерей строгого режима.

* * *

Мать М. Арутюняна Ася Бубуян написала обращение в Московскую группу ”Хельсинки” и ”Международную Амнистию”:

...

Вся моя жизнь прошла у порога КГБ. Сначала по поводу моего мужа, который служил в легионе Драстамата Канаяна (генерала Дро) и за это попал в ссылку, затем по поводу старшего сына Шагена Арутюняна, попавшего в тюрьму в первый раз в 1968 году за так называемую ”антисоветскую деятельность”, а во второй раз – в 1977 году – по вымышленному обвинению (он был членом Хельсинкской группы), теперь же – по поводу ареста и суда над младшим сыном Марзпетом.

Обращаюсь к вам с просьбой поднять голос в защиту сына моего Марзпета Арутюняна, которого наказывают только за его убеждения в наш просвещенный XX век.

* * *

М. Арутюнян был арестован в мае 1980 г. (Хр. 57). По-видимому, его приговор ”за наркотики” указан в Хр. 57 неверно.

* * *

В ночь с 17 на 18 июня Ишхан Мкртчян бежал с этапа – из камеры Ростовской тюрьмы.

СОБЫТИЯ В ЭСТОНИИ

Суды над Калепом, Нийтсоо и Мадиссоном

17 марта Верховный суд ЭССР приговорил Вельо Калепа (1934 г.р.; арестован 20 октября 1980 г. — Хр. 60) по ст. 68 УК ЭССР (= ст. 70 УК РСФСР) к 4 годам лагерей строгого режима.

24 апреля Верховный суд ЭССР приговорил Виктора Нийтсоо (1952 г. рождения; арестован 4 декабря 1980 г. — Хр. 60) по ст. 68 УК ЭССР к 2 годам лагерей строгого режима и 2 годам ссылки. Ему инкриминировался тост на вечеринке, в котором он призывал какого-то комсомольского секретаря выйти из комсомола.

16 мая Верховный суд ЭССР приговорил Тийта Мадиссона (1950 г.р.; арестован 20 октября 1980 г. — Хр. 60) по ст. 68 УК ЭССР к 4 годам лагерей строгого режима и 2 годам ссылки.

СОБЫТИЯ В ЛИТВЕ

Суд над Вайчюнасом

25 марта в Каунасе был арестован член Литовской группы "Хельсинки" инженер Витаутас Вайчюнас (Хр. 41).

23 апреля Католический комитет защиты прав верующих направил в ЦК КП Литвы документ № 48:

... Тысячи верующих спрашивают: когда все это кончится? Если все советские граждане, в том числе и верующие, имеют право шествовать по улицам 1 и 9 мая или 7 ноября, то почему шествия советских граждан-верующих в святые места, такие как Крестовая гора, Шилува или на кладбище в день поминовения умерших, квалифицируются как преступления?

...

Арест Витаутаса Вайчюнаса и Мечисловаса Юрявичюса (см. ниже — Хр.) по всей Литве вызвали возмущение и углубляют пропасть между верующими и советской властью...

25 июня Верховный суд Литовской ССР под председательством Янкаускаса рассмотрел дело Вайчюнаса (1930 г.р.), обвинявшегося по ст. 199-3 УК Лит. ССР ("Организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок"). Обвинитель — прокурор Мураускас. От защитника подсудимый отказался.

Вайчюнаса обвиняли в том, что он организовал шествие верующих из Титувеная в Шилуву.

В защитительной речи Вайчюнас сказал:

...

Никаких документов, доказывающих, что я организовал шествие, вы не нашли. Обвинение построено лишь на показаниях ваших наемных свидетелей... Почему не допросили ни одного человека, указанного мною на снимках шествия?

Обвиняете, что я не просил у властей разрешения для этого шествия. Раз я не организовывал, я и не просил.

...

В шествии я участвовал и произносил речь. Я шел и буду идти к пресвятой Деве Марии с просьбами заступиться за литовский народ, его молодежь, спасти народ от алкоголизма и распущенности.

...

Я протестую против этого обвинения и считаю себя невиновным.

...

Суд приговорил Вайчюнаса к 2.5 годам лагерей общего режима.

Суд над Юрявичюсом

25 марта в Шяуляй был арестован член Литовской группы "Хельсинки" рабочий (в последнее время он работал пономарем в костеле) Мечисловас Юрявичюс (Хр. 56).

(После ареста Вайчюнаса и Юрявичюса на свободе остались 2 члена Литовской группы "Хельсинки" – Она Лукаускайте-Пошкене и священник Бронюс Лауринавичюс.)

25 и 26 июня Верховный суд Литовской ССР под председательством Игнотаса рассматривал дело Юрявичюса (1927 г.р.), обвинявшегося по ст. 199-3 УК Лит. ССР. Обвинитель – прокурор Бакученис. От защитника подсудимый отказался.

При уточнении судом биографических данных Юрявичюс заявил, что он родился в независимой Литве и является гражданином Литвы.

Юрявичюса обвиняли в том, что он в июле 1979 г. организовал шествие на Крестовую гору, а в августе 1979 г. и в августе 1980 г. организовывал шествия из Титувена в Шилуву.

Юрявичюс не признал себя виновным и заявил, что в инкриминируемых ему шествиях он участвовал как рядовой верующий.

Суд счел отягчающим обстоятельством то, что Юрявичюс уже был осужден (при Сталине ему дали 25 лет за то, что он якобы руководил отрядом партизан, но через 6 лет его освободили).

В последнем слове Юрявичюс сказал:

...

В зал не пустили друзей, а только наемников. По официальной статистике в Литве 30% атеистов и 70% верующих. Меня судит меньшинство, боящееся большинства.

Все наши процессы шли не с антисоветскими лозунгами или хулиганскими намерениями, а под девизом трезвости и нравственности литовского народа. Шла толпа людей, сжавшихся со всех уголков Литвы, понимая, что за это могут судить. Возможно ли такое

организовать вопреки желанию людей? Для меня огромная честь, что считаете меня – малограмотного – организатором. А взгляните на первомайскую демонстрацию: горстка коммунистов и боящихся административных наказаний! Такие религиозные шествия показывают, что в Литве религия возрождается. Ведь и свидетели говорили, что раньше таких шествий не было.

Вы боитесь креста. Много раз разрушали Крестовую гору, но крестов там становится все больше и больше. И количество их будет увеличиваться, и процессии в Шилуву будут идти, хотя я как их "организатор" и буду находиться в заключении.

Спасибо, что судите меня за веру. Мне большая честь сидеть на скамье, на которой уже сидели Станелите, Садунайте, Ковалев, Скуодис. Прошу не смягчать мне наказания.

Когда был объявлен приговор – три года лагерей строгого режима, Юрявичюс сказал: "Спасибо! Это на славу Бога и Литвы!"

46 литовцев послали в ЦК КП Литвы заявление по поводу судов над Вайчонасом и Юрявичюсом:

...

Мы протестуем:

1. против того, что невиновных судят за участие в религиозных процессиях, т.е. за свои убеждения (на такие шествия власти до сих пор разрешения не давали) ;

2. против того, что на открытый судебный процесс не пустили друзей и знакомых подсудимых, а пустили лишь чекистов, их приглашенных, милиционеров и солдат.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ВЕРУЮЩИХ

Лютеране в Эстонии

С 31 июля по 3 августа 1980 г. в поселке Хяэдемезе на юге Эстонии был открыт молодежный христианский лагерь.

Вечером 31 июля, когда собравшиеся разбили палатки в сосновой роще недалеко от поселка, подъехала машина с представителями властей. Выйдя, они (в основном – в штатском) стали выяснять, что здесь происходит. Пастор Виллю Юрье был увезен на допрос, на котором присутствовал представитель Совета по делам религий из Таллина. Тем же вечером Юрье отпустили, однако потребовали удалить палаточный городок из рощи.

1 августа лагерь был разбит около лютеранской церкви на территории поселка.

За самовольное разбитие палаток на территории сельсовета (т.е. в роще) настоятельница местной церкви была оштрафована на 50 рублей.

В прежние годы такие лагеря преследованиям не подвергались.

В конце 1980 г. глава Лютеранской церкви Эстонии архиепископ

Эдгар Харк и пастор Юрье были вызваны к уполномоченному Совета по делам религий при СМ СССР по Эстонской ССР. Уполномоченный заявил, что Юрье за свою активность лишается прихода (в г. Выру).

Уполномоченный назвал себя хорошим человеком, поскольку, он разрешил Юрье служить до Нового года.

* * *

В октябре или начале ноября 1980 года студент 5 курса архитектурного факультета Эстонского государственного художественного института Тийт Пядам был исключен из вуза при следующих обстоятельствах.

Пядам участвовал в обслуживании Европейской конференции Всемирного совета лютеранских церквей, проходившей в Таллине в сентябре 1980 года.

В октябре ему позвонил человек, сказавший, что хочет встретиться для передачи письма от Херберта Мурда (религиозный активист, находился в заключении за нарушение паспортного режима, освобожден весной 1981 г.). Через несколько минут после встречи двое в штатском обыскали Пядама "по подозрению в краже" и заставили пройти в КГБ. В ходе допроса, после которого у Пядама поднялась температура до 40°, выяснилось, что КГБ многое известно о его религиозной деятельности. Ему предложили сотрудничать с КГБ. Он отказался.

Когда его однокурсники пошли выяснять у ректора причину исключения, ректор сказал, что от него это не зависело: приказ исходил от КГБ.

Католики в Литве

23 апреля Католический комитет защиты прав верующих направил второму секретарю ЦК КП Литвы Н. Дыбенко документ № 47:

В феврале 1981 г. в Католический комитет защиты прав верующих обратились верующие Римо-католического прихода из Паломяне и рассказали о невероятном факте самоуправства должностных лиц советской власти.

26 февраля 1981 г. председатель колхоза Паломяне Гудайтене и зам. председателя Кайшиадорского райисполкома Каубрис "избрали" приходской комитет Римо-католического прихода в Паломяне, т.е. зачитали 20 фамилий и заявили, что эти лица составят приходской комитет, председателем которого будет Алдона Ясонене. На такое самоуправство советских должностных лиц подтолкнуло преступное поведение в отношении верующих настоятеля Паломяне священника А. Пауликаса.

Несколько лет тому назад советские должностные лица подобным образом "избрали" церковный комитет в помещении средней школы Кирдекай.

...

Католическая Церковь в Литве никогда не согласится с такой политикой атеистов, чтобы Церковью руководили не епископы и

их помощники — священники, а миряне (тем более казенные безбожники). И мы уверены, что советская власть не захочет Церковь в Литве загнать в подполье.

Адвентисты

Суд над Иваном Фокановым

С 16 по 18 марта в Москве проходил суд над Иваном Сергеевичем Фокановым (1952 г.р.), обвинявшимся по ст. 190-1 УК РСФСР.

Приговор — 3 года лагерей общего режима.

Суд над Арджеванидзе и Саяпиной

С 16 по 23 марта в Тбилиси проходил суд над Мзией Валикоевной Арджеванидзе (1959 г.р.) и Марией Васильевной Саяпиной (1930 г.р.), обвинявшимися по ст. 206-1 УК ГССР (= ст. 190-1 УК РСФСР).

Приговор — 2 года лагерей общего режима каждой.

Суд над Владимиром Фокановым, Ковальчуком и Кадук

С 23 по 25 марта в Калинин проходил суд над Владимиром Сергеевичем Фокановым (1955 г.р.; из Москвы), Василием Петровичем Ковальчуком (1957 г.р.; из Днепропетровска) и Верой Степановной Кадук (1927 г.р.; из Калинина), обвинявшимися по ст. 190-1 УК РСФСР. Кадук обвинялась "через ст. 15 УК РСФСР" ("Ответственность за приготовление к преступлению и за покушение на преступление").

Приговор: В. Фоканов получил 3 года лагерей строгого режима, Ковальчук — 3 года лагерей общего режима, Кадук — 2 года лагерей общего режима.

Состояние здоровья Кадук тяжелое, на суд ее приводили под руки.

На суд не пускали даже родственников. На суде производила кино съемки группа кинооператоров Ленфильма.

* * *

19 мая в "Калининской правде" была опубликована статья Н. Нестеровой "Тайное стало явным":

...Кадук, Ковальчук, Фоканов занялись оборудованием... подпольной печатной точки, откуда бы их грязная и лживая продукция в виде брошюр, "открытых писем" и т.д. расползалась по стране. ...

...В доме был найден мощный электромотор. Кадук имела четыре пишущие машинки, гектограф и ротатор, большие запасы ротационной краски, писчей и копировальной бумаги, 85 упаковок ротаторной пленки, другие средства для печатания. ...

Суд над Галецким и Чулковой

24 и 25 марта в Рязани проходил суд над священнослужителем ВЦ ВАСАД Ростиласвом Николаевичем Галецким (1948 г.р.; арестован 1 июля 1980 г. — Хр. 57) и Марией Сергеевной Чулковой (1947 г.р.), обвинявшимися по ст. 190-1 УК РСФСР. Галецкому, кроме того, вменялась ч. 1 ст. 227 УК РСФСР ("Посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов").

Следствие вел старший следователь Рязанской прокуратуры А.Х. Корева.

Приговор: Галецкому — 5 лет, Чулковой — 3 года лагерей общего режима.

Суд над Диденко

27 апреля Винницкий областной суд условно приговорил Петра Павловича Диденко (1938 г.р.; арестован 19 марта) по ст. 187-1 УК УССР (= ст. 190-1 УК РСФСР) к 1,5 годам "с обязательным привлечением к труду".

Суд над Генчу

В мае Анну Трофимовну Генчу (1954 г.р.; арестована 12 марта — Хр. 61) приговорили по ст. 187-1 УК УССР к 2,5 годам лагерей.

Разное

(по сообщению Совета ВЦ ВАСАД от 2 апреля)

29 января за присутствие на религиозном собрании жители Винницы Николай Пилипченко и Евгений Черчик были оштрафованы на 50 руб. каждый.

12 марта в Херсоне сотрудники КГБ схватили Любовь Гарус и отвезли в венерический диспансер закрытого типа. Там ее допрашивали, угрожая оставить в диспансере навсегда, уполномоченный Совета по делам религий и работник КГБ. Отпустили Гарус только через трое суток.

14 марта в Киеве был избит Александр Тарасенко. Ранее ему неоднократно угрожали побоями.

20 марта в с. Давиденко (Чечено-Ингушская АССР) сотрудники КГБ задержали Ольгу Залозную и отвезли в Грозный, где в прокуратуре учинили допрос. После допроса Залозную оставили в комнате одну. Через некоторое время в комнату вошел какой-то "сотрудник" и стал приставать с целью изнасилования. Получив пощечину, он разбил Залозной лицо в кровь, но приставать перестал.

Сообщение Совета ВЦ ВАСАД от 2 апреля заканчивается словами:

В настоящее время преследуются и арестовываются в основном те наши единоверцы, которые посылали на суд Шелкова Владимира

Андреевича, Председателя нашей церкви, свои письменные свидетельские показания в его защиту. ...

Количество произведенных в домах наших единоверцев противоправных обысков со времени ареста Председателя ВЦ ВАСД в марте 1978 года по настоящее время составляет 350. Количество арестованных за тот же период членов и служителей церкви — 70 человек.

...

Мы призываем мировую общественность возвысить свой голос в защиту узников совести в СССР, жертв госатеистического насилия и террора, и выразить по этому поводу решительный протест гонителям неказенных религий и неказенных верующих в Советском Союзе.

* * *

“Письмо на Мадридскую встречу от церкви ВАСД” от 15 апреля:

... Мы, Церковь Верных и Свободных Адвентистов Седьмого Дня, также не раз передавали в Мадрид подборку материалов, свидетельствующих о гонениях и преследованиях за веру, которые мы испытываем поныне от диктатуры гosateизма в СССР. Но вместо того, чтобы осознать свою неправоту и прекратить кампанию преследования ни в чем не повинных верующих граждан, защищающихся от насилия и диктата гosateизма, гонители с удвоенной энергией продолжают свое преступное дело. Усиливая госрепрессии, они распространяют в народе клеветнические измышления о нашей церкви...

...Лицемерие, обман, дезинформация мировой общественности — излюбленные приемы гонителей чистой религии и ее исповедателей. Поэтому мы еще и еще раз обращаемся к участникам Мадридской встречи с просьбой обратить внимание на подлинное лицо гosateистов, которые бесцеремонно нарушают свои международные соглашения и обязательства, проводя политику и практику геноцида по признаку религии, и настоятельно требовать от представителей нашей страны твердых гарантий исполнения всех положений Заключительного акта, принятого в Хельсинки. ...

Баптисты

В основном — по материалам “Бюллетеня Совета родственников узников ЕХБ” № 94 (май 1981 г.).

Суд над Владимиром Хайло

Отец 15 детей Владимир Хайло (Хр. 48) был принудительно госпитализирован 22 сентября 1980 г. Психиатрическая экспертиза признала его

невменяемым (эксперты, в частности, спросили его, верит ли он в воскресение Иисуса Христа).

В декабре Ворошиловградский областной суд направил Хайло на принудительное лечение в спецпсихбольницу. Его отправили в Днепропетровскую СПБ.

Суд над Бойко

29 сентября 1980 г. в Одессе был арестован руководитель местной общины ЕХБ Николай Бойко (1922 г.р.).

В середине декабря Одесский суд приговорил Бойко по ч. 2 ст. 138 УК УССР ("Нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви") и ч. 1 ст. 209 УК УССР ("Посвяительство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов") к 5 годам лагерей строгого режима.

На суд пустили всех желающих. Бойко отказался участвовать в процессе. В качестве свидетелей были допрошены директор школы № 23 Р.Н. Талий (из ее показаний: "Я неоднократно посещала молитвенный дом... Меня удивила четкая организация этой секты. ... Занятия проводятся ... современными методами с большой активизацией молодежи. ... Еще меня удивило, что на собраниях присутствовало 60-70 человек молодежи"), Гончарук, А.С. Прус, Бонзина, Петренко, Кравчук, Раткова и Войницкий (они показали, что с появлением в Одессе Бойко деятельность местной общины ЕХБ активизировалась), а также верующие Сухина и дьякон Тымчак (он руководил общиной до Бойко). Из допроса Сухиной:

Прокурор. Кто дал Вам право воспитывать детей в религиозном духе?

Сухина. Там, где я, там и мои дети будут.

Прокурор. Показания дочери знаете? Она была допрошена в присутствии педагога.

Сухина. Какое Вы имели право допрашивать ребенка без матери? Его можно научить чему угодно.

Прокурор. Вы не даете ребенку радоваться. Он будет оторван от Вас, чтобы Ваша дочь была советским человеком.

Сухина. Это мой ребенок!

Прокурор. Есть такой закон!

* * *

В 1941 г. Бойко на одиннадцатый день войны попал в плен. В немецких лагерях он пробыл 4 года. Затем бежал, воевал, после чего был приговорен советским трибуналом к 15 годам лагерей. После 10 лет лагерей Воркуты Бойко был реабилитирован. В 1969 г. Бойко был арестован; при аресте была изъята справка о реабилитации — ее не вернули до сих пор. Тогда суд приговорил Бойко по тем же статьям, что и сейчас, к 5 годам лагерей и 5 годам ссылки. На данном суде прокурор просил приобщить к делу копию приговора трибунала.

Верующие Пересыпской церкви г. Одессы в заявлении на имя Брежнева (копии — Генеральному прокурору СССР, прокурору Одессы и Совету родственников узников ЕХБ) написали, что приговор по делу Бойко несправедлив и бесчеловечен. Под заявлением 122 подписи.

Суд над Лакатошем, Дешко и Фенчаком

2 апреля в п. Иршава Закарпатской обл. Павел Лакатош, Михаил Дешко и Василий Фенчак получили по ст. 187-1 УК УССР (= ст. 190-1 УК РСФСР) по 3 года лагерей общего режима.

Арестовали Фенчака 30 ноября 1980 г., Лакатоша и Дешко — 8 января 1981 г.

Суд над Левценюком

3 апреля в г. Дубно Ровенской обл. пресвитер Анатолий Левценюк получил по ст. 187-1 УК УССР 3 года лагерей общего режима. Верующих в зал суда не пустили. Они послали местному уполномоченному КГБ заявление, в котором написали, что община неоднократно подавала просьбу о регистрации и получала отказ (под заявлением 41 подпись).

Левценюк болен полиартритом. У него 8 детей.

Суд над Козорезовым

14 апреля Ворошиловградский областной суд осудил служителя церкви Алексея Козорезова на 3 года лагерей строгого режима. Арестовали его 26 декабря 1980 г. У него 10 детей, из них 7 несовершеннолетних и один — инвалид 1 группы.

Суд над Козорезовой

19 апреля его жену, председателя Совета родственников узников ЕХБ Александру Козорезову по ч. 1 ст. 138 УК УССР и ст. 187-1 УК УССР приговорили к 3 годам лагерей.

Аресты

11 января в г. Сумы арестовали В.М. Шешенко. 46 баптистов из г. Сумы подписали письмо в Совет родственников узников ЕХБ и "всем христианам мира" (копия — Брежневу) об усилении репрессий.

21 марта в с. Аполлоновка Омской обл. арестовали Ивана Вилла, Якова Дирксена и Елизавету Рейглер. Там же возбуждено уголовное дело против инвалида 3 группы Марии Тевс.

31 марта в пос. Марьяновка Омской обл. арестовали Николая Дикмана.

7 апреля в Краснодаре арестовали служителя СЦ ЕХБ Григория Костюченко. Его обвиняют в нарушении паспортных правил. В спецприемнике, где его содержат, вши, грязь, отсутствует дневной свет. У Костюченко 10 детей.

15 апреля арестовали служителя СЦ ЕХБ А.С. Редина. У него 9 детей.

* * *

10 февраля зам. начальник Свердловского РОВД г. Перми Багин увез из дома в милицию "на беседу" И.С. Новожилова (66 лет) и С.П. Пирожкова (70 лет). Там их арестовали на 15 суток. Жена Новожилова двое суток не могла его найти. В письме в редакцию журнала "Человек и закон" Новожилов пишет:

За то, что помолился, 50 руб. штрафа получаешь и сразу же из пенсии полностью удерживают 50 рублей. Так многократно со мной и поступают. Все это в общем называют культурно-идеологической работой.

* * *

Против В. Хоменко (арест – Хр. 61) дело по ст. 190-1 УК РСФСР ведет следователь Московского УКГБ Бунаков.

Разгон молитвенных собраний

Из открытого письма 27 баптистов из Перми:

В 1980 г. под руководством секретаря Свердловского райисполкома г. Перми Башлыковой Н.Н. милиция и люди в штатском устраивали по воскресным дням заграждения у дома, где верующие собирались на богослужебные собрания. В дом никого не пускали, мотивируя это тем, что община не зарегистрирована, хотя в райисполкоме от общины есть заявление.

8 февраля 1981 г. в дом пришла депутат райисполкома Сыпачева. ... Она громко закричала: "Прекратите и разойдитесь, вам нельзя собираться на моления, вы не зарегистрированы".

...

Хозяева дома, где проводятся богослужения, Окунев Г.П. и Окунева Ф.Н. оштрафованы в общей сумме на 1000 рублей. Окуневу Г.П. 85 лет, пенсии не получает.

Из письма 58 членов Новгород-Вольнской церкви ЕХБ от 30 ноября 1980 г.:

В нашем городе работники милиции 21 ноября ворвались в дом, где проходило богослужение, и прервали ход этого служения.

...

1 ноября сделаны обыски в четырех домах, отобрано много духовных песенников, различные рукописи духовного содержания.

Из письма 113 баптистов из г. Дергачи Харьковской области:

Начиная с 15 марта 1981 г. не прекращаются разгоны, штрафы и суды верующих. За этот период было осуждено на 10-15 суток 20 членов нашей церкви с обвинением, не соответствующим действительности, например, "посягательство на жизнь милиции", "злостное неповиновение" и т.д.

17 апреля в доме 11 по ул. Гагарина собрались верующие на молитву. Собрание окончилось и все начали собираться домой. В это время приехала милиция во главе с ... начальником милиции Лобань и заместителем начальника милиции Струковым, закрыли двери и не разрешили никому выходить.

...Майор Струков... начал крутить руки, терзать женщин (в том числе и беременных) и стариков, вытаскивать из дома... обзывал нецензурной бранью. Так, 70-летнего старика Свичкарь А. Т., вытащив на улицу, били ногами, а Дрибноход Александра... Лобань душил и избил так, что возле машины и в машине было много крови. ...

После произведенного без санкции прокурора обыска и изъятия духовной литературы и магнитофона троих из десяти увезенных в милицию осудили на короткие сроки: Гонтарь И.Т., Дрибноход А.И., Германюк С.Г.

В этот же день в селе Безруки в доме 70-летней старушки Бороны без санкции прокурора был произведен обыск председателем сельсовета... и участковым..., который вывел из строя транзисторный приемник, порвав в схеме провода, и сказал при этом: "Больше передачи слушать не будешь".

Из письма 75 баптистов из Ворошиловграда:

5 апреля с.г. по ул. Филатова 96 нам не дали провести мирное... богослужение. ...Работники милиции во главе с капитаном Бойчук и при активном участии лица в гражданском, отказавшегося назвать свою фамилию, применив грубую физическую силу, забрали двоих наших братьев, один из которых... служитель Балацкий А.Н. ... Балацкий А.Н., отец шестерых малолетних детей, был осужден на 10 суток КПЗ в то время, когда его жена находилась в родильном доме...

Начальник милиции Артемовского РОВД подполковник Шкутько... одной рукой трепал за волосы, а другой стучал в лоб ни в чем не виновного человека и кричал: "Мы не допустим того, что происходит в Польше!"...

...

6 апреля прямо с работы был взят брат Сажнов П.В., отец четверых детей, доставлен в райотдел милиции и осужден на 8 суток.

10 апреля по адресу 1 Поперечный пер. 31 было разогнано молитвенное собрание. Верующих увезли в РОВД... и отпустили домой, кроме трех несовершеннолетних сестер... Обзывая их... нецензурными словами, угрожали посадить их на 30-40 суток в КПЗ, ...

предлагали остаться с ними на ночь. ... Издеваясь над ними, их помещали в камеры, где находились преступники-мужчины... Это продолжалось до 23 часов.

7 декабря 1980 г. в Краснодаре разогнали молитвенное собрание. Четверых арестовали на 10-15 суток.

8 марта 1981 г. в Брянской обл. было разогнано молитвенное собрание в доме инвалида 1 группы Глушенкова.

Разное

В с. Черевки Овручского р-на Житомирской обл. верующим-пенсионерам не продавали хлеба.

Жителя г. Муром А.А. Каляшина оштрафовали на 50 руб. за то, что 8 февраля, находясь в Иванове, он вместе с молодежью пел на улице "христианские песни".

В пос. Марьяновка Омской обл. следователь прокуратуры Любимов и сотрудник КГБ В.И. Шипицын в школе, в присутствии классного руководителя Л.И. Роскопф, но в отсутствие родителей, которых сотрудники милиции в здание школы не допускали, допрашивали детей. Детей заставляли подписывать протоколы.

Православные

Накануне 3 июня — праздника Великорецкой иконы святителя Николая — село Великорецкое Кировской обл. было оцеплено солдатами и милицией. Паломников не подпускали к селу. У источника охрана стояла пять дней. Охрана стояла также на берегу реки Великой, через реку никого не перевозили.

ПРАВО НА ВЫЕЗД

Москва

Суд над Курносовым

Валерий Алексеевич Курносов (1943 г.р.) живет в Москве с 1968 г. В последнее время он работал рабочим-станочником Московского завода тракторных гидроагрегатов, в 1976 г. заочно закончил Саратовский юридический институт. В феврале 1978 г. Курносова за "непроживание более 6 месяцев по месту прописки" (на квартире бывшей жены) лишили московской прописки. В сентябре 1978 г. Курносов женился на Л.И. Кузнецовой, работнице-"лимитнице" того же завода, живущей в заводском общежитии в г. Раменском Московской области.

Курносов направил директору завода и в ПВС СССР письма, в которых сообщал, что не может продолжать работу на заводе, поскольку ему негде

жить. Через месяц его уволили "за прогул". Он обратился в народный суд Калининского р-на г. Москвы с иском о восстановлении его на работе. Курносову было отказано. Прокурор сказал: "Конечно, по Конституции СССР завод обязан был предоставить Вам с женой жилье, но, даже если Вам и негде жить, все равно оставлять работу Вы не имеете права, т.к. тогда у нас некому будет работать".

В декабре 1978 г. администрация завода предоставила Кузнецовой, после рождения ребенка, отдельную комнату в рабочем общежитии в Раменском, но без "прописки" и с условием, чтобы Курносов там "не появлялся". Попытки Курносова прописаться на "лимитной" площади жены успеха не имели. С просьбой прописать его в комнате жены или предоставить его семье жилплощадь Курносов обращался во многие организации от Раменского РУВД до ПВС СССР.

В августе 1979 г. Курносов направил в ПВС СССР заявление об отказе от гражданства СССР и ходатайство о выезде из СССР в США по политическим мотивам. Ответа он не получил, однако вскоре к нему зачастили сотрудники милиции, которые заявили, что никогда не пропишут Курносова к жене, поскольку та живет в женском общежитии. В декабре 1979 – январе 1980 гг. на Курносова было составлено 3 протокола "о нарушении паспортных правил" (он жил – не прописанный – с женой и ребенком), а вскоре против него было возбуждено уголовное дело по ст. 198 УК РСФСР ("Нарушение паспортных правил"). Следствие шло 3,5 месяца и в мае 1980 г. было прекращено, после того как Курносов написал жалобу в ЦК КПСС.

В январе 1980 г. Курносов получил из Раменского отделения милиции ответ на свое заявление в ПВС СССР о выезде из СССР в США – ему было отказано в выезде, поскольку он "не прописан" в Раменском районе.

В мае 1980 г. Курносов дважды задерживался в Москве сотрудниками милиции, причем однажды был избит. Причина задержания – Курносов зачеркнул в своем паспорте "военнообязанный" и "русский".

* * *

В ночь с 6 на 7 августа 1980 г. Курносов был задержан в электричке на станции "Пл. 47 км" и доставлен в дежурную комнату Раменского линейного отделения милиции, откуда его переправили в Раменский психдиспансер. Комиссия из трех врачей во главе с главным врачом Медведевым признала его здоровым, и Курносов был отпущен домой. Он написал жалобу в ЦК КПСС – на незаконное задержание, незаконную доставку в психдиспансер и незаконную психиатрическую экспертизу. Ответа не получил.

2 сентября 1980 г. Курносов был арестован у себя дома (в общежитии жены). Арест производил следователь Раменской районной прокуратуры Лякишев. Его обвинили в "злостном хулиганстве" (ч. 2 ст. 206 УК РСФСР), совершенном ночью 7 августа в дежурной части Раменского линейного отделения милиции.

Курносов сделал письменное заявление "Против меня пытаются сфаб-

риковать уголовное дело по политическим мотивам, т.е. за то, что я отказался от советского гражданства и хочу выехать из СССР в США" и отказался от дачи показаний. 4 сентября он объявил голодовку "впредь до освобождения." 17 сентября во время перевозки в тюрьму г. Коломны Курносов упал в голодный обморок. Ему сделали укол и отправили назад в КПЗ Раменского. В Раменской больнице у него установили "алиментарное истощение", после чего вновь отправили в Коломну, где 22 сентября водворили в одиночную камеру.

23 октября Курносова отправили в Институт им. Сербского. Там его посадили на общий паек (узнав об этапе в Институт, Курносов прекратил голодовку), в результате чего у него образовались язва желудка и геморрой. Курносова признали нормальным и этапировали назад в Коломну.

2 декабря Курносов ознакомился со своим делом, где, помимо свидетельских показаний задержавших его милиционеров, находились заявление Курносова в ПВС СССР об отказе от гражданства и ходатайство о выезде из СССР в США. (Лякишев сказал Курносову, что он "развил слишком бурную деятельность", связанную с выездом, поэтому пусть он поспит, "остынет".)

Суд проходил 19 и 22 декабря 1980 г. Обвинение в "злостном хулиганстве" было в конце концов переквалифицировано на ст. 192-1 УК РСФСР ("Оскорбление работника милиции..."), т.к. вызванный по ходатайству Курносова дежурный лейтенант милиции Зеленев дал показания, противоположные данным на следствии: Курносов "никого не оскорблял", "нецензурной бранью не выражался", вел себя "вежливо и корректно". Аналогичные показания дал другой свидетель, задержанный вместе с Курносовым в электричке в ночь с 6 на 7 августа.

Из приговора суда:

Курносов В.А. виновным себя в совершении вменяемого ему в вину преступления не признал. Пояснил, что был в трезвом состоянии. Задержали работники милиции его незаконно. В дежурной части милиции высказывал свое недовольство, говорил, что им нечего делать, лучше бы они задерживали настоящих преступников. Высказывал свое желание выехать за границу. Работники милиции засомневались в его психической полноценности. Отправили в ... психдиспансер, где также незаконно был обследован комиссией.

Суд считает, что вина Курносова в оскорблении работников милиции, в связи с исполнением этими лицами возложенных на них обязанностей по охране общественного порядка, полностью доказана показаниями Ашихина, Будкина, Противень, Глебова, Зеленова в том, что, будучи доставленным с электропоезда, гр-н Курносов в дежурную часть... оскорблял их "фашистами", "крохоборами", "бездельниками". Мешал около часа нормально работать, допрашивать задержанных. Курносов находился в нетрезвом состоянии, высказывал антипартийные взгляды.

...

Курносову вменялось в вину сквернословие в течение длительного времени при задержании на "Пл. 47 км" и в дежурной части

милиции. В этой части имеются разноречивые показания свидетелей. Глебов и Зеленов утверждают, что он не ругался, остальные свидетели — ругался. Имеются сомнения в их показаниях, которые должны толковаться в пользу подсудимого.

Приговор — 6 месяцев лагерей общего режима (максимальный срок по этой статье).

* * *

В начале марта 1981 г. Курносов освобожден из заключения и стал жить у жены. 14 апреля он подал заявление в Раменское отделение милиции с просьбой прописать его у жены, аналогичное заявление он направил в ПВС СССР. Начальник отделения милиции вынес Курносову письменное предупреждение о нарушении правил прописки и предложил покинуть Раменское.

24 мая Курносов отослал паспорт и заявление с отказом от гражданства в ПВС СССР. 25 мая он объявил голодовку протеста. Мотивы его действий: не выпускают из СССР, не документируют как лицо без гражданства, не прописывают по месту жительства жены и дочери, преследуют за проживание без прописки, жене не предоставляют жилплощади.

Вечером 11 июля Курносов появился у синагоги с плакатом "40 суток голодовки протеста".

Курносов уже собрался уходить, когда подъехали две машины. Из них вышли пять человек милиционеров и подошли к голодающему. Все находившиеся у синагоги сразу обступили их. Милиционеры вежливо попросили показать им плакат, потом столь же вежливо осведомились о причине голодовки и предложили поехать с ними разобраться, в чем дело. Курносов отказался, попросив милицию провести разбирательство без его участия. Он пояснил свои опасения имеющимся у него опытом избиения милицией. Тогда один из милиционеров попросил предъявить удостоверение личности. На это он получил ответ, что паспорт вместе с заявлением о выходе из советского гражданства находится в Верховном Совете. Милиционер снова, на этот раз более настойчиво, предложил проехать "для выяснения личности". Заявив, что подчиняется лишь физической силе, ибо требование милиции незаконно, Курносов согласился поехать, а милиция, в свою очередь, согласилась с присутствием свидетеля из людей, стоявших вокруг. Милиция пообещала вернуться с задержанным через час и уехала. Через некоторое время сопровождавший Курносова вернулся один. Он сказал, что Курносов задержан 26-м отделением милиции, где будет выясняться его личность. Милиция намерена заниматься этим в течение 30 суток. "Заодно и покормим", — сказали в отделении.

Несколько дней спустя дежурный 26-го отделения милиции сказал, что Курносов освобожден, но сообщить какие-либо подробности отказался.

Суд над Браиловским

17 и 18 июня Московский городской суд под председательством В.В. Богданова (он же судил Ю. Гримма – Хр. 58 и А. Лавута – Хр. 60) рассматривал дело кандидата технических наук Виктора Львовича Браиловского (1936 г.р.; арестован 13 ноября 1980 г. – Хр. 60), обвинявшегося по ст. 190-1 УК РСФСР. Обвинитель – прокурор Праздникова (она же обвиняла Вяч. Бахмина, В. Сокирко, Ю. Гримма – Хр. 58, А. Лавута и В. Сорокина – Хр. 60). По окончании предварительного следствия Браиловский ознакомился с делом без адвоката, от назначенного на суд адвоката он также сразу отказался и вел свою защиту сам.

Браиловскому инкриминировалось составление, изготовление и распространение журнала "Евреи в СССР" (Хр. 52,53,56; после 20-го номера журнал перестал выходить) и двух писем евреев-отказников, под каждым из которых подписалось несколько десятков человек (первое письмо было написано весной, а второе – осенью 1976 г.).

Браиловскому ставились в вину "клеветнические утверждения", державшиеся в журнале: в СССР наблюдается упадок культуры, распад идеологии, возникновение великодержавного шовинизма; интернациональная дружба народов – не более чем миф: в СССР имеет место дискриминация евреев. Во вмененных ему письмах говорилось, что власти пытаются подавить еврейскую эмиграцию, при этом имеют место нарушения законодательства, люди, получившие отказ, не имеют возможности контролировать произвол властей.

Браиловский практически не участвовал в судебном заседании, не давал показаний и не задавал вопросов свидетелям. Он оставил за собой лишь право произнести защитительную речь.

В суде было допрошено четыре свидетеля.

Марк Новиков (Хр. 56) сказал, что получил журнал "Евреи в СССР" у синагоги: у кого именно, не помнит. Ему было предъявлено первое из двух инкриминированных Браиловскому писем. Вспомнить, в самом ли деле он его подписал, Новиков не смог, т.к. письмо – пятилетней давности. На вопрос, что он может сказать по поводу содержания этих писем, Новиков ответил, что, если бы он писал сейчас, он написал бы иначе.

Леоиду Шабашову (Хр. 61) было предъявлено то же письмо, он также не мог вспомнить, подписывал ли его. Он не помнит, кто давал ему на подпись, но не думает, что его подпись могла быть поставлена обманом. На вопрос, кого еще из подписавших письмо он знает (около 40 человек) Шабашов сказал, что проще спросить, кого он не знает. Журнала Шабашов вообще никогда не видел. Праздникова, напомнив Шабашову его показания на предварительном следствии о том, что он один раз присутствовал на научном семинаре у Браиловского, спросила, что это был за семинар, о чем говорилось в тот раз, когда был Шабашов. Шабашов ответил, что это семинар математиков и физиков; когда он присутствовал, говорилось о деле Бейлиса. "Вот видите, – сказала Праздникова, – говорите "математиков и физиков", а говорили о том, что вас не должно было интересовать" (Однако участие в семинаре Браиловскому не инкриминировалось и в приговоре не упоминалось).

Владимир Престин (Хр. 61) отказался отвечать на вопросы суда, заявив, что считает этот суд закрытым и такому суду давать показаний не может.

Григорий Крейдлин (Хр. 58) показал, что получил журнал от кого-то из уже уехавших, Браиловского видит впервые и фамилии его никогда не слышал.

В своей речи Праздникова сказала, что Браиловский — почти кандидат наук (именно так она сказала) и мог бы работать на благо государства и получать 500 руб., а вместо этого пошел работать секретарем на 70 руб.

Браиловский в защитительной речи привел точные цитаты из опубликованных в журнале рассказов и статей. Он сказал, что не понимает, зачем прокурор на основании этих статей говорил обо всем государстве в целом, ведь в каждой из них имеются конкретные претензии к конкретным лицам и учреждениям, но нет обобщений о государстве в целом; он не понимает, зачем прокурору понадобилось вешать такой ярлык на все государство. В журнале была опубликована статья с цитатами из произведений Емельянова и Бегуна (советский журналист), буквально совпадающими с высказываниями черносотенцев. Прокурор заявила по этому поводу, что в журнале будто бы утверждается, что советская пропаганда и идеология имеют черносотенные взгляды. Так Браиловский не понимает, зачем прокурору понадобилось отождествлять этих двух людей со всей советской идеологией.

В деле имеется литературная экспертиза Главлита и на очерк Г. Фреймана "Оказывается, я — еврей" (Хр. 51), обнаружившая в нем клевету на советский государственный и общественный строй. Однако в очерке также говорится о нарушениях прав евреев со стороны отдельных математиков, ВАКа, математиков Института им. Стеклова, например, Виноградова. Поименно указаны люди и организации, к которым относится критика. Поэтому Браиловский не понимает, почему деятельность этих людей переносится на политику всего государства.

Что же касается произвола властей, о котором говорилось во вмененных Браиловскому письмах, то судьба его самого и его семьи является ярким примером и доказательством того, что письма не являются ложными.

Браиловский закончил свою речь тем, что он не настолько наивен, чтобы считать, что эта речь ему поможет, однако, если в этой аудитории есть хотя бы два человека, которые слушают его внимательно, а такие люди здесь есть (в зале были жена и сын Браиловского), ради них эту речь стоило произнести.

В приговор вошли почти все предъявленные Браиловскому обвинения, сняты были только один или два эпизода по журналу. В частности, было снято обвинение, связанное с публикацией в журнале критической статьи Браиловского (Хр. 52, 53) о Солженицыне "Тетради для внуков", в которой, как говорилось в обвинительном заключении, утверждается, что Солженицын — великий русский писатель. Праздникова объяснила, что неправильно расценивать это утверждение как клеветническое, т.к. это — частное мнение о Солженицыне.

Учитывая первую судимость Браиловского, суд применил к нему ст. 43 УК РСФСР ("Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено законом") и приговорил его к 5 годам ссылки. Мера пресечения была оставлена прежней — Браиловский был оставлен под стражей.

Собравшихся у суда и выходящих из здания иностранные корреспонденты снимали на видеомэгнитофон. Милиция не мешала. Лишь однажды, когда корреспонденты записывали рассказ одного из свидетелей, рядом остановился грузовик, в котором рядом с водителем сидел милиционер, и машина начала газовать, стремясь заглушить рассказ свидетеля. Однако, когда корреспондент навел камеру на грузовик, машина сразу уехала.

* * *

27 июня Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 170 "Суд над Виктором Браиловским":

... Опять — суд за свободную мысль, за неподцензурное слово, за сбор и распространение информации, с необоснованным приклеиванием ярлычка "клеветы".

Характерной особенностью этого процесса явилось полное отсутствие каких-либо свидетельских показаний, подтверждающих обвинение.

...

Браиловский в полном соответствии с текстами вмененных ему писем и публикаций доказывал, что в них содержатся критика и протесты в отношении отдельных лиц и организаций, с указанием конкретных и имевших в действительности место фактов.

...

Суд ссылается в приговоре на ст. 43 УК РСФСР, дающую возможность назначить более мягкое наказание, чем предусмотрено законом, а фактически назначает более тяжелое наказание, чем предусмотрено санкцией ст. 190-1 УК РСФСР, т.к. 5 лет ссылки — бесспорно более тяжелое наказание, чем низший предел наказания по этой статье (исправительные работы на срок до года и штраф до 100 руб.).

...

Из самого текста приговора видно, что этот человек "виновен" лишь в том, что осмеливался свободно мыслить и свободно выражать свои мысли, "виновен" лишь в том, что пытался осуществить в пределах советских законов и международных актов, формально признанных в СССР, право на свободное неподцензурное слово и право на эмиграцию.

* * *

Виктор Браиловский в 1965 г. получил степень кандидата технических наук, работал старшим научным сотрудником в Институте электронных управляющих машин по специальности "математическая статистика",

имеет около 40 научных публикаций. В 1972 г., через 1,5 месяца после подачи документов на выезд, его уволили с работы "по сокращению штатов". 1,5 года он безуспешно искал работу по специальности, давал уроки, в последнее время работал секретарем.

Дело Чернобыльского

2 мая является Всемирным днем памяти погибших во время Второй мировой войны евреев. Московские евреи выезжали в этот день на ст. Овражки. Обычно пикник проходил беспрепятственно. Однако в этом году в местные отделения милиции под различными предложениями были вызваны несколько евреев. Там сотрудники КГБ "предупредили" их о возможных "последствиях" их участия в "мероприятиях в Овражках". Некоторым угрожали привлечением к судебной ответственности, другим обещали навсегда "закрыть" дорогу в Израиль. Среди предупрежденных были П. Абрамович (Хр. 61), В. Престин (см. выше), Ю. Кошаровский (Хр. 61), А. Гуревич (Хр. 61), Л. Тесменицкий (Хр. 60), В. Бродский (Хр. 60), И. и Г. Кремень (Хр. 50), Б. Чернобыльский (Хр. 50), М. Львовский, А. Шварцман, М. Якобсон, И. Щеголева (Хр. 60, 61) и Л. Макара-Лиманов (Хр. 61).

Многим евреям звонили домой и также уговаривали не ехать в Овражки, угрожая "последствиями".

Утром 3 мая, в воскресенье, нескольким десяткам евреев повторно позвонили домой и посоветовали не ехать в Овражки. Бродского, Гуревича, Львовского и Кремень не выпустили из квартиры, Якобсона и Престина "проводили" до работы, Тесменицкого "сопровождали" на двух легковых машинах по всей Москве вплоть до 15 часов (на самом деле из-за плохой погоды пикник было решено перенести на другой, более подходящий день).

9 мая 40 евреев отправили Андропову письмо:

Уважаемый Юрий Владимирович!

В последние недели сотрудники возглавляемой Вами организации проводят беседы со многими евреями Москвы. В этих беседах они требуют отказа от участия в традиционном празднике, который московские евреи уже ряд лет проводят возле ст. Овражки под Москвой под наблюдением милиции и органов госбезопасности. При этом Ваши сотрудники допускают неоправданные угрозы, ссылаясь на то, что этот праздник представляет собой якобы "сионистское" собрание. Сообщается также, что существует какая-то инструкция, ограничивающая свободу передвижения евреев.

Мы решительно возражаем против предпринимаемых Вашей организацией дискриминационных попыток лишить евреев Москвы права отмечать в соответствии с советским законом, гарантирующим свободу собраний, свои национальные и общечеловеческие праздники и почетные дни.

Ставим Вас в известность, что мы намерены 10 мая 1981 г. собраться для того, чтобы отметить день победы над фашизмом,

день памяти бесчисленных жертв еврейского народа, день славы ваших и наших героев.

Мы рассчитываем, что Вы не допустите расправы и погромных действий над евреями, собравшимися на праздник. В противном случае ответственность за это падет на Вас и возглавляемое Вами ведомство.

* * *

В воскресенье 10 мая около 150 евреев собрались в лесу, в километре от ст. Опалиха, для празднования Дня Победы и Дня Независимости Израиля. (Ввиду неожиданности для соответствующих органов места проведения празднования группу "сопровождало" всего 7 лиц "в штатском". В то же время лес в районе ст. Овражки был оцеплен нарядами милиции, дружинниками и "штатскими" — всего более 100 человек. Около станции стояла "чайка", несколько "волг", "жигулей", грузовик и несколько автобусов. У всех прибывающих на станцию Овражки проверяли документы. Местных отпускали, а "не местных" задерживали. В лес никого не пускали, объясняя "очисткой леса").

В 10 час. 30 мин. началась "торжественная" часть. Ветеран Великой Отечественной войны С.А. Янтовский напомнил присутствующим о трагедии еврейского народа, 6 миллионов сыновей и дочерей которого погибли от рук нацистов. Все стоя почтили минутным молчанием их память. Янтовский сказал также о героизме евреев в борьбе с нацизмом как в рядах Советской Армии, так и в армиях союзников и в Сопротивлении, в партизанских отрядах, в гетто. В эти дни, — продолжал Янтовский, — мы не только празднуем победу над нацизмом, мы отмечаем День Независимости Израиля, страны, где евреи вновь обрели свою родину, к которой мы все стремимся. Он закончил свое выступление традиционным "В будущем году в Иерусалиме". Затем присутствующие исполняли песни на иврите, играли в спортивные игры и т.п.

Около 12 часов на место пикника прибыл большой наряд милиции и дружинников в сопровождении "штатских". Лейтенант милиции А.М. Бречко заявил присутствующим, что в соответствии с постановлением Мособлисполкома от 12 апреля с.г. массовые гуляния без санкции поссовета запрещены, и потому все должны покинуть лес и идти к станции. В случае, если участники пикника откажутся выполнить это распоряжение, к ним будет применена сила. В ответ на замечание, что участникам угрожают применением силы, Бречко ответил: "Мы же силу не применяем; я просто говорю, что, если вы не подчинитесь распоряжению, вам будет плохо".

Милиционеры попытались выявить "старшего" — такового не оказалось. На вопрос Чернобыльского, что значит "массовое гуляние", один из милиционеров ответил: "Больше двух человек".

Евреев стали выгонять из леса. Кто-то попытался вступить в пререкания с милиционерами, но Чернобыльский одернул его, сказав: "Нечего с ними, с фашистами, разговаривать!" Один из милиционеров прове-

рял в это время документы у О. Попова (Хр. 61). К нему подошел "штатский" и, показав на Чернобыльского, сказал: "Вот тот, его фамилия Чернобыльский, обозвал тебя фашистом".

Минут через 10, когда Чернобыльский с друзьями уже стоял в стороне, к нему подошел милиционер и попытался с ним заговорить. Чернобыльский демонстративно отвернулся. Милиционер не отставал. В конце концов Чернобыльский сказал: "Я с фашистами не разговариваю". Милиционер сразу отошел. Вскоре основная масса уехала, а небольшой группе (около 10 человек с детьми) было разрешено остаться.

9 июня Чернобыльский был задержан на улице в Москве и отправлен в Красногорск — по месту совершения "преступления". Ему предъявили обвинение по ч. 1 ст. 191-1 УК РСФСР ("Сопrotивление работнику милиции или народному дружиннику"). В постановлении о возбуждении дела говорилось, что в ответ на законные требования работников милиции назвать фамилию или предъявить документы Чернобыльский ответил отказом. Пройти в отделение тоже отказался, при этом оказал сопротивление.

Трое суток Чернобыльский находился в КПЗ. Лейтенанты милиции Бречко и Ю.В. Емельянов и дружинники В.И. Михеичев, В.В. Поярков и А.П. Шабров давали показания о том, что Чернобыльский, когда Бречко взял его за руку, другой рукой ударил Бречко по руке и вырвал свою руку; тут же Чернобыльского окружили женщины и дети, что сделало его задержание невозможным.

12 июня Чернобыльский был выпущен под подписку о невыезде.

23 июня Чернобыльский начал знакомиться с делом. Дело, тем не менее, еще не было сброшюровано, продолжались допросы. В материалах дела имеются показания от 10 и 11 мая всех милиционеров и дружинников, где ничего не говорится о физической попытке Бречко задержать Чернобыльского, о сопротивлении последнего и о насилии с его стороны.

30 июня, при окончании знакомства с делом, Чернобыльский увидел, что квалификация изменена: ч. 1 заменена ч. 2 (максимум по ч. 1 — 1 год, по ч. 2 — 5 лет).

По ходатайству Чернобыльского были вызваны свидетелями Попов, Тесменицкий, А. Радин (Хр. 61) и В. Магарик (Хр. 61).

В протоколе об окончании предварительного следствия Чернобыльский написал заявление:

Я считаю себя полностью невиновным, т.к. предъявленное обвинение в сопротивлении милиции является полностью вымыслом и прошу прекратить по отношению ко мне дело по статье 191-1.

Разное

Давид Токарь, студент 5 курса Московского горного института, с июня 1980 г. не может подать документы в УВИР г. Черновцы, где он постоянно прописан, из-за того, что "вызов — не от близких родственников".

В сентябре 1980 г. Токарь сняли с самолета, когда он собирался ехать

на семинар "частных" преподавателей иврита в Крым, и в течение 8 дней не позволяли покинуть Черновцы. В январе-апреле 1981 г. он не мог получить медицинских справок для восстановления в институте после академического отпуска. Ему удалось восстановиться лишь за 40 дней до сессии. Длительное время администрация института чинила ему препятствия: затягивала выдачу заданий на курсовые проекты, затрудняла выполнение лабораторных работ.

26 апреля в помещении института с Токарем "побеседовали" сотрудники КГБ. Токаря угрожали судом за то, что он в электричке пел еврейские песни ("разжигание национальной розни"); за то, что он организует выезды евреев в лес в районе станции Овражки и "несет ответственность за состояние леса" в этом месте. Ему угрожали не дать закончить институт, если он не прекратит "организационную деятельность" среди еврейской молодежи. "Что вы здесь делаете? Уезжайте в свой Израиль!" – сказали ему. Токарь тут же написал заявление с просьбой лишить его гражданства СССР и отпустить в государство Израиль по религиозным мотивам. Однако взять это заявление сотрудники КГБ отказались. (Угрожают и запугивают также учеников Токаря в группе по изучению иврита. С родственниками некоторых из них были проведены "беседы" по месту их работы. Некоторые ученики получили анонимные письма с советами прекратить изучение иврита.)

В начале мая Токарь направил заявление в КГБ, где, в частности, спрашивает, любые ли национальные песни нельзя петь или только еврейские.

21 мая шестеро друзей Токаря, студенты Московского института инженеров транспорта, были вызваны в партком института, где их допросили сотрудники КГБ. Студентам угрожали исключением из института, если они не дадут показания, что Токарь занимается антисоветской пропагандой и разжигает национальную рознь.

В июне Токаря отчислили из института за "академическую неуспеваемость".

* * *

Леонид Тесменицкий направил в ЦК КПСС письмо:

20 февраля с.г. я был вызван в 25 о/м г. Москвы. В отделении милиции меня ожидали двое людей в штатском, назвавшихся сотрудниками центрального аппарата КГБ. Предъявить документы они отказались. Начавший беседу назвался Валерием Павловичем, затем он представил второго как своего начальника. В состоявшейся позднее беседе по телефону Валерий Павлович назвал свою фамилию – Андреев. Судя по тому, как вели себя с Андреевым сотрудники милиции, и по тому, что он беседовал с моими знакомыми в помещении первого отдела их учреждений, он действительно является сотрудником КГБ, хотя, возможно, его зовут как-нибудь иначе (в противном случае мне непонятно, почему он отказался предъявить свое удостоверение). Суть состоявшейся 20 февраля

двухчасовой беседы сводится к предложению подписать бумагу, в которой я обязывался "в дальнейшем не заниматься антигосударственной деятельностью" и к угрозе, что в случае отказа подписать такую бумагу я *никогда* не смогу выехать в Израиль и, более того, буду посажен в тюрьму. (Я подал заявление о выезде в Израиль в феврале 1979 года и получил отказ в декабре 1979 года, поскольку мой брат имеет доступ к секретным документам. Возможно, именно в факте подачи сотрудника КГБ усматривают антигосударственную деятельность. Что еще может иметься в виду — мне не ясно.) ...

После этой беседы в течение двух недель за мной была установлена слежка. ... В беседе с одним из моих знакомых "Андреев" признал, что за мной "ходили", мотивировав это тем, что я, во-первых, сумасшедший человек, от которого можно ожидать чего угодно, а, во-вторых, ненавижу здесь всех и вся и поэтому также представляю опасность.

...Мой отец с инфарктом попадает в больницу. Мать остается в квартире одна, а я живу в квартире, которую снимаю в течение двух лет. Тем не менее звонят на квартиру родителям и ведут совершенно бессмысленные разговоры, которые направлены только на то, чтобы запугать мою мать. ... 14 апреля умирает отец. На третий день после похорон снова начинаются звонки. Меня вновь начинают разыскивать на квартире мамы, зная, что я там не живу. И, наконец, в ночь с 2 на 3 мая "Андреев" или кто-то из его коллег всю ночь звонит моей матери и объясняет ей, что если я не буду себя хорошо вести, то меня посадят в тюрьму. Чьими методами пользуются "Андреев" и его товарищи? По чьим книгам они учились своему ремеслу?

Я обращаюсь к вам с требованием прекратить беззакония со стороны КГБ. Формулировка отказа в разрешении на выезд и дальнейшие мои "приключения" заставляют меня думать о том, что со мной кто-то сводит счеты, и положительное решение моего вопроса задерживается по указанию КГБ.

Я надеюсь, что времена, когда КГБ бесконтрольно распоряжалось судьбами людей, давно прошли и не наступят никогда вновь.

* * *

2 июня Тесменицкий и Алексей Лоренсзон (Хр. 60) приехали в д. Ильинку Таловского района Воронежской области, где живут две семьи (Пискаревы и Матвеевы), активно добивающиеся разрешения на выезд в Израиль. В течение 4-х лет они отказываются работать в колхозе и ведут переписку с властями по поводу оформления выхода из колхоза "Россия", принадлежность к которому является препятствием для подачи документов в УВИР (см. "Суд над Осиповой").

Около 23 часов в дом Моисея Матвеева ворвались сержант милиции и человек в гражданском, представившийся заместителем начальника районного отделения милиции лейтенантом Варнавским, который сообщил, что в районе произошла кража магнитофона, двух гитар и каких-то еще музы-

кальных инструментов. В милицию якобы поступили сведения, что кража была совершена двумя студентами, одетыми в джинсы и куртки. Узнав, что Тесменицкий и Лоренсзон намереваются покинуть Ильинку 5 июня, он переписал их документы и уехал.

3 июня в 15 час. к дому Пискаревых подъехали две машины, в которых прибыли Варнавский, ст. лейтенант милиции, майор Воронежского УКГБ и председатель райисполкома Зотов. Кроме магнитофона, Варнавского на этот раз интересовали и фотоаппараты. Тесменицкий и Лоренсзон согласились поехать в районное отделение милиции для выяснения их причастности к краже; Варнавский потребовал, чтобы "задержанные" забрали свои вещи. На вопрос, смогут ли они вернуться в Ильинку, был дан отрицательный ответ.

В отделении милиции у Тесменицкого и Лоренсзона без понятия была изъята сумка с фотоаппаратами и магнитофонными кассетами. Варнавский пытался "беседовать" с Тесменицким; он сообщил, что "милиция на этот раз удалось спасти" гостей "от гнева жителей пос. Ильинка", но "в следующий раз можно не успеть" и "могут побить". На вопрос, почему не привлекаются к уголовной ответственности лица, угрожающие расправой, Варнавский сказал: "У деревни свои нравы". С Тесменицким пытался также провести "беседу" майор КГБ, который начал с "кражи", а кончил советом не ездить более в Ильинку.

Через три часа были проявлены изъяты фото пленки (со снимками членов семей Матвеевых и Пискаревых и еврейского кладбища в Ильинке) и прослушаны магнитофонные кассеты с еврейскими песнями. Был составлен протокол изъятия этих вещей (в одном экземпляре) без указания на дело, по которому производился обыск и изъятие. Затем Тесменицкого и Лоренсзона в сопровождении "штатского" отправили на автобусе на вокзал в Воронеж.

* * *

15 июня Тесменицкий пришел на переговорный пункт (в Москве), где у него был заказан разговор с Израилем. У кабины дежурил дружинник.

Когда Тесменицкий стал называть фамилии и адреса лиц, желающих получить вызов, дружинник ворвался в кабину и силой оттащил его от телефона. Тут же подоспели стоявшие неподалеку милиционеры, и Тесменицкого отвели в милицию. Там "курирующий" Тесменицкого сотрудник КГБ сказал, что "советские люди недовольны" тем, что он ведет подобные разговоры о вызовах и "ориентирует евреев на эмиграцию", и что он его "неоднократно предупреждал не заниматься антисоветской деятельностью". На возражение Тесменицкого, что он не делал ничего, что бы противоречило Конституции, сотрудник сказал: "А вы не прячьтесь за Конституцию".

* * *

28 марта старший научный сотрудник Института физики Земли АН СССР кандидат физико-математических наук В. Магарик направил прези-

денту АН Александрову письмо:

...13 февраля с.г. я направил Вам письмо, в котором сообщалось, что мое заявление о выезде в Израиль рассматривается в течение 17 месяцев, при законодательном максимуме 2 месяца. Я обратил также Ваше внимание на мое и моей трехлетней дочери естественное стремление к воссоединению, на наше право на счастье.

На днях в ответ на мой запрос Ваш сотрудник сообщил, что мое письмо направлено Вами в органы МВД СССР и что Вы отказываете мне в приеме и ответе по данному вопросу.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 г. запрещает переадресовывать письма в те организации, на которые содержится в них жалоба. Указ обязывает в любом случае уведомить заявителя не позднее, чем в месячный срок, о состоянии его дела. Вами были нарушены оба эти требования Указа.

В течение последних 5 месяцев я обратился в УВИР ГУВД Мосгорисполкома; в Моссовет, в Комитет народного контроля г. Москвы и СССР, в Прокуратуры г. Москвы и РСФСР, в ОВИР МВД СССР, в МИД СССР, в Президиум Верховного Совета СССР, в ЦК КПСС и к 26 съезду КПСС с заявлениями по личным и связанным с ними правовым вопросам выезда. Во всех случаях, кроме одного, ответом была нулевая реакция. В одном исключительном случае заместитель начальника ОВИР МВД СССР Н.В. Коваленко признал, что при рассмотрении моего выездного дела упомянутый Указ вопиющим образом нарушен, и обещал, что мне будет дан ответ в течение 10 дней. Его обещание, конечно, не выполнено.

Можно ожидать уловок и бездействия от бюрократов. Но Вы, выдающийся физик с именем, не подверженным влиянию времени и конъюнктуры, поставили меня в тупик. Ведь я рассчитывал на здравый смысл, объективность и человечность ученого. Ваше бездействие окончательно подтолкнуло меня предпринять голодовку, которую я провожу с 29 марта по 12 апреля в знак протеста против манипулирования судьбами людей, желающих выехать в Израиль.

В связи с отсутствием ответа из УВИРа Магарик с 29 марта по 12 апреля держал голодовку. 30 марта к нему присоединился В. Вайль (Хр. 61), а 2 апреля — жена Вайля И. Сапиро (30 марта ее вызвали в УВИР, где Коваленко вручил ей письменный отказ).

12 апреля 9 москвичей-отказников (включая трех женщин) объявили однодневную голодовку солидарности.

В конце апреля сотрудник Московского городского УВИРа Зинченков сообщил Магарiku, что ему отказано в выезде в Израиль еще в феврале 1981 г. "по дальности родства". На вопрос, почему об отказе не было сообщено своевременно, а лишь через 2,5 месяца, Зинченков отвечать отказался. Магарик направил ряд писем в высшие советские и партийные инстанции, в которых выражал протест против незаконных действий УВИР МВД.

* * *

23 марта и 4 апреля 11 евреек-отказниц приходили в ЦК КПСС на прием к заместителю заведующего административным отделом ЦК КПСС Иванову (Хр. 57) и разговаривали с ним по внутреннему телефону (Иванов отказался встретиться). Разговор шел об отказах в выезде. Иванов обещал разобраться (чего не сделал ни в том, ни в другом случае). В обоих случаях женщины составили письма "В ЦК КПСС", где среди прочих были изложены следующие требования:

1. Выдать в недельный срок ответы всем, кто ждет их больше шести месяцев.

2. Аннулировать все отказы, причины которых не входят в список, приведенный К.И. Зотовым, и разрешить выезд семьям, получившим эти отказы.

3. Объявить срок действия отказов по режиму в каждом конкретном случае. Отсчитывать срок отказа с момента подачи ходатайства. В связи с этим обязать т. Сорочкина (МВД СССР) принять в месячный срок тех из подписавшихся, кто не согласен с наличием или сроком отказа по режиму.

4. Дать указания судебным органам, чтобы они принимали к рассмотрению по существу жалобы на незаконные действия МВД СССР.

Те же женщины направили 30 мая "Открытое письмо" "советским учреждениям, занимающимся вопросами эмиграции из СССР" (копии: в газету "Вашингтон пост", в ЦК КПСС, в МВД СССР, в Министерство юстиции СССР, в Комитет советских женщин, в Комиссию ООН по правам человека):

Мы, группа еврейских женщин, вот уже несколько месяцев пытаемся добиться от официальных Советских инстанций ответа на вопрос: "Почему нам и нашим семьям препятствуют в выезде из СССР?" Однако все официальные лица, к которым мы обращались, либо вовсе уклонялись от разговора с нами, либо отделялись ничего не значащими отговорками. Такое трусливое поведение солидных и обремененных высокими чинами мужчин перед немногочисленной группой женщин удивляет нас. Если вы не собираетесь выполнять требования ратифицированного вами Пакта о гражданских и политических правах, скажите об этом прямо, чтобы нам и всему миру было ясно, с кем мы имеем дело. Если же вы намерены и дальше продолжать ту же политику увливания, с которой мы сталкивались до настоящего времени, то у нас возникает естественный, на наш взгляд, вопрос: "Что же вы за сверхдержава, если боитесь прямо ответить даже женщинам?"

Мы требуем, наконец, обоснованного *письменного* ответа на наши ходатайства о выезде из СССР!

Родственники И. Каплун (Хр. 57) мать М.Л. Каплун, тетя А.Л. Смолянская и А.Ю. Коростелев 24 мая опубликовали открытое письмо, в котором пишут, что им отказано в выезде к В. Борисову, мужу Ирины. Отказ, датированный 19 марта, они получили только 4 мая. Они также пишут, что до них почти не доходят письма и посылки, друзья семьи запугивают, требуют не ходить в дом Каплунов, даже врачи, приходящие в дом, "не остаются без внимания КГБ".

9 июня Каплунам снова объявили отказ в выезде (по гостевому вызову). Однако, как сообщили сотрудники УВИРа, дочь И. Каплун и В. Борисова (ей еще нет 2 лет) может быть доставлена отцу и ее безопасность гарантируется.

В июне (по окончании шестимесячного срока) Каплунам включили телефон.

3 июня было опубликовано открытое письмо "Защитить ребенка Ирины Каплун", под которым в настоящее время идет сбор подписей:

Прошел год со дня насильственной высылки из СССР Владимира Борисова, одного из основателей и члена Совета представителей Свободного Межпрофессионального объединения трудящихся, ранее — члена Инициативной группы по защите прав человека в СССР. Высылка явилась логическим завершением многолетних преследований Борисова властями — из своих тридцати восьми лет 11 он провел в психбольницах, где в лучших отечественных традициях борьбы с инакомыслием подвергался насильственному "лечению".

...

Жена Владимира Борисова Ирина Каплун 23 июля 1980 года погибла в автомобильной катастрофе.

Своей правозащитной деятельностью Ирина известна давно: еще в 1969-1970 годах по обвинению в изготовлении листовок она десять месяцев содержалась под следствием в тюрьме; позже стала одним из основателей Комиссии по борьбе с использованием психиатрии в политических целях, в 1979-1980 годах принимала участие в создании и деятельности СМОТ.

...

Насильственно разлученным людям необходимо встретиться, так легче пережить общее горе, а дальнейшая судьба ребенка требует немедленного и непременно личного обсуждения. ... положение семьи все ухудшается, и, видимо, уменьшается вероятность благополучного исхода, коль скоро власти позволяют себе ставить перед М.Л. Каплун и А.Л. Смолянской бесчеловечную дилемму:

- либо им, потерявшим дочь, принять условия властей и отказаться от внучки, отправив ее одну к отцу;
- либо остаться в СССР — т.е. взять на себя ответственность за здоровье и жизнь ребенка и смириться с тем, что ребенок никогда не увидит отца.

Мы, друзья этой семьи, обращаемся к международной общественности, к профсоюзным организациям Франции и всем независимым профсоюзам мира, к Хельсинкским группам всех стран — участниц Хельсинкского соглашения, к Международному обществу Красного Креста:

— примите участие в судьбе этих людей, потребуйте от Советского правительства прекращения беззакония и жестоких преследований семьи, помогите ее воссоединению!

* * *

12 мая Е. Алексеева (см. также "Дело Гривниной — Сереброва") была вызвана в Московский областной УВИР, где его начальник Романенков в присутствии "штатского" объявил, что ей отказано в выезде "за отсутствием мотивов воссоединения семьи". Затем он уговаривал Алексееву отказаться от выезда и написать соответствующее заявление. Алексеева отказалась.

* * *

4 мая 1974 г. был зарегистрирован брак гражданина США В. Макклеллана и советской подданной. До сих пор УВИР отказывает в выезде Ирине Макклеллан к мужу, а ему не дают въездной визы в СССР (Хр. 41, 45).

10 апреля 1981 г. Ирина Макклеллан обратилась в районный суд с иском; апеллируя к ст. 19 Кодекса о браке и семье РСФСР ("Право супругов на совместное решение вопросов жизни семьи, на свободный выбор занятий, профессии и места жительства"), она просила воспрепятствовать УВИРу запрещать ей выезд к мужу.

13 апреля судья Алексеева вынесла определение в отказе в приеме иска за неподведомственность этого дела суду. В определении сказано, что с этим делом следует обращаться в "вышестоящую организацию".

И. Макклеллан подала частную жалобу, которая была рассмотрена Московским городским судом 28 апреля (судьи Кожевникова, Кише и Кетова). Определение Алексеевой признано правильным.

* * *

29 евреев-отказников направили в ПВС СССР заявление:

Мы, нижеподписавшиеся, в знак протеста против незаконных действий ОВИР, нарушающего Международный Пакт о гражданских и политических правах, отказываемся от участия в дополнительных выборах в Совет Национальностей по Московскому городскому избирательному округу № 1, назначенных на 12 апреля 1981 г.

* * *

С февраля Московский УВИР не принимает продленные вызовы, а также вызовы с исправлениями и пометками.

8 июля Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 173 "Преследования евреев-отказников продолжаются".

В этом документе сообщается об аресте и осуждении К. Фридмана, арестах Е. Лейна, Я. Локшина и В. Цукермана, задержании М. Эльберта (об этих событиях см. ниже).

Перечисленные факты — лишь небольшая часть беззаконий и издевательств, творимых властями в отношении лиц, желающих выехать в Израиль. В СССР отсутствуют какие-либо правовые нормы и законы, регулирующие вопросы эмиграции, поэтому граждане, желающие выехать из СССР, не могут в законном порядке обжаловать действия властей, которые, в свою очередь, не считаются ни с положениями Всеобщей декларации прав человека, ни с положениями Пактов о гражданских и политических правах, ни с подписанным правительством Советского Союза Заключительным Актом Хельсинкских соглашений.

Ленинград

Арест Лейна

Около двух лет в Ленинграде существует Семинар по истории, культуре и религии еврейского народа.

В марте 1981 г. на участников семинара милицией была совершена облава: все были задержаны в связи "с ограблением квартиры", находящейся довольно далеко от квартиры семинара.

10 мая в подъезде дома, где должен был состояться семинар, был выставлен милицейский пост, не впускавший в дом участников семинара под предлогом, что они собираются устроить там пьяный дебош.

17 мая во время очередного заседания семинара в квартиру ворвались милиционеры и "штатские" во главе с неким А.И. Лейкиным, представившимся как начальник отдела Культуры Калининского райисполкома. Он потребовал прекращения лекции. Но лектор продолжал читать, а слушатели слушать. Милицейские фотографы непрерывно снимали всех и обстановку квартиры. Затем слушателей стали насильно выводить из квартиры. В суете один из милиционеров, оттолкнув студентку Татьяну Финкельштейн, сказал: "Она меня ударила!" (На следующий день Финкельштейн получила 12 суток за "нарушение общественного порядка".) Евгений Лейн оттолкнул руки милиционера, тащившего его: "Это мы оформим сопротивление!".

Семен Аш, тяжелый гипертоник, почти потерял сознание и просил разрешения выйти из квартиры. Он сел на пол и его вынесли из дома за руки и за ноги. В милиции ему пришлось вызвать "скорую помощь" и отправиться в больницу.

У всех выгнанных из квартиры переписали паспорта, а затем выводили из дома и по коридору из "штатских" вели к автобусу, который отвозил их в отделение милиции и в опорный пункт дружины. Народ, наблюдавший за "операцией", кричал: "Расстрелять их всех! Гитлер их не добил!"

Через несколько часов всех, кроме Лейна, отпустили.

Лейну предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 191-1 УК РСФСР ("Сопро-тивление работнику милиции или народному дружиннику"). В конце июня обвинение переквалифицировали на ч. 2 той же статьи (по ч. 1 срок до 1 года, по ч. 2 — до 5 лет).

Все ходатайства Лейна о вызове свидетелей были удовлетворены. Те дали подробные показания о том, что Лейн был прижат дверью и никакого сопротивления не оказывал.

Разное

18 марта отказник Борис Ривкин пришел в Ленинградский УВИР на прием к начальнику УВИРа Бокову, однако тот отказался его принять. Тогда Ривкин надел на грудь плакат с надписью: "5 лет отказа — 5 лет издевательств, 5 лет мучений". Через 5 минут вышел заместитель начальника УВИРа, сорвал с груди Ривкина плакат и пытался увести его. Присутствующие знакомые Ривкина стали его защищать. Тогда находившиеся в приемной "неизвестные в штатском" задержали их и записали паспортные данные. Однако вскоре всех отпустили.

* * *

В сентябре 1979 г. Надежда Фрадкова (1946 г.р.) получила отказ в связи "с секретностью" ее отца С. Фрадкова, живущего в Москве и работающего в ЦНИИ "Комета". (Фрадкова живет отдельно от отца практически со дня своего рождения и видела его всего несколько раз в жизни). В марте 1980 г. отказ по причине "секретности" отца был подтвержден.

13 апреля 1981 г., после очередной подачи документов, от Фрадковой потребовали новый вызов.

В знак протеста против незаконного удержания ее в СССР и незаконных действий Ленинградского УВИРа Фрадкова объявила 15-дневную голодовку (с 18 апреля по 2 мая).

* * *

Отказник Кнох, преподаватель иврита, получил за участие в пресс-конференциях и общении с иностранными корреспондентами предупреждение "по Указу".

Суд над Фридманом

18 марта арестовали Кима Бениаминовича Фридмана (отказник с 9-летним стажем; жена и дочь уже много лет живут в Израиле) "за сопротивление властям" (он отказался пойти на комиссию по трудоустройству, т.к. в это время уже работал переплетчиком). В этот же день судья Днепровского района Олейник приговорил его к 10 суткам административно-го ареста.

28 марта из спецприемника Фридмана привезли домой, где был произведен обыск (в протоколе 19 пунктов, в основном — книги на иврите), после которого его отправили в Лукьяновскую тюрьму. В постановлении о возбуждении против Фридмана уголовного дела сказано:

вел паразитический образ жизни, жил на нетрудовые доходы. С целью уйти от ответственности устроился на работу и работал около месяца. Учитывая изложенное выше, начать против Фридмана Кима Бениаминовича уголовное дело по ст. 214 УК УССР (= ст. 209 УК РСФСР).

Дело было назначено к слушанию 9 июня. Все свидетели получили повестки на это число, однако поздно вечером 15 мая (пятница) адвоката Фридмана уведомили о переносе слушания дела на 18 мая, поэтому адвокат сумел сообщить о дате суда лишь матери подсудимого. Суд под председательством судьи Олейника проходил без прокурора и без свидетелей.

Из показаний свидетелей во время предварительного следствия следовало, что за последний год не было ни одного месяца, в течение которого Фридман не работал бы или не был бы на больничном. Жизнь на "нетрудовые доходы" не была документально доказана. Из материалов, представленных адвокатом, следовало также, что в деле были допущены многочисленные процессуальные нарушения.

Фридман в последнем слове не признал себя виновным и заявил, что рассматривает свое осуждение лишь как остановку на пути в Израиль. Он заявил, что стал жертвой КГБ, который в течение 9 лет препятствовал его выезду в Израиль.

Приговор — 1 год лагерей общего режима (максимальный срок по ч. 1 ст. 214 УК УССР).

Суд над Кисликом

19 марта около 24 часов Владимир Кислик (Хр. 57) стоял на остановке троллейбуса. Кто-то толкнул его сзади. Обернувшись, он увидел женщину (впоследствии оказавшуюся свидетельницей Шебалиной, студенткой Киевского торгового института), которая стала кричать, что он ее ударил. Подбежавшие милиционеры заломили Кислику руки за спину и втолкнули в машину. На следующий день отец Кислика нашел его в Шевченковском РОВД Киева.

Через несколько дней Кислика поместили в Лукьяновскую тюрьму. Ему предъявили обвинение по ч. 2 ст. 206 УК УССР ("злостное хулиганство").

На следствии Кислик отказался давать показания, заявив, что стал жертвой провокации органов внутренних дел. В обвинительном заключении (дело вел следователь Святенький) сказано, что Кислик ударил по лицу Шебалину без нанесения ей телесных повреждений, а также пытался ударить ногами по ногам свидетеля Журавлева. В качестве свидетеля также проходил инспектор Шевченковского РОВД Киева Грабовский, якобы случайно проходивший мимо остановки. (Спустя неделю после ареста в газете "Вечерний Киев" появилась статья под названием "Дока-тился...", где было написано, что Кислик избил двоих – женщину и мужчину, который за нее вступился. Кроме того, при задержании, как утвер-ждалось в статье, Кислик оказал сопротивление представителям власти.)

* * *

6 киевских отказников опубликовали статью "Бейлисовский юбилей в Киеве":

...

Было все: и разгул антисемитизма, и призывы к погрому, и заведомо ложное направление следствия, и специально подобранный состав присяжных заседателей... Газета "Русские ведомости" печатала: "... испытание, которому русское правосудие подвергнуто на глазах у всего мира, тяжелое, и если присяжные выйдут из него с честью, это будет значить, что нет уже на Руси таких условий, при которых можно вырвать у народной совести ритуальное обвинение".

Несмотря на усилия черносотенных организаций и содействие министерства юстиции, темная ритуальная кампания катастрофически провалилась – Мендель Бейлис был оправдан.

И вот, спустя 70 лет, киевские власти достойным образом отмечают юбилей антисемитского шабаша вокруг "дела Бейлиса". Ровно через семьдесят лет, чуть ли не день в день, там же, в Киеве, в том же районе схватили еврея Владимира Кислика. Еврей Владимир Кислик обвиняется в том, что поздно вечером 19 марта 1981 г. на еврейский праздник Пурим, будучи в состоянии опьянения, нецензурно обругал женщину и ударил ее по лицу. Разумеется, и опьянение, и брань, и пощечина имеют такое же отношение к реальности, как и маца, замешанная Бейлисом на крови младенца. Арест был приурочен к этому дню, поскольку компетентные лица вычитали, что для верующего еврея опьянение – грех, за исключением единственного раза в году – в Пурим.

Но какой прогресс! Какое смягчение нравов! От ритуального убийства и едва ли не канибализма до ритуального опьянения, нецензурной брани и пощечины!..

...

Сейчас идет ритуал следствия и разрабатывается сценарий суда. Затем настанет черед ритуала суда и в последнем ритуальном акте именем Украинской Советской Социалистической республики судьи объявят волю КГБ.

Бейлис оправдан, но "дело" его живет! Живет в "деле Кислика", в "деле Браиловского", в "деле Фридмана".

Мы призываем всех честных людей в память о деле спасенного Бейлиса встать на защиту Владимира Кислика и других евреев, преследуемых за репатриацию.

11 киевских отказников отправили "Открытое письмо" первому секретарю ЦК КП Украины Щербицкому:

...Готовящийся процесс завершает ту цепь преследований (административные аресты по сфабрикованным обвинениям, насильственное помещение в психиатрическую больницу, обыски, избиения, незаконные задержания, клеветническая кампания в прессе), которым Кислик подвергается уже восьмой год только за то, что хочет жить на своей Родине...

Если суд состоится, это будет глумлением над правосудием...

12 киевских отказников направили письмо Брежневу:

...

В Ваших силах предотвратить готовящуюся судебную расправу. Мы призываем Вас — вмешайтесь, пока не поздно, освободите Владимира Кислика и дайте ему, наконец, воссоединиться с его семьей и народом на земле Израйля!

* * *

26 и 27 мая в Киеве состоялся суд над Владимиром Самуиловичем Кисликом (1935 г.р.; кандидат технических наук).

Суд был назначен на 12 часов. На доске объявлений упоминаний об этом процессе не было, и все работники суда под различными предлогами отказывались отвечать, когда начнется суд и в каком зале. Судья Е.А. Поликарпова заявила, что все вывешено на доске объявлений, и потребовала, чтобы к ней не приставали в коридоре. Через сорок минут секретарь Поликарповой вышла на лестницу и стала звать свидетелей обвинения, но их не оказалось на месте. На вопрос родных Кислика, когда и где состоится суд, судья ответила, что в полуподвале. Но суд состоялся не там, а в верхнем зале. Когда друзья Кислика (17 человек) поднялись наверх и вошли в зал, он был пуст, они заняли места. Через несколько минут вошли молодые люди с комсомольскими значками (человек 10) и сели на заднюю скамейку. Вошедший милиционер потребовал, чтобы все вышли. На вопрос, будет ли суд закрытым, он ответил отрицательно. На вопрос, почему в таком случае надо выходить, он, помнясь, сообщил, что это распоряжение Поликарповой. Все поднялись, кроме молодых людей со значками. После возражений друзей Кислика они тоже вышли из

зала. Милиционер выставил всех из зала, потом из коридора, спустил, по лестнице и, наконец, потребовал, чтобы все вышли на улицу. Однако через некоторое время молодые люди со значками были приглашены в зал. Следом двинулись остальные, но милиционер их остановил и в зал не пустил. В зал пропустили лишь некоторых родных и друзей Кислика.

Во время перерыва родные Кислика спросили, можно ли покормить его бутербродами, на что Поликарпова сначала ответила, что это дело конвой, а затем добавила, что это не положено, т.к. бутерброды нужно подвергнуть специальному досмотру. Конвой не позволил покормить Кислика, и всех его друзей выставили из зала. Когда отказница Елена Гофштейн, находящаяся на 8 месяце беременности, пыталась выяснить, почему нельзя присутствовать в зале суда, и хотела пройти туда, сотрудник КГБ, известный многим евреям-отказникам как Мищенко (Хр. 60, а также ниже), ударил ее в живот. Гофштейн отвезли в больницу, где оставили "на сохранение".

В последнем слове Кислик сказал, что все происходящее с ним является провокацией тех органов власти, которые так долго не разрешают ему выезд в Израиль.

Приговор — 3 года лагерей общего режима.

* * *

После окончания в 1958 году Института цветных металлов и золота им. Калинина Владимир Кислик работал на Урале инженером-металлургом-исследователем. В 1966 г. Кислик защитил диссертацию. В том же году он был переведен в Киевскую базовую изотопную лабораторию, где работал начальником отдела научно-исследовательских работ. С 1986 г. Кислик работал в Институте физики АН СССР руководителем группы атомной энергии, в Институте ядерных исследований АН УССР, в учебных заведениях Киева. Кислик является автором многих научных публикаций по вопросам физики и технологии металлов.

В 1971 г., в связи подачей документов на выезд в Израиль, Кислик был вынужден оставить научную и педагогическую деятельность.

* * *

7 июля Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 172 "Арест и осуждение Владимира Кислика":

...

Еще один гражданин СССР осужден по сфабрикованному уголовному делу...

Еще раз власти наглядно демонстрируют пренебрежительное отношение к гуманитарным статьям Заключительного Акта Хельсинкских соглашений, подписанных Советским Союзом в 1975 г.

Арест Зубко

17 февраля 15 киевлян-отказников направили в Прокуратуру СССР телеграмму с жалобой по поводу очередного осуждения Станислава Зубко (Хр. 60) за "мелкое хулиганство".

19 марта один из отправителей (В. Терещенко) получил ответ прокурора Дарницкого района Киева В.И. Кавешникова, в котором сказано, что Зубко

находясь на автобусной остановке... выражался нецензурной бранью в присутствии женщин и детей, в связи с чем участковым инспектором Дарницкого РОВД ст. лейтенантом милиции т. Мокиным был составлен протокол о нарушении общественного порядка...

Основания для опротестования постановления нарсудьи Т. Ковальчука не имеется.

В этом ответе также говорится:

Проверкой через ОВИР УВД г. Киева установлено, что всем лицам, подписавшим жалобу, в декабре 1980 г. — январе 1981 г. было отказано в выезде на постоянное жительство в Израиль из-за отсутствия там прямых родственников.

* * *

14 и 15 мая мать Зубко А. Левицкую (ей 68 лет) вызывали к участковому милиционеру. Приходивший с вызовом был очень настойчив, но в первый день участкового на месте не оказалось, а во второй день после неопределенной беседы о поведении ее сына, длившейся около двух часов, ее отпустили. Зубко в это время находился на работе; в квартире, таким образом, никого из хозяев не было.

16 мая на квартире Зубко был проведен обыск по подозрению в участии в неудавшейся попытке обокрасть соседнюю квартиру. Обыскивающие объяснили, что Зубко похож на "бородатого человека", подозреваемого в попытке ограбления.

Обыскивающие некоторое время рылись по всей квартире, изъяли Тору и все книги на иврите. Затем они подошли к буфету и из пустой конфетной коробки извлекли маленький (величиной с конфету) сверток в алюминиевой фольге. На вопрос "Что это?" хозяйка предположила, что это старая конфета, о которой она не помнила. Вскрыв сверток, обыскивающие заявили, что это — гашиш; в протокол записали — "кусочек темного вещества". (Через несколько дней следователь сказал Левицкой, что экспертиза установила, что это — гашиш.) Потом направились на кухню, спросили: "Что под холодильником?" и, к изумлению хозяев, извлекли из поддона "пистолет ТТ, незаряженный". После обыска Зубко увезли. (Один из киевских отказников сразу после ареста Зубко случайно оказался свидетелем следующей сцены в милиции: в здание вошло несколько человек, которые сказали встречавшему их: "Шеф, все в порядке. Пистолет на месте и гашиш на месте".)

Дело Зубко ведет следователь Дарницкого РОВД В.А. Верзин. Зубко инкриминируется хранение наркотиков и огнестрельного оружия. Верзин не отрицает возможности того, что гашиш подброшен: "Назовите тех, кто бывает в доме. Быть может, они подбросили", – говорит он Левицкой.

* * *

13 киевлян-отказников направили письмо делегациям государств – участников Мадридского совещания:

...он не мог согласиться с тем, что его лишили права репатриироваться на свою историческую родину. Он стал активно добиваться разрешения на выезд. Именно это и послужило единственной причиной того, что интеллигентный человек, ученый, стал "хулиганом". Характерным является то, что Зубко как "хулиган" проявлял себя именно в те моменты, когда киевские власти опасались особо-го роста возмущения в среде отказников. Так было накануне коллективной поездки в Москву, в день суда над отказником В. Пильниковым, в канун открытия Мадридского совещания, за несколько дней до начала работы 26-го съезда КПСС. ...

Властям не нравилось не только то, что он активно добивался разрешения на выезд в Израиль, но и то, что он оказывал помощь многим отказникам и своим бесстрашным поведением служил им примером. Он, единственный среди отказников, 6 раз подвергался арестам, причем в знак протеста против последнего десятисуточного ареста он объявил голодовку на все 10 суток. Это мужество не прошло незамеченным. В Киеве за мужество надо платить. ...

* * *

Станислав Зубко (1938 г.р.; кандидат химических наук) до 1979 г., когда подал документы на выезд в Израиль, работал старшим научным сотрудником в одном из НИИ Киева. В последнее время работал грузчиком в магазине, переплетчиком.

Разное

"К общественным организациям, людям доброй воли" обратились киевские еврей-отказники:

Цель нашего обращения – привлечь внимание мировой общественности ко все усиливающимся репрессиям по отношению к нам, несмотря на то, что наши действия строго законны как по существу, так и по форме.

Рассказав о преследованиях, которым отказники подвергались с мая 1980 г. по март 1981 г.: пятилетний срок заключения В. Пильникова (Хр. 57), арест В. Кислика (см. выше), административные аресты С. Зуб-

ко (6 раз), И. Книжника (3 раза), И. Беренштейна (2 раза), В. Каневско-го, В. Кислика, В. Левинштейна, С. Михлиса, К. Фридмана – отказники заканчивают "Обращение" словами:

Угроза судебной расправы, как дамоклов меч, висит над головой ... отказников.

Поэтому мы обращаемся ко всем общественным организациям, ко всем людям доброй воли с просьбой любыми имеющимися в их распоряжении средствами помочь нам добиться освобождения из заключения Валерия Пильникова и Владимира Кислика.. Мы просим вас обратиться к высшим партийным и правительственным органам с требованием прекратить репрессии против евреев, желающие жить на своей Родине и насильственно удерживаемых в СССР.

* * *

В начале 1979 г. семья Марка Очеретянского получила разрешение на выезд в Израиль. Были сданы все необходимые документы, уплачена пошлина (1400 руб.). Однако уже выписанные визы неожиданно были задержаны. В течение 10 месяцев Очеретянскому угрожали возбуждением уголовного дела, провоцируя отказаться от выезда.

В феврале 1980 г. Очеретянского арестовали и после трехмесячного следствия "за злоупотребление служебным положением" (до подачи на выезд Очеретянский работал начальником цеха на заводе "Стройматериалы") приговорили к 1 году исправительных работ.

В декабре 1980 г. Очеретянский представил в ОВИР приговор и справку о его исполнении, однако виз так и не выдали. Семья много раз обращалась с жалобами по инстанциям, но безответно.

23 марта 1981 г. Очеретянским объявили отказ в выезде "за дальностью родства". Пошлина пошла в доход государству.

24 марта Очеретянский написал "Заявление участникам Мадридской встречи":

... Больше полутора лет мы терпим грубый произвол и незаконные, влачим жалкое существование, лишены документов, прав, средств к существованию и элементарных человеческих условий, т.к. для уплаты госпошлины мы продали всю мебель и вещи. Мой сын с 11 лет лишен детства, второй год не занимается в школе, спит на полу и носит вещи с чужого плеча.

...В настоящее время семья разорена и находится на грани отчаяния и нищеты.

Аналогичные заявления Очеретянский направил Курту Вальдхайму и в Международный Красный Крест.

* * *

Леонид Варвак (Хр. 61) получил ответы на свои жалобы от 17 марта в связи с попытками госпитализации его жены Лилианы.

Заместитель главного врача по медицинской части городской станции скорой и неотложной медицинской помощи Б.Ф. Яцишин 24 марта написал:

сообщая, что 10.11.80 г. к Вашей жене дважды выезжала специализированная психиатрическая бригада скорой помощи в составе врача Бублик С.Д., фельдшера Белоус М.Я., санитары Станишевского Г.Ф., санитар-водителя Бернадского В.И.

Вызов скорой помощи осуществлялся сотрудниками Печерского райотдела милиции, согласно имеющегося в райотделе милиции направления на госпитализацию Вашей жены, выданного психиатром Печерского психо-неврологического диспансера (ул. Верхняя, 4).

7 апреля Варвак получил ответ от заместителя заведующего отделом здравоохранения Киевского горисполкома Ю. Градуна:

Киевский городской отдел здравоохранения... сообщает, что Ваша жена... была осмотрена на дому врачом-психиатром согласно отношения опекунского Совета Печерского райисполкома и заявления матери.

В результате осмотра был установлен предположительный диагноз. В целях уточнения диагноза было выдано врачом Печерского ПНД направление на госпитализацию для стационарного обследования, в связи с чем и выезжала по Вашему адресу бригада скорой помощи.

Зам. зав. отделом городского отдела здравоохранения г. Киева сообщил Вам о необходимости лечения Вашей жены на основании заключения, данного врачом Печерского психо-неврологического диспансера, на диспансерный учет больная не взята.

* * *

27 марта у Леонида Галиновского был проведен обыск старшим следователем УВД Киева Н.И. Солодкиным "по делу о взрывах" в Киеве с декабря 1980 г. по март 1981 г. В постановлении на обыск говорилось, что "имеются сведения о хранении в квартире взрывчатых веществ". Обыск длился более 4 часов. Среди изъятых – литература по истории евреев и об Израиле, сборники стихов Мандельштама, Гумилева, Хлебникова, Шершневича, Бродского, две книги Набокова, "Котлован" Платонова (машинопись, фото, ксерокс), пишущая машинка (всего 32 пункта).

* * *

15 мая Михаил Эльберт (отказник с 1979 г.) был на улице остановлен милиционером, который заявил, что Эльберт "похож на человека, подозреваемого в растлении малолетних". Эльберта и его мать отвезли в отделение милиции, обыскали, изъяли еврейскую литературу.

20 мая 14 отказников направили в Верховный суд СССР "Исковое заявление":

В соответствии с законом мы подали заявления и все необходимые документы в отдел виз и регистраций Управления внутренних дел Киевского горисполкома. Как следует из прилагаемых копий телеграммы и письма прокурора, всем нам было отказано в выезде на постоянное жительство в Израиль из-за отсутствия там прямых родственников, что грубо нарушает пункт 3 ст. 12 Международного пакта о гражданских и политических правах. Мы обращались с жалобой на действия ОВИР в Министерство внутренних дел СССР и ответственные должностные лица министерства Зотов и Овчинников подтвердили нам отказ в данной формулировке.

Таким образом, министерство противоправно, в нарушение ст. 12 Основ гражданского законодательства, ограничило нас в нашей гражданской правоспособности, чем причинило вред личностям истцов.

Поскольку истцам известно, что тысячи евреев аналогичным образом лишены права избирать место жительства, мы считаем, что наше дело в действительности касается сотен еврейских семей и уже потому является гражданским делом исключительной важности. Кроме того, незаконное массовое ограничение правоспособности граждан еврейской национальности осуществляется правоохранительным учреждением — МВД СССР.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 88, 89 Основ гражданского законодательства, ст. ст. 444, 445, 446 ГК РСФСР и ст. 26, п. 1 Закона СССР о Верховном суде СССР просим:

- рассмотреть наше дело в качестве суда первой инстанции;
- признать за нами право выехать в Израиль и обязать ответчика оформить нам выездные визы.

26 мая Верховный суд СССР ответил истцам, что жалоба направлена для рассмотрения в МВД СССР.

14 июня истцы направили в Верховный суд СССР телеграмму с просьбой сообщить дату "рассмотрения нашего искового заявления".

29 июня пришел ответ МВД СССР:

Истцы Брандт И.Х., Корецкий В.Л., Терещенко В.М. (трое из четырнадцати — Хр.) приглашены в Отдел виз и регистраций г. Киева. Представитель администрации ОВИР г. Киева т. Комар Д.В. от имени МВД СССР и по его поручению заявил, что с подобным иском не следует обращаться в судебные инстанции, т.к. суду это неподведомственно.

В этот же день истцы направили телеграмму в Верховный суд СССР, в которой настаивали на судебном разбирательстве их иска и просили сообщить дату судебного заседания.

* * *

Супруги И. Геращенко и И. Ратушинская (Хр. 60) направили в ПВС СССР заявление с просьбой

воспользоваться правом законодательной инициативы в вопросах общесоюзного законодательства СССР... и предложить Верховному Совету СССР ввести в главу 6 Конституции СССР дополнительную статью следующего содержания:

"Граждане СССР имеют право выехать на постоянное проживание за пределы территории СССР".

Свою просьбу они мотивируют ссылками на Пакт о гражданских и политических правах и ст.ст. 4, 29 Конституции СССР.

* * *

В ответе на телеграмму евреев-отказников (см. "Арест Зубко") Кавешников также написал:

Сообщаю, что в аппарате КГБ г. Киева нет сотрудника по фамилии Мищенко и привлечение к административной ответственности не входит в компетенцию органов КГБ.

Между тем, "Мищенко" регулярно появляется среди чинов КГБ в операциях против отказников. Он участвовал в трех последних административных арестах С. Зубко. Во время суда над В. Кисликом он ударил в живот беременную Елену Гофштейн (см. выше "Суд над Кисликом").

Супруги Иосиф и Фаина Беренштейны (Хр. 60) около года пытаются привлечь "Мищенко" к ответственности: он угрожал им, что уголовники изнасилуют их дочь (после этого случая дочь на нервной почве почти ослепла).

В июле "Мищенко" встречался с Беренштейном и заявил ему: "Вы встречаетесь с иностранцами и о Вас они печатают статьи. Вы даете информацию о себе... Дома у себя вы храните 300 долларов, а где они лежат, и сами позабыли... Не надейтесь уехать, из Киева теперь не уедет никто и по прямому родству".

* * *

В Киеве получившим отказы "по дальности родства" в УВИРе сообщают, что "их дела закрыты навсегда".

Харьков

Ю. Дзюба (Хр. 53; см. также "Суд над Корягиным") в третий раз подал заявление с отказом от гражданства и в третий раз уплатил за это 500 руб.

Арест Локшина и Цукермана

30 мая у здания синагоги в Кишиневе собралась группа евреев, чтобы отнести в городской УВИР заявление, в котором выражались претензии к работе УВИРа по рассмотрению ходатайств на выезд в Израиль и требовалось соблюдение законности при решении эмиграционных дел. Собравшихся задержали и развезли по отделениям милиции. Якова Локшина и Владимира Цукермана арестовали. Им предъявлено обвинение по ст. 203-3 УК МССР ("Организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок"). Остальные через несколько часов были освобождены.

Тбилиси

27 марта И. Гольдштейн (Хр. 61) возвращался от находящейся в Томской обл. в ссылке И. Нудель (суд — Хр. 50). Автобус, в котором он ехал, был остановлен милицейской машиной и черной "волгой". После проверки документов у всех пассажиров автобуса из него высадили Гольдштейна и еще одного человека — преподавателя Томского университета. Их доставили в Шигарку, где задержанные были обысканы по подозрению в убийстве. Пока изучались их вещи, оба были заперты в КПЗ. Через 1,5 часа их с извинениями освободили и вернули все отобранное. Однако запись на возвращенной магнитофонной кассете оказалась стертой.

* * *

6 апреля Е. Быкова (жена И. Гольдштейна) направила заявление первому заместителю министра внутренних дел Грузии Шадури:

Пять недель тому назад Вы лично заявили мне, что разберетесь в причинах отказа мне в выезде в Израиль и лично сообщите мне о них в течение месяца. Сегодня, 6 апреля 1981 г., Ваш референт отказался записать меня на прием, ссылаясь на Ваше указание направить меня к начальнику ОВИРа МВД ГССР полковнику Орджоникидзе. Я уже сообщала Вам, что Орджоникидзе признает свою некомпетентность в моем деле и ссылается на то, что отказ определяет КГБ, якобы по режимным соображениям. В КГБ же мне заявили, что Комитет госбезопасности не имеет ко мне претензий и вопрос о моем выезде должны решать в МВД. Довожу до Вашего сведения, что:

1. Я уже более 9,5 лет вообще нигде не работаю, а до этого работала рядовым инженером в институте метрологии (ВНИИАСМ) и не имела отношения к каким-либо секретам. Во ВНИИАСМ вообще не поступал из КГБ запрос о том, наложены ли на меня режимные ограничения.

2. Во второй половине восьмидесятого года СССР покинул Лев Элькинд, который до 1975 г. работал во ВНИИАСМ ведущим инже-

нером и был ответственным исполнителем засекреченных тем. Может быть, полковник Орджоникидзе знает, во сколько Элькиндю обошлось разрешение на выезд?

Я требую прекратить издевательства надо мной и моим малолетним сыном и незамедлительно разрешить нам выезд в Израиль.

Это заявление Шадури направил Орджоникидзе, который сказал: "Вы же знаете, что мне ничего не известно. Причина отказа известна в КГБ".

1 мая Быкова написала министру внутренних дел Грузии Гветадзе:

С интересом ознакомилась я с Вашей статьей под названием "Искореня формализм", опубликованной в номере 81 от 7 апреля 1981 года органа ЦК Компартии Грузии, Верховного Совета и Совета Министров Гр. ССР газеты "Заря Востока".

Наконец-то нашелся человек, облеченный большой властью, ... который стал ... "глубже вникать в сущность борьбы с бюрократизмом", "с другими отрицательными проявлениями в повседневной деятельности!". Состояние эйфории вызвало у меня Ваше сообщение о том, что... "улучшен анализ поступающих в Министерство жалоб и заявлений граждан, усилена действенность реагирования на каждый тревожный сигнал".

Я не прошу Вас наказывать Вашего Первого Заместителя генерала Шадури... Возможно, что генерал Шадури не знал о Вашей статье, а также о том, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12.04.1968 г. запрещает направлять жалобы тем, на кого жалуются. Не исключено, впрочем, что в своей статье Вы, в частности, имели в виду и генерала Шадури, утверждая: "Еще низок уровень делопроизводства, отсутствует необходимая культура в работе с жалобами и заявлениями, допускаются факты волокиты, формализма, бездушия. Заявителям нередко даются расплывчатые, туманные ответы, в которых обходится стороной существо поставленного человеком вопроса, просьбы".

Я прошу Вас, гр-н Министр, принять меня и лично ответить на вопрос:

По какой причине и на каком законном основании (если такое имеется) мне девять с половиной лет отказывают в выезде в Израиль?

Надеюсь, Вы не откажете мне в приеме, ибо не станете же Вы противоречить собственному утверждению (цитирую из Вашей статьи): "Уже в течение пяти лет в министерстве в целях улучшения приема граждан и рассмотрения их заявлений установлены так называемые дни "открытых дверей", когда посетители могут беспрепятственно пройти к любому руководящему работнику".

26 мая братья Гольдштейн обратились с жалобой к Генеральному прокурору СССР (копия — в ЦК КПСС):

Мы оба являемся безработными с декабря 1971 г. ... Мы оба — физики по образованию, кандидаты технических наук, научные работники, лишенные возможности заниматься научной работой.

Г. Гольдштейн был в 1978 г. незаконно, без состава преступления, осужден на 1 год... В вину ему вменялось так называемое "тунеядство".

...

...В исполкоме Ленинского р-на г. Тбилиси оформлено, что Г. Гольдштейна якобы приглашали 24 июня и 1 октября 1980 г. и предлагали должность инженера в производственных объединениях "Электровозостроитель" и "Станкостроитель", но он якобы отказался.

6 ноября 1980 г. Г. Гольдштейн подал заявление прокурору Ленинского р-на г. Тбилиси Кавсадзе, в котором, в частности, просил прокурора распорядиться о том, чтобы исполком выдал справку, подтверждающую, что никакие направления на работу Г. Гольдштейну не выдавались.

В письме на имя Г. Гольдштейна от 15 мая 1981 г. ... Кавсадзе пишет, что им была "проведена соответствующая проверка и установлено", что должность инженера была предложена заявителю 24 июня и 1 октября 1980 г.! Видимо для того, чтобы приукрасить явную ложь, прокурор Кавсадзе добавил (цитируем) "...Вы не согласились по той причине, что указанные объединения являются секретными и Вас, в случае надобности, не отпускают за границу, и просили оформить Вас чернорабочим".

Гражданин Ген. Прокурор СССР!

Не разгласил ли прокурор Кавсадзе государственных тайн, написав, что объединения с безобидными названиями являются секретными? Нам, во всяком случае, не было известно, что тбилисские объединения "Электровозостроитель" и "Станкостроитель" производят засекреченную продукцию. Не понятно, о чьей надобности пишет прокурор Кавсадзе. Если имеются в виду братья Гольдштейн, то их просьбы о выезде из СССР уже 10 лет остаются без удовлетворения. Значит, наше трудоустройство не следует связывать с нашей трагедией людей, находящихся на положении заложников.

В письме прокурора Кавсадзе... имеется и правда. Действительно, 10 апреля 1981 г. исполком Ленинского р-на предложил Г. Гольдштейну работу в объединении "Грузавторемонт". Вновь процитируем прокурора Кавсадзе: "Вы заявили, что перечисленные должности не по Вашей специальности и просили оформить на любую работу, т.е. отказались". Уважаемый прокурор сам себе противоречит! Если Г. Гольдштейн просил оформить его на любую работу, то он не отказывался от работы. Перечисленные должности инженера-технолога или конструктора действительно не по специальности физика-теоретика. Интересно, сумел бы сделать выбор прокурор Кавсадзе, если бы его заставляли написать, предпочитает ли он должность акушерки должности зубного врача?

Мы просим Вас, гр-н Ген. Прокурор СССР, распорядиться, чтобы:

1) нам была предоставлена работа в соответствии с 40-й ст. Конституции СССР;

2) прекратить провокации против нас со стороны различных должностных лиц;

3) Г. Гольдштейн был реабилитирован, а виновные в его незаконном осуждении наказаны.

30 июня братья Гольдштейны написали в ПВС СССР, ЦК КПСС и Прокуратуру СССР:

Нам отказывают в разрешении на выезд в Израиль с 1971 г. В качестве основания для отказа сотрудники КГБ ГССР ссылались на комиссионное заключение Всесоюзного НИИ автоматизации средств метрологии (ВНИИАСМ), в котором мы работали до второй половины 1971 г. ...

В декабре 1980 г. ... нам стало известно, что режимные ограничения с нас сняты. Эта информация была подтверждена также тем, что в 1980 г. пределы СССР покинули Лев Элькинд, работавший до 1975 г. во ВНИИАСМ по той же тематике, по которой работали и мы. ...

Источники из КГБ ГССР подтвердили, что режим с нас снят, а отказ в выезде определяет высокая московская инстанция. В октябре 1980 г. майор КГБ Каландадзе... сообщил нам, что ... наше дело о выезде не будет пересмотрено до 1987 г.

...
Просим сообщить нам, какой установленный законом порядок обжалования в суд действий должностных лиц, чтобы мы имели возможность ... возбудить судебный иск против начальника Всесоюзного ОВИРа.

* * *

Софья Абрамовна Баазова (1909 г.р.) – доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки Грузии, главный невропатолог курортов Грузии, член КПСС. Баазова – жена известного грузинско-еврейского писателя Герцля Баазова, погибшего в 1937 г. (Во времена Хрущева Баазов был реабилитирован.) Баазова неоднократно заявляла, что хочет эмигрировать в Израиль. Две ее внучки эмигрировали в 1979 и 1980 гг.

В феврале 1981 г. на жизнь Баазовой было совершено покушение: в подъезде дома, где она живет, ей был нанесен удар по голове ножкой стула, которую вскоре подобрал сын Баазовой (отец эмигрировавших внушек).

В больнице Баазовой наложили на голову 12 швов и констатировали сотрясение мозга.

Следователям уголовного розыска, допросившим Баазову в тот же день в больнице, она сказала, что предмет, которым был нанесен удар, находится у сына. Однако ножку стула взяли в угрозыск лишь через не-

делю и затем заявили, что никаких отпечатков пальцев на ней не обнаружено.

Следователи предъявили Баазовой для опознания около 30 фотографий, на одной из которых она узнала преступника. Им оказался некий Алик Медведев (его отец — подполковник КГБ в отставке, мать — член Верховного суда Грузии) — приятель мужа одной из эмигрировавших внучек.

На Баазову начали оказывать давление, добиваясь, чтобы она отказалась от своих показаний. В этом участвовали как официальные лица (включая прокурора района), так и ее сын, заявивший, что откажется от матери. Однако Баазова от своих показаний не отказалась.

Через несколько дней после опознания Баазова получила официальное сообщение из милиции, в котором говорится, что "дело против А. Медведева в связи с нанесением легкого увечья С.А. Баазовой прекращено из-за недоказанности его вины".

Пока Баазова находилась на постельном режиме, ей время от времени звонили по телефону и угрожали разделаться с ней.

Душанбе

16 апреля 13 немцев, жителей Душанбе, пришли к зданию ЦК КП Таджикистана с просьбой о приеме по поводу ходатайств о выезде на постоянное местожительство в ФРГ. Милиционер, стоявший у входа, объявил, что их примет "товарищ Хасанов". Однако через некоторое время появился наряд милиции, потребовавший немедленно разойтись. Немцы стали объяснять, что ничего противозаконного они не делают. Тогда их насильно затолкали в машины, отвезли в отделение милиции Октябрьского района Душанбе и оставили всех в одной комнате одних. Просидев так минут 30 и видя, что никто ими не занимается, немцы вышли из отделения и снова пошли в ЦК. Их вновь остановили и потребовали вернуться в отделение. Немцев также заверили, что их сейчас же примут представители ЦК и МВД. Немцы заявили, что пока представители не явятся и не примут их, они никуда не пойдут. Тогда их снова затолкали в машины и отвезли назад в отделение, где продержали несколько часов. Иосифа Бергера и Роберта Лозинга позвали для беседы в другую комнату, откуда их насильно отвезли в неизвестном направлении. Позднее выяснилось, что они получили по 10 суток каждый "за мелкое хулиганство" (судья Озеров).

На следующий день оставшиеся 11 человек вновь пришли в ЦК и в приемной оставили коллективную жалобу (копии — в прокуратуры Таджикистана и Душанбе) на действия милиции, где, в частности, спрашивали: "С каких пор обращение в высшие инстанции стало считаться преступлением?"

Арест Марсала

19 июня по постановлению прокуратуры Душанбе арестован немец Артур Михайлович Марсал (Хр. 54), с 1976 г. добывающийся разрешения

на выезд в ФРГ. Дома и на работе у Марсала были проведены обыски, на которых изъяли письма из ФРГ, копии обращений в советские инстанции, записные книжки.

Жене Марсала в прокуратуре сообщили, что он обвиняется в "клеветнических измышлениях в адрес советского государственного и общественного строя".

* * *

30 июня Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 171 "Новые факты преследований граждан немецкой национальности, желающих выехать из СССР". Документ заканчивается словами:

Репрессируя граждан, единственным "преступлением" которых является желание выехать из СССР, власти в очередной раз нарушают основные положения Всеобщей декларации прав человека и демонстрируют нежелание выполнять гуманитарные статьи Заключительного Акта Хельсинкских соглашений.

Эстония

98 немцев (из 23 семей) обратились к Брежневу с открытым письмом, в котором просят помочь получить разрешение на выезд.

4 человека из них ходатайствуют о выезде с 1972 г., 23 человека (из 6 семей) — с 1974 г.

Вильнюс

Пятидесятник Э. Булах голодовку, начатую 7 февраля (Хр. 61), держал до 8 марта. В период голодовки Булаха вызвали в военкомат и отправили оттуда на медкомиссию. Медкомиссия направила его психэкспертизу в ПНД. Булах не пошел, несмотря на несколько повторных вызовов. В военкомате ему сказали, что если его признают здоровым, его будут судить за то, что он не пошел в ПНД; если признают больным — будут лечить.

В МВД Литвы обещали его дело решить, а в ОВИРе сказали, чтобы он оформлял документы на выезд в Израиль. Однако через некоторое время он получил отказ и по американскому вызову, и по израильскому.

Армения

Освободившаяся в марте Сирвард Авакян направила Брежневу заявление:

В свои 28 лет мне, бывшей работнице радиорелейного завода Ехегнадзора, пришлось столкнуться с такими варварскими методами преследований и оскорблений личности, что невольно хотелось бы сравнить все это с деяниями фашистов в годы войны.

...

Без причин увольнения с работы, избиения до крови, без причин тюрьма и дальние этапы в Иркутск, каторжный труд в колонии..., где мне пришлось столкнуться с жестоким обращением администрации, пережив избиения до крови вплоть до потери сознания, без причин месяцами карцеры и голодание, скрывали меня от родных. И все это совершалось людьми, потерявшими человеческий облик, со звериным рвением и тупостью солдафонов исполняющими приказ как можно жестче глумиться надо мной.

Они могли унижить меня физически, но духовно я остаюсь такой, какой я была всегда, непримиримой к беззакониям и человеческой подлости.

И вот после всех этих страшных нечеловеческих переживаний я вынуждена обратиться к Вам с одной единственной *просьбой* лишить меня советского гражданства и дать возможность выехать за границу. Пусть мне будет там плохо без родины, без родных и близких, но и родина может быть ненавистной, когда там царят произвол и бездушие.

Для исполнения этой трудной задачи я не остановлюсь ни перед чем, так как дальнейшее мое проживание в СССР лишено всякого смысла.

Уехали

31 марта из Москвы уехала художница Дина Гроссман (Хр. 61), участница двухнедельной голодовки во время Московской Олимпиады, "походов" московских евреев осенью-зимой 1980-1991 гг. в ПВС СССР, УВИР, Моссовет и Прокуратуру РСФСР (Хр. 60, 61), демонстрации 24 декабря 1980 г. у Библиотеки им. Ленина (Хр. 60).

13 апреля из Москвы уехал Александр Шипов (Хр. 61), участник "походов" и демонстраций.

В этот же день из Москвы уехал участник "походов" Самуил Азарх (Хр. 60).

15 апреля из Москвы уехал актер еврейского самодеятельного театра Игорь Виноградов (Хр. 60), участник голодовки и "походов".

19 мая из Москвы уехала Наталья Храковская, объявившая голодовку на время 26 съезда КПСС (Хр. 61).

В июне из Москвы уехала пятидесятница Галина Ухтомская (Хр. 57).

* * *

Освободившемуся в январе Сергею Солдатову (Хр. 61) предложили покинуть СССР до 1 мая, однако к этому сроку он не успел закончить оформление.

10 мая он приехал на свидание в лагерь, где содержится его сын Александр (Хр. 58). В свидании ему было отказано под предлогом того, что в лагере "праздничный день". На следующий день С. Солдатов сдал свой паспорт, так и не повидавшись с сыном.

18 мая Солдатов уехал.

* * *

В апреле КГБ затребовал ключ от рабочей комнаты Александра Бабенышева (Хр. 60). Многих сотрудников вызывали в спецчасть и предупреждали "об осторожности" по отношению к нему. На этих инструктажах говорилось, в частности, что Бабенышев ездил в Горький к Сахарову и привез оттуда какие-то фотографии.

24 апреля Бабенышева вызвали в РОВД, где сотрудник Строка расспрашивал его, не передумал ли тот уезжать, просил "не озлобляться", говорил, что, вероятно, Бабенышева отпустят.

Через несколько дней Бабенышеву позвонили из ОВИРа и попросили прийти за визой. (Бабенышев ждал разрешения около двух лет. В феврале он получил устный отказ.)

6 мая Бабенышеву поставили срок выезда — до 14 мая. В этот же день у него отключили телефон.

16 мая Бабенышев был задержан на улице двумя штатскими, предъявившими удостоверение уголовного розыска — у него была "подозрительно большая" сумка. Был проведен обыск, в ходе которого у Бабенышева изъяли небольшую часть сборника, посвященного 60-летию А.Д. Сахарова (Бабенышев — один из активных составителей этого сборника). С Бабенышевым была проведена беседа, принимавшая иногда довольно угрожающий характер. До 21 мая (дня рождения Сахарова) за ним велась демонстративная слежка.

19 июня А. Бабенышев и его мать С.Э. Бабенышева (Хр. 56) покинули СССР.

* * *

В конце апреля — начале мая Б.Б. Каратаев (Хр. 57) несколько раз звонил Ю. Гастеву (Хр. 57), напоминая, что тому пора принимать решение об отъезде. (Впервые КГБ предложил Ю. Гастеву эмигрировать в ноябре 1977 г.)

5 мая Каратаев беседовал с Гастевым на Лубянке. Гастеву поставили срок выезда — до конца мая, дальше придется "пенять на себя".

29 мая Гастеву в очередной раз позвонил Каратаев и сообщил, что его ждут до 19.00 в УВИРе. В ответ Гастев осведомился о судьбе своих заявлений Андропову. Каратаев пообещал дать устный ответ. Гастев настаивал на ответе "по всей форме". Каратаев пообещал продолжить этот разговор в понедельник (звонил он в пятницу). В тот же день Гастев подал документы в УВИР.

21 июня, в день истечения срока визы, Гастева долго не допускали до таможенного досмотра, в результате чего он опоздал на самолет.

22 июня Гастев выехал из СССР.

В ТЮРЬМАХ И ЛАГЕРЯХ

Дело Айриякяна

Когда Е. Сиротенко привезла П. Айриякяну, содержащемуся в Пермской тюрьме, передачу, приемщица отказалась принять ее, сославшись на то, что передачи Айриякяну запрещены следователем.

Сиротенко обжаловала этот запрет дежурному прокурору Пермской областной прокуратуры Ширинкину, который сказал, что передачи, свидания и переписку до вынесения приговора может разрешить только следователь. При этом Ширинкин ссылаясь на УПК, но показать соответствующую статью отказался, заявив, что у него нет под рукой кодекса. Соединившись с начальником тюрьмы и выяснив, что дело Айриякяна находится на доследовании у следователя Пермской областной прокуратуры В.И. Соболева, Ширинкин адресовал Сиротенко к нему.

Соболев заявил Сиротенко, что не имеет права разрешать и запрещать передачи — это право начальника тюрьмы. Одновременно он пытался допросить Сиротенко, задав ей вопрос о стоимости продуктов, отправленных в 1979 г. Жилину (его особенно интересовала стоимость бульонных кубиков). Ответ Сиротенко о величине таможенного сбора, уплаченного ею за зарубежную посылку с кубиками, его не удовлетворил, хотя и был им записан. Протокол оформлен не был. Соболев внезапно прервал "беседу" и, несмотря на протест Сиротенко, произвел "досмотр" содержимого ее сумки. Позднее он объяснил, что искал магнитофон.

Вернувшись в тюрьму, Сиротенко сообщила начальнику тюрьмы то, что сказал Соболев. Однако начальник тюрьмы потребовал, чтобы Сиротенко представила ему письменное разрешение Соболева, пообещав в таком случае принять передачу в тот же день.

Соболев же повторил Сиротенко все сказанное им о правах следователя. "Если я разрешу, — добавил он, — Вы скажете, что я мог и запретить". Он обещал в течение недели выяснить причины лишения Айриякяна передач и сообщить Сиротенко. Таким образом, Айриякян третий месяц подряд остается без передачи. (Согласно "Положению о предварительном заключении под стражу" право на лишение передач закреплено за администрацией мест заключения. За нарушение режима может быть применено лишение передачи на 1 месяц.)

* * *

22 мая Сиротенко по телефону сообщили из Пермской областной прокуратуры и из Пермского областного суда, что дело Айриякяна передано в суд.

24 мая Сиротенко направила Генеральному прокурору СССР жалобу "на нарушение сроков содержания под стражей подследственного Айриякяна Паруйра Аршавировича":

...

В 20-х числах декабря 1980 г. следователем были выполнены требования ст. 201 УПК РСФСР, но в этот момент дело было истребовано Вами и по Вашему указанию направлено к доследованию. Санкция на арест Прокуратурой РСФСР была дана 28 января 1981 г. 30 января Пермской прокуратурой дело было направлено в Пермский областной суд. В распорядительном заседании суда от 17 февраля дело было вновь направлено на доследование. Только в начале апреля появилась санкция на арест со сроком до 20 мая 1981 г. Со слов следователя мне известно, что в течение полутора месяцев Айрикян содержался под стражей при отсутствии санкции, только на основании документа о том, что следователем возбуждено ходатайство о продлении срока ареста. 21 мая 1981 г. я была в Перми и в Пермском областном суде мне сообщили, что дело к ним из Прокуратуры не поступало. В канцелярии Прокуратуры секретарь сообщила мне, что постановление об окончании следствия (ст. 201 УПК РСФСР) Айрикяном еще не подписано и что следователь пошел к нему в следственный изолятор. Таким образом, в нарушение ст.ст. 11, 96, 97 УПК РСФСР Айрикян содержится с 21 мая 1981 г. под стражей без законных оснований и подлежит немедленному освобождению. Прошу Вас в срочном порядке проверить настоящую жалобу и принять меры к восстановлению нарушенной законности.

29 мая в суде Сиротенко сообщили, что два дня назад дело забрал следователь; оно числится теперь за прокуратурой и в суде не рассматривалось. 3 или 4 июня из прокуратуры сообщили, что дело поступило к ним, чтобы Айрикян мог дополнительно ознакомиться с его материалами.

4 июня Соболев сообщил адвокату Айрикяна П. Абрикосову (из Москвы), что санкция на арест (продолжение содержания под стражей) в деле имеется.

Дело Овсиенко

Василию Овсиенко (Хр. 52) предъявлено обвинение по ч. 2 ст. 62 УК УССР (= ст. 70 УК РСФСР). Его обвиняют в устной (последнее слово на суде в 1979 г.) и письменной (письмо, написанное в лагере, в ООН об условиях в лагере) "агитации и пропаганде". Его перевезли из лагеря (конец срока у него предстоял 8 февраля 1982 г.) в Житомир. Дело ведет КГБ. Овсиенко участия в следствии не принимает.

Дело Болонкина

20 апреля у Александра Болонкина (Хр. 51) должен был закончиться второй лагерный срок. Однако 10 апреля ему предъявили обвинение по ч. 2 ст. 70 УК РСФСР.

* * *

30 апреля Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 166 "Заключение Александра Болонкина становится бессрочным":

...

Поскольку в условиях лагеря никакая активная, в том числе и "антисоветская", деятельность практически невозможна, предъявление обвинения по ст. 70 УК РСФСР просто абсурдно.

Наказание по ч. 2 ст. 70 УК РСФСР предусмотрено в виде лишения свободы на срок до 10 лет с последующей ссылкой до пяти лет.

Так как Александр Болонкин уже отбывал наказание по ст. 70 УК РСФСР, он неизбежно будет признан особо опасным рецидивистом, что повлечет за собой отбывание наказания в нечеловеческих условиях лагеря особого режима.

После 9-летнего пребывания в лагерях и ссылке здоровье Болонкина окончательно подорвано (хронический гастрит, холецистит, воспаление прямой кишки) и новый длительный срок может стать для него пожизненным.

...

3 мая А. Сахаров опубликовал "Обращение в защиту Александра Болонкина":

...

Я обращаюсь к математикам – коллегам Александра Болонкина в СССР и во всех странах, ко всем ученым, ко всем честным людям. Я обращаюсь к Главам всех Правительств, подписавших Хельсинкский Акт, ко всем государственным и общественным деятелям, деятелям культуры и бизнеса, которые могут иметь влияние на советских руководителей, обращаюсь к Эмнисти Интернейшнл – выступите в защиту Александра Болонкина.

Чистопольская тюрьма

Сюда переведены Ю. Бутченко (Хр. 51-53, 56) и М. Слободян (Хр. 52, 56) из 35 пермского лагеря и М. Маринович (Хр. 56, 60) из 36 пермского лагеря.

В ноябре-декабре 1980 г. М. Казачков и В. Балахонов несколько раз пытались покончить с собой. У Казачкова однажды оборвался ремень, другой раз его вынули из петли надзиратели; когда он порезал себе вены, кровь не пошла. Балахонов в камере вскрыл себе вены, а потом в карцере пытался повеситься на решетке – в обоих случаях его спасли надзиратели.

Казачков получил 3,5 года (Хр.61) – по одной статье – по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР ("злостное хулиганство").

5 мая 1981 г. начальник Чистопольской тюрьмы Р. Галиулин в ответе на запрос Л. Бойцовой сообщил, что ее муж С. Ковалев "привлечен к об-

щественно полезному труду”, но норму не выполняет; 10 февраля он за “нарушение режима содержания” лишен очередного свидания. 20 мая зам. начальника УИТУ МВД ТАССР подполковник Г.М. Виноградов ответил Бойцовой, что январское письмо Ковалева “направлено адресату, а одно письмо, написанное в мае, согласно ПВР ИТУ, 631, п. 5 адресату не направлено, о чем объявлено ему (Ковалеву – Хр.), после чего уничтожено”. Майское письмо Ковалева было пропущено цензурой. С начала года ему были вручены лишь три письма от жены.

Мордовские лагеря

3 лагерь

Начальником лагеря вместо майора А.А. Зиненко стал его зам. по режиму В.В. Павлов. Непосредственное руководство политлагерями (учр. ЖХ-385/3-4 и учр. ЖХ-385/3-5) осуществляет капитан С. Гайниченко (Хр. 58).

* * *

В мужскую политзону (учр. ЖХ-385/3-5) прибыли Д. Мазур (суд – Хр. 60), В. Скуодис (суд – Хр. 60) и А. Янулис (суд – Хр. 60).

В. Осипов получил 9 и 11 суток ШИЗО.

Ю. Бадзьо до сих пор не получил копию приговора, хотя и писал в прокуратуру. Замполит Н.И. Брезгин заявил С. Кириченко (Хр. 60), когда она приехала на свидание с мужем, что Ю. Бадзьо – добросовестный работник, претензий к нему администрация не имела, даже снизили норму на 15% в связи с катарактой, но он не становится на путь исправления: участвовал в забастовке летом 1980 г. (Хр. 57) – за это лишен краткосрочного свидания в декабре 1980 г.; в 1981 г. трижды объявлял трехдневные голодовки: в дни работы 26 съезда, 23-25 марта; тогда же через прокуратуру обратился с письмом к съезду; во вторую годовщину своего ареста – 23-25 апреля, причем написал заявление на имя Брежнева, где называет себя узником совести, употребляет слово “концлагерь” и т.д., в связи с чем письмо, как клеветническое, “конечно, не было отправлено”; третью голодовку Бадзьо держал 10-12 мая. В связи с изложенным начальник колонии принял решение лишить Бадзьо личного свидания (в основном – за письмо Брежневу). Краткосрочное (двучасовое) свидание Кириченко предоставили.

* * *

В начале июня в женскую политзону (учр. ЖХ-285/3-4) прибыла Татьяна Осипова (суд – в этом вып.)

15 мая увезли на Украину на “перевоспитание” Оксану Попович.

В середине июля в зоне было 6 человек – Татьяна Великанова, Татьяна Осипова, Галина Силивончик, Людмила Листвина, Мария Семенова и Александра Хвоткова.

* * *

В апреле Силивончик обратилась с просьбой о помиловании (3 июня 1982 г. кончаются 13 лет ее лагерного срока, ей предстоит еще 5 лет ссылки). 8 июля ей пришел отказ — "По причине тяжести преступления". За 12 лет лагерей сотрудники КГБ несколько раз делали Силивончик предложения о сотрудничестве — всегда безрезультатно.

6 июля написала просьбу о помиловании Листвина — в этот день исполнилась половина ее пятилетнего срока (в Хр. 60 — ошибка). У нее дома очень больны мать и десятилетний сын. Мать не ложится на онкологическую операцию, т.к. не с кем оставить сына.

* * *

5 января в холодной бане (помещение не топили, грели только воду) простудилась Семенова — месяц была в больнице.

С середины февраля в больнице с заболеванием щитовидной железы была Листвина. Там она от соседки по палате заразилась чем-то вроде чесотки. В зоне чесотка усилилась, врача-дерматолога вызвать не удавалось. Сестра сказала, что к дерматологу можно будет попасть через два месяца, и принесла Листвиной серно-ртутную мазь. После того, как Листвина дважды ею помазалась, у нее по всему телу появилась сыпь, температура поднялась до 39. После этого пришел дерматолог, назначил лечение.

* * *

8 июля у Осиповой должно было состояться личное свидание с мужем И. Ковалевым (первое — в лагере). 6 июля в зону приходили Гайниченко и три сотрудника КГБ. Вечером 7 июля дежурная сообщила, что 8 июля в помещении для свиданий начнется ремонт. (За последние 9 месяцев это — третий ремонт. Первый был в октябре 1980 г., перед свиданием Т. Великановой, второй — в феврале, перед свиданием Силивончик). 10 июля Осипова написала жалобу в ГУИТУ и в прокуратуру Мордовских лагерей. Вторую жалобу администрация отправила, первую — нет.

Пермские лагеря

35 лагерь

Сюда прибыли поделщики Г. Ешмантас и П. Печюленис (суд — Хр. 60). В апреле сюда прибыл М. Морозов (суд — Хр. 61).

Здесь отбывает наказание В. Пореш (суд — Хр. 57).

* * *

В октябре 1980 г. А. Щаранского несколько раз посылали расчищать запретную полосу. Он отказывался — его сажали в ШИЗО.

В конце 1980 г. Щаранского назначили ассенизатором. Поскольку работавший на этом месте М. Островский не хотел уходить с него (работа-

ющему на этой должности дается усиленное питание), Щаранский отказался. За отказ от работы его 13 января 1981 г. посадили на 6 месяцев в ПКТ. В феврале Щаранский объявил забастовку, требуя нормализации переписки (с октября 1980 г. ему перестали передавать письма от брата, а от матери передавали примерно одно письмо из десяти), – ему 4 раза подряд дали по 15 суток ШИЗО. Поэтому он написал, что раньше сентября из ПКТ не выйдет (срок пребывания в ШИЗО теперь не засчитывается в срок ПКТ!).

10 марта у Пореша были изъяты Библия, изданная в СССР, молитвы и религиозные открытки, у Щаранского – псалмы, также изданные в СССР.

Щаранский, продолжая забастовку, добавил требование возвратить псалмы.

11 марта Пореш объявил голодовку. Лейтенант Волков заявил, что впредь, если голодающий не будет выходить на работу, его будут наказывать как отказчика. 19 марта Пореш уже не смог выйти на работу – ему дали 15 суток ШИЗО. Пореш продолжал голодовку – Ю. Бутченко, Стурманис и Богачев объявили забастовку, требуя спасти Порешу жизнь. В ответ Бутченко дали 15, а Стурманису и Богачеву по 5 суток ШИЗО. Выйдя из ШИЗО, Стурманис и Богачев продолжали забастовку. 1 апреля Пореша впервые принудительно покормили (при этом надзиратель В.Борматов выбил ему зуб). Безрезультатная голодовка Пореша продолжалась 70 суток.

После ШИЗО Бутченко был на 2 месяца посажен в ПКТ. Оттуда его до конца срока (в 1975 г. он за попытку бегства за границу получил по ст. 64 УК РСФСР 8 лет лагерей строгого режима) перевели в Чистопольскую тюрьму.

В знак протеста против приговора Морозов два раза вскрывал себе вены. В апреле он объявил сухую голодовку. В июне Морозов, добиваясь перевода на более легкую работу, 7 дней держал сухую голодовку.

* * *

Начальником лагеря сейчас является Чайка (Хр. 51, 52).

36 лагерь (особый режим)

Сюда прибыл М. Никлус (суд – Хр. 61). Он очень болен.

Б. Гаяускас жалуется на боль в глазах, он не выносит яркого света.

В. Стус чувствует себя плохо. До сих пор болят плечевые суставы – на допрос Стуса "носили" в наручниках, т.к. добровольно он идти отказывался. Перед этапом из Киева у Стуса конфисковали около 150 стихотворений и конспекты книг. В лагере у него отбирают все стихотворные наброски, т.к. там содержатся "клеветнические измышления".

А. Мурженко перевели в барак (Хр. 57). Вместе с ним живут А. Бердник, И. Гель, Б. Ребрик и 9 "военных преступников". Мурженко очень худ, на щеках чернота, чувствует себя плохо.

В мае Ребрика этапировали в ссылку (см. "В ссылке").

* * *

Начальник зоны особого режима — майор Федоров.

36 лагерь (строгий режим)

4 июня сюда прибыл А. Шевченко (суд — Хр. 60), 14 июня — Г. Алту-
нян (суд — в этом вып.).

В июне Ю. Федорова перевели обратно в 36 лагерь (Хр. 61). Перед этим он проходил обследование в медчасти следственного изолятора в Перми. Врачи признали его совершенно здоровым и трудоспособным. (До этого Федорову диагностировали хронический нефрит, холецистит, бронхит и полиартрит). Он перестал получать диетическое питание. В 36 зоне у него заболели желчный пузырь, почки и легкие. По вечерам температура $38,4^{\circ}$ — $38,6^{\circ}$. В письме матери Ю. Федоров пишет, что за последние три месяца он очень сдал: "Если и узнаешь, то не сразу".

В марте сотрудник Московского УКГБ О.П. Новиков (Хр. 57) допро-
сил А. Терляцкаса. Он сказал, что допрашивает Терляцкаса по делу И.Ко-
валева и Ю. Шихановича, объяснив, что на обыске у А. Лавута была изъя-
та "Хроника" № 55 с пометками, сделанными рукой Шихановича, и что
тот, по сведениям КГБ, отредактировал текст коллективного письма
о сороковой годовщине советско-германского договора (Хр. 54). Под-
тверждения последнего Новиков добивался от Терляцкаса. Терляцкас
заявил, что мало знаком с обоими и никогда не вел с ними разговоров на
политические темы. Новиков сказал Терляцкасу, что КГБ зол на Шиха-
новича, который давал в свое время обещания (Хр. 30), а теперь их не
держит.

А. Огородников добивается, чтобы ему вернули Библию, разрешили
подписаться на "Журнал Московской патриархии", разрешили, чтобы его
посетил священник, и разрешили заочно обучаться в какой-нибудь духов-
ной семинарии или академии. 16 марта он объявил голодовку, требуя воз-
вращения отобранной на этапе Библии. Принудительно кормить его нача-
ли только 19 апреля, второй раз его кормили 24 апреля. Огородникову
разрешили зарегистрировать брак с его фактической женой Еленой Ле-
вашовой; свидания после регистрации брака им не дали.

В. Некипелов страдает мигренями. У него пониженное артериальное
давление (80/60).

37 лагерь

Сюда прибыли Г. Якунин (суд — Хр. 58), В. Шевченко (суд — Хр. 60),
П. Бузас (суд — Хр. 60), А. Зинченко (суд — Хр. 61) и В. Читанова (суд —
Хр. 61). В начале июня сюда прибыл А. Корягин (суд — в этом вып.).

Сюда переведен В. Свердлов (Хр. 57).

Незадолго до прибытия Якунина в лагере изъяли все Библии. По при-
бытию изъяли Библию и у Якунина.

26 марта П.С. Федорова приехала на общее свидание к сыну. В лаге-
ре ей сказали, что Ю. Федоров уже 3 месяца находится в больнице (на са-
мом деле он только 10 марта прибыл в 37 лагерь). На следующий день

П.С. Федорова отправилась во Всесвятскую, где находится лагерная больница. Там ей в свидании отказали, сославшись на отсутствие соответствующего помещения, и посоветовали вернуться в лагерь и ожидать там, когда сына выпишут из больницы. Передачу, в которую входили различные продукты, табак, очки и трубка, приняли. Позднее П.С. Федорова узнала, что Ю. Федорова перевели в больницу 26 марта, после получения телеграммы от нее о выезде на свидание; 27 марта ему были переданы лишь очки и трубка. (См. также "36 лагерь".)

За время пребывания в ПКТ Ю. Орлов 40 суток провел в ШИЗО – 30 суток в ноябре-декабре 1980 г. (Хр. 60) и 10 суток в январе (за голодовку протеста против того, что ему не отдают письма). Поэтому выпустили его из ПКТ только 24 марта. У Орлова конфисковали личные записи.

4 мая Ю. Орлов, Г. Якунин, Ю. Федоров, М. Карпенюк (Хр. 56), Кузнецов, Белов, Лукьянович, Ивлюшкин, Читанова, Юрьев и, по-видимому, еще 2 человека держали голодовку, протестуя против невыполнения Советским Союзом гуманитарных статей Хельсинкского акта и требуя признать в СССР статус политзаключенного.

В других тюрьмах и лагерях

6 июня А. Лавут (суд – Хр. 60) прибыл в лагерь: 682731, Хабаровский край, Солнечный р-н, пос. Мавринск, учр. ЯБ-257/16. 4 июля (суббота) начальник цеха, в котором работал Лавут, сказал Лавуту, чтобы в понедельник он выходил на работу к 20 часам. Утром 6 июля Лавуту зачитали постановление о лишении его за невыход на работу "личного" свидания. Случайно проходивший в этот момент начальник цеха подтвердил сделанное им в субботу распоряжение, однако результата это не возымело.

Когда Л. Терновский (суд – Хр. 60) находился в Москве (Хр. 61), его с обострением радикулита помещали в тюремную больницу. 22 мая он прибыл в лагерь: 445023, Куйбышевская обл., г. Тольятти, учр. УР-65/8.

Я. Станелите (суд – Хр. 60) отбывает наказание по адресу: 622020, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, учр. УЩ-349/6-1а.

А. Мясников (суд – Хр. 61) отбывает наказание в Свердловской обл., в учр. УЩ-349/47.

13 июня А. Магидовича (суд – Хр. 61) этапировали из лагеря (Архангельская обл., г. Вельск, учр. УГ-42/14) в тюремную больницу в Архангельске (учр. УГ-42/1-3); 15 июня его поместили на исследование в туберкулезный корпус (Магидовича мучает кашель, особенно ночью; у него резкие непрекращающиеся боли в правой части таза, иногда – во всей правой ноге; общая слабость). На этапе его ограбили. Магидович пишет, что примерно 90% его сокамерников

это люди, которые не случайно оказались за колючей проволокой... они не смогут длительно жить на свободе и по выходе из заключения вновь очень скоро окажутся за решеткой... тяжело людям, ко-

которые случайно или в результате судебной или иной ошибки оказались в таких зонах... особенно тем, кому уже за 35-45. Поведение указанной публики не укладывается ни в какие современные этические нормы. Они и здесь нередко кичатся своей грубостью и хулиганскими действиями. Но с ними в зоне ведется бескомпромиссная борьба со стороны оперативных работников. Она была бы еще более успешной, если бы все те, кто подвергся нападению со стороны "борзых", не боялись их...

В. Гандзюк отбывает наказание по адресу: 349140, Ворошиловградская обл., Перевальск, 3, учр. УЛ-314/15. Он был арестован 13 января (Хр. 61) и по ч. 2 ст. 206 УК УССР ("злостное хулиганство") приговорен к 3 годам строгого режима. По его словам, его преступление состояло в том, что он "хулиганил вилкой, из тарелки нанизывая на вилку котлету".

* * *

Перед отправкой К. Подрабиника (суд – Хр. 61) из тюрьмы (Липецкая обл., г. Елец, учр. ЮУ-323/СТ-2) в лагерь оперативный работник предложил ему показать написанные им стихи. Кирилл потребовал, чтобы стихи проверялись в его присутствии, но оперативник схватил стихи и унес. В виде протеста Кирилл перерезал себе вены. Прибывшие медработники остановили сильное кровотечение, после этого оперативник вернул Кириллу стихи.

На этапе, в "столяпинском" вагоне, зам. начальника конвоя отказался отвести К. Подрабиника в туалет. На протест Кирилла он ответил угрозой: "Пойдем – покажу тебе туалет!" Отведя Кирилла в тамбур, он замахнулся, но Кирилл опередил его и ударом в челюсть послал в нокдаун. Начальник конвоя подал рапорт о "необоснованном нападении на конвой" – рапорт приобщили к личному делу К. Подрабиника.

Сначала К. Подрабинец отбывал наказание в г. Усмань Липецкой обл. (учр. 323/1-Б). Его, несмотря на туберкулез, поставили учеником токаря. На свидании он жаловался на ухудшение самочувствия (потливость, слабость). В конце апреля К. Подрабиника отправили в новый лагерь.

В пересыльной тюрьме г. Саратова Кирилл при помещении в бокс получил пинок ногой от конвойного. Возмущенный, он вырвался в коридор. Другой конвойный ударил Кирилла по лицу – Кирилл ответил таким же ударом и потребовал начальника конвоя. Пришедший сержант сразу же ударил Кирилла – Кирилл ответил тем же. Подбежали несколько конвойных и стали избивать Кирилла. Избиение прекратилось только, когда пришел дежурный офицер майор Цаплин. Кирилл потребовал врача, но пришла медсестра, "не заметившая побоев". Цаплин заявил Кириллу, что его больше не тронут, но составить протокол о происшедшем отказался. При отправке этапа из Саратова в личное дело К. Подрабиника был добавлен рапорт о "нападении на солдат в стенах тюрьмы". Заявления К. Подрабиника в Прокуратуру СССР были задержаны.

К. Подрабинец отбывает наказание по адресу: Ульяновская обл., г. Новоульяновск, учр. ЮИ-78/2.

4 мая отец Кирилла П.А. Подрабинек направил в медуправление МВД СССР письмо:

В начале с.г. мной было направлено в медуправление МВД письмо, в котором я сообщал о плохом состоянии здоровья сына, Подрабиника Кирилла Пинхосовича, страдающего туберкулезом легких. Заболевание было обретоено им в тюрьме, диагностировано с опозданием более чем на год, лечение проводилось недостаточно и эпизодически, заболевание прогрессирует.

Медуправление сделало необходимый запрос, и я получил из УВД г. Липецка следующее письмо:

На Ваше письмо, полученное медотделом 11 марта 1981 г., сообщаем: Ваш сын Подрабинек К.П. в настоящее время находится в туберкулезном отделении больницы УИТУ, где получает необходимое лечение.

Подпись: начальник медотдела УВД
Липецкого облисполкома – Н.С. Попов.

16-17 апреля у меня состоялось свидание с сыном, из которого я узнал, что, вопреки утверждению Н.С. Попова он, сын, не находится и не находился в 1981 году в больнице, а лечился амбулаторно, продолжая работать. Это подтвердила и телеграмма из учреждения 104-323/1-2, где находится сын:

Вашему сыну лечение проводится амбулаторно. Стационарировании не нуждается. Усмань. Начальник медчасти – Петухов.

Я не фтизиатр, но врач с 20-летним терапевтическим стажем, кандидат меднаук...

Прошу:

1. Разобраться и объяснить мне, кто явился инициатором лживой информации о нахождении сына в туботделении больницы и какова была цель этой дезинформации.

2. Разъяснить мне, по каким симптомокомплексам осуществляется стационарирование больных туберкулезом в системе ГУИТУ – соответственно приказу Минздрава СССР за № 689 от 3.9.73 г. или другим указаниям.

3. Почему Подрабинек К.П. "не нуждается" в стационарировании при очевидной необходимости в нем?

(Копии этого заявления П. Подрабинек направил Попову и Петухову.)

29 мая П.А. Подрабинек обратился с письмом к "Международной Амнистии", "Международному Красному Кресту", "Комитету защиты братьев Подрабинеков" и Московской группе "Хельсинки". Рассказав в письме о положении Кирилла, он заканчивает письмо так:

Таким образом, естественная реакция моего сына на попытки его унижить и на незаконное рукоприкладство может повлечь за со-

бой предъявление нового обвинения, которое повлечет увеличение и без того непосильного для Кирилла срока лишения свободы.

Еще на свидании в Усмани я убедился, что мой сын тяжело болен. Заболевание легких прогрессирует. Я врач и могу об этом судить объективно. Смехотворно выглядит официальный ответ медсануправления МВД на мой запрос: "... Вашему сыну проводится противорецидивное лечение, он находится под динамическим наблюдением, ... состояние его улучшается".

И неправда, и безграмотно! Противорецидивное лечение должно проводиться п о с л е выздоровления, после полного курса активного лечения, которого Кирилл так и не получил. Мой сын нуждается не в амбулаторном, а в стационарном непрерывном лечении до полного прекращения активного процесса.

Надеюсь, Вы примете все возможные меры для сохранения жизни моего сына.

1 июня Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 168 "Новые преследования Кирилла Подрабиника в местах лишения свободы":

...

Мы принципиально против насильственных методов сопротивления беззаконию, но ответные действия Кирилла Подрабиника на попытки представителей администрации унизить его человеческое достоинство и на физическое насилие были неизбежны, ибо в его распоряжении не было иных средств самозащиты.

События, изложенные в письме П.А. Подрабиника, вызывают тревогу за дальнейшую судьбу Кирилла Подрабиника. Всякое ужесточение наказания, и так непосильного для него, может привести к его гибели.

Этот документ и письмо П. Подрабиника от 29 мая Московская группа "Хельсинки" направила в ГУИТУ МВД СССР

для принятия мер по расследованию и пресечению незаконных действий представителей администрации Саратовской пересыльной тюрьмы и конвойной службы на участке Усмань – Ульяновск.

* * *

А. Подрабинек (Хр. 61) получил 15 суток ШИЗО и сразу после этого 6 месяцев ПКТ. Он наказан за отказ ходить по зоне строем. В мае его лишили ларька. А. Подрабиника мучают боли в желудке.

В марте Вяч. Бахмина (Хр. 61) этапировали самолетом в Москву (см. "Суд над Осиповой"). Не позднее 6 апреля его этапировали обратно, в тот же лагерь. По возвращении в лагерь его сначала поставили кладовщиком, затем перевели в разнорабочие.

Весной С. Горбачев (Хр. 61) работал санитаром. У него хронический холецистит и гастрит; он получал диетическое питание. Весной, в связи со слабым зрением, он прошел курс общеукрепляющего лечения.

Администрация лагеря представила И. Дядькина (Хр. 61) на условно-досрочное освобождение с обязательным привлечением к труду, однако 11 июня, за неделю до суда, Дядькина перевели в другой лагерь: Тюменская обл., учр. ЯЦ-34/2.

28 апреля оперработники лагеря майор Тумаков и капитан Терешков изъяли у Черновола (Хр. 60) приговор, ассационную жалобу, составленную адвокатом, запись выступления адвоката на суде и жалобу самого Черновола в Верховный суд ЯАССР.

* * *

В начале февраля Р. Джемилев (Хр. 56) представил зам. начальника лагеря капитану О.Я. Белобородову "для ознакомления" письмо, адресованное семье: пусть Белобородов, если найдет в письме что-нибудь подозрительное, вычеркнет это, а письмо отправит. Белобородов заявил, что письмо — клеветническое, и объявил Джемилеву выговор. Джемилев отказался расписаться в том, что ознакомился с постановлением о выговоре. Тогда было приготовлено постановление о водворении Джемилева в ШИЗО — это постановление было вложено в его личное дело "до подходящего случая". Начальник оперативной части майор Сушенцев сказал Джемилеву, что если он напишет еще раз подобное письмо, то его "сгноят" — писать надлежит лишь о хорошем самочувствии.

В конце февраля в каптерке, где Джемилев работает разнорабочим, обнаружили мешочек с чаем и 1,5 кг картофеля. После этого Джемилева, отрицавшего, что найденное принадлежит ему, лишили ларька и очередной посылки.

Начальник отряда капитан С.Д. Фомин по-прежнему (Хр. 60) инспирирует у сокамерников Джемилева чувства национальной неприязни к нему и поощряет доносы на него.

Джемилев, перенесший операцию по поводу язвы 12-перстной кишки, является инвалидом 3-й группы (послеоперационная грыжа, хронический холецистит). Он страдает постоянными голодными болями и нуждается в диетическом питании, однако добиться его получения не может. Прием каждые 1,5 — 2 часа небольших порций пищи (хлеба, сбереженного из собственной пайки) облегчает боли, однако за откладывание хлеба Джемилева однажды подняли после отбоя с постели и, приведя на вахту, угрожали ШИЗО.

* * *

После месячного этапа из Еревана, во время которого у Э. Арутюняна (Хр. 57) было кровотечение из почек или мочевого пузыря, его поместили в санчасть. Через неделю начальник лагеря Н. Гутник за отказ Арутюняна идти в новый этап поместил его в ШИЗО. Затем его отправили в Кызыл, оттуда через несколько дней — в Красноярскую больницу, из больницы через месяц — снова в В. Тугушу, в апреле — снова в Красноярскую больницу. По прибытии в больницу он весил 54 кг (потерял 31,5 кг). У него гепатохолецистит, высокое давление, рак кожи.

Р. Спалинь (его арестовали 13 августа 1978 г. – Хр. 51; в июне 1979 г. его по ч. 2 ст. 92 УК РСФСР – “Хищение государственного ... имущества, совершенное путем присвоения...”, ст. 162 УК РСФСР – “Занятие запрещенным промыслом” и ст. 190-1 УК РСФСР приговорили к 7 годам лагерей общего режима – в Хр. 54 ошибка) отбывает наказание в Архангельской области: г. Вельск, учр. УГ-42/14. В лагере Спалинь заболел эпилепсией (Хр. 57), у него гипертония. За невыход на работу по субботам (Спалинь – адвентист) Спалиня систематически сажают в ШИЗО. 7 февраля, во время пребывания в ШИЗО, у Спалиня случился приступ эпилепсии. Его на носилках доставили в санчасть. С 7 по 9 февраля он был без сознания. После этого у него появились сильные головные боли. Администрация лагеря отвечает жене Спалиня, что состояние его здоровья удовлетворительное, но он по неуважительной причине не выходит на работу в субботние дни, за что его наказывают.

* * *

21 июля 1980 г. Сирвард Авакян (суд – Хр. 56) прибыла в лагерь: Иркутская обл., учр. УК-272/11.

23 июля Авакян была избита начальницей отряда Г.П. Фрицук и заключенными, которыми командовали заместитель начальника лагеря по режиму Н.Н. Уварова и ее муж. После этого ее посадили в ШИЗО на 7 суток, где не кормили даже по нормам ШИЗО.

11 августа Авакян избили в цехе. Она обратилась к начальнику лагеря Я.А. Жовтько, однако после этого издеваться над Авакян стали еще больше. Уварова заявила заключенным: “Если Авакян именем закона будет требовать что-нибудь, бейте ее как попало – я буду отвечать”.

12 августа Авакян затащили в ШИЗО, где ее избили сначала сожительница Уваровой заключенная А. Башкевич, а затем заместитель начальника охраны лагеря Сорокапуть, дежурный помощник начальника лагеря В. Пузин и Уваров.

14 августа Авакян посадили в ШИЗО на 7 суток, где ее избила Башкевич. Уварова при этом заявила: “Ты должна умереть здесь”.

25 августа начальник санчасти Г.З. Даглаев назначил Авакян лечение.

30 августа Авакян затащили в ШИЗО, где дежурный помощник начальника лагеря Яковенко, капитан Ю.А. Козленко и еще 3-4 человека избили ее ногами.

3 сентября у Авакян украли простыни и сапоги, после чего Яковенко заставил ее ночевать в сушилке на стульях.

5 сентября Авакян выдали телогрейку (остальным заключенным выдали еще в июле).

6 сентября Козленко не выпустил Авакян на работу, после чего заявил, что она от работы отказалась. Днем в бараке появилась Уварова в сопровождении нескольких мужчин, которым она сказала: “Заберите ее в мужскую зону – она вам пригодится”. В столовой Авакян по распоряжению Уваровой и Фрицук не дали есть (Авакян числилась в списке бригады, работавшей за зоной, обед этой бригаде выдавался на рабочем месте).

14 сентября по распоряжению Уваровой Авакян дали есть только вечером.

16 сентября после дневной смены по указанию Уваровой Авакян отправили на ночь во вторую смену. Часа в три ночи она почувствовала себя плохо и по разрешению мастера ее отвели в отряд. С 17 по 18 сентября Авакян снова работала две смены подряд. 17 сентября ее избил Уваров.

25 октября у Авакян украли платье. Когда она начала требовать его назад, пьяная Фрицук набросилась на Авакян и стала ее душить.

С 1 по 13 ноября Авакян по состоянию здоровья не выходила на работу. Ее отказались кормить. Еду тайком приносили заключенные. 6 ноября Авакян обратилась к Пузину с жалобой на то, что ей не дают еды, но тот ее избил, сказав, что "кормить не надо".

14 ноября Авакян направили на работу в столовую. Заведующая столовой сказала: "Ты – журналистка, будешь писать о нас как мы живем и как мы питаемся". После этого Яковенко и старшая повариха избили ее и прогнали из столовой.

17 ноября Уварова сказала Авакян: "Шпион, бичевка, антисоветский элемент, тунейдка, завтра встретимся в ШИЗО". В ночь с 17 на 18 ноября Авакян посадили в ШИЗО (до конца месяца), где ее избила старший контролер (надсмотрщица) Л. Ципляева. Камера была в крови.

20 ноября Авакян избила заключенная, а Яковенко наблюдал в "волчок". Когда Авакян стало плохо, Яковенко вызвал врача. Врач сделал укол в руку, на которой стоял Яковенко.

30 ноября ночью Авакян перевели в ПКТ на 3 месяца.

13 декабря в ПКТ появился прокурор по надзору, но выслушать Авакян отказался.

5 и 13 января 1981 г. Авакян снова избили.

14 января Авакян на 2 часа надели наручники. Пузин давил на них, а контролер Л. Соколовская в это время избивала ее ногами.

28 января Авакян вывели на работу, где ее избили заключенные.

29 января Авакян посадили в одиночку и на работу до конца срока ПКТ больше не выводили.

2 марта, выйдя в зону, Авакян обнаружила, что ее одежда разорвана.

3 марта Авакян отказались кормить.

6 марта Авакян посадили в ШИЗО, где она пробыла до конца срока наказания – до 10 марта.

17 марта Рафаэль Оганян (Хр. 56) послал заявление министру МВД СССР Н.А. Щелокову (копия – начальнику УИТУ Иркутского облисполкома Беляеву). Описав издевательства, которым подвергалась в лагере С. Авакян, он заканчивает:

Я спрашиваю Вас.

Чем отличаются такие люди от фашистов?

Чем отличается такой лагерь от фашистского концлагеря?

Вызывает законное подозрение поведение должностных лиц.

Я могу сказать откровенно, что "замполит" Уварова – член фашистской разведки, и она умышленно хочет подготовить врагов против Советского Государства, против Ленинской партии.

...
Сирвард Авакян — честная комсомолка, работала на военном заводе, боролась против антисоветчины, против хищения, против воровки и не пропускала брак, испытывала детали для военной цели. И вот Сирвард Авакян по комсомольской наивности, за интересы государства попала в тюрьму и гнусно преследуется врагами Советского Государства.

* * *

Александр Максимов (Хр. 55, 56) отбывает наказание в Днепропетровской области: г. Желтые Воды, учр. ЯЭ-308/26. 4 апреля 1980 г. его по ст. 196 УК УССР ("Нарушение паспортных правил") и ст. 214 УК УССР ("тунеядство") приговорили к 1 году 6 месяцам лагерей общего режима.

В марте А. Стасевича (Хр. 56) перевели во Владимирскую тюрьму. Его часто помещают в карцер.

Письма и заявления политзаключенных

Ю. Бадзьо. *В ЦК КПСС, делегатам 26 съезда КПСС* (22 февраля 1981 г.)

Непреодоленное колониальное наследие досоциалистической Украины; постоянное, подкрепляемое целеустремленной практической политикой ассимиляционно-идеологическое давление на национальное сознание народа, давление, осуществляемое в форме идеи сближения и слияния наций и так называемой интернационализации советской общественной жизни, т.н. проповедь национального нигилизма и исторического пессимизма, являющаяся мощным средством национального угнетения нерусских народов СССР; откровенно ассимиляционный характер программы КПСС в области национальных отношений; программы, которая фактически лишает нерусские народы страны права на собственное этническое будущее; всеобъемлющая, в интересах великодержавного шовинизма, фальсификация истории Украины, отсекающая от украинской истории ее раннефеодальный период и эпоху Киевской Руси (концепция так называемой "древнерусской народности", "единого русского народа киевских времен"), отрицающая право украинцев на независимое — от России — историческое существование (доктрина воссоединения Украины и Белоруссии с Россией, означающая, по сути, теоретическое отрицание украинцев и белорусов как отдельных этносов), идеологически и морально дискредитирующая идею отдельного, независимого украинского государства (что является прямым нарушением Конституций УССР и СССР), а методологически означающая полное растворение украинской политической истории в русском историческом процессе; отсутствие собственной национально-политической жизни в украинском обществе как выражение фиктивности государственного суверенитета

Украинской ССР; насильственное превращение украинской национально-культурной и духовной атмосферы в провинциальный придаток русской общественной жизни и фактическое превращение русского языка, особенно с середины 70-х годов, в основной язык украинского общества; жестокое подавление украинского возрожденческого патриотизма, суровое преследование людей за малейшее проявление недовольства национальным положением народа, преследование, имеющее целью лишить нацию полноценной собственной интеллигенции, — такова трагическая действительность современной истории украинского народа, таков преступный итог проводимой КПСС политики централизма и великодержавного шовинизма, политики, возможной в условиях диктатуры партии, ее идеологического и политического абсолютизма.

По случаю 26 съезда КПСС объявляю трехдневную голодовку протеста против диктатуры КПСС, против нарушения в СССР прав человека и права наций на самоопределение, против партийной политики великодержавного шовинизма, которая в последнее десятилетие имеет особенно ярко выраженный антиукраинский характер.

Начало голодовки — 23 февраля с.г.

Ю. Бадзьо. *Генеральному секретарю Французской компартии Ж. Марше*
(15 апреля 1981 г.)

В марксистской научной теории социализма принцип демократии никогда не означал отрицания политических свобод, завоеванных буржуазной цивилизацией, и соответственных способов контроля общества за деятельностью органов власти, участия граждан в управлении страной, в формировании государственной политики, таких демократических форм человеческого общежития, как свобода слова, печати, оппозиционных объединений и манифестаций, гарантированная законом независимость прессы от политической власти, свобода критики государственной политики и т.д. Наоборот, победившая пролетарская революция, в соответствии с теорией, должна была расширить возможности свободомыслия, самовыражения и самостоятельности граждан, сделать индивидуальную свободу реальностью для всех. Однако КПСС, ведя пропаганду против буржуазной демократии, не просто говорит о неравных социально-экономических возможностях пользования политическими свободами, провозглашенными в демократических буржуазных обществах, — она стремится дискредитировать самые принципы демократии, как будто бы чужие социалистическому народу. Взамен утверждается и защищается абсолютная монополия КП на политическую власть. Юридическим выражением такой позиции является конституционное закрепление руководящей роли КПСС в советском обществе. Правовая практика конкретизирует содержание идеологической доктрины. Мне, например, в судебном приговоре прямо инкриминировано восхваление буржуазного спо-

соба жизни, т.е. защита обычных для демократического буржуазного общества норм правопорядка в условиях политической свободы, которые дают возможность трудящимся капиталистических стран, в том числе и рабочему классу, не только выражать свои интересы, но и организованно защищать их, создавать свои политические партии и легально бороться за политическую власть в обществе.

По случаю президентских выборов во Франции и в связи с Вашим участием в них как кандидата на пост президента от Французской КП, объявляю трехдневную голодовку с целью привлечь внимание коммунистов, рабочих Франции, всего французского общества к отсутствию политической свободы в Советском Союзе, к нарушению прав человека и права наций на самоопределение, к жестокому преследованию людей за критику партийной политики, особенно за критику великодержавной политики русификации, к тотальному подрыву исторической и национально-политической субъективности нерусских народов СССР.

Начало голодовки — 16 апреля с.г.

Ю. Бадзьо. *Председателю Президиума Верховного Совета СССР гражданину Брежневу Л.И.* (22 апреля 1981 г.)

62-я статья УК УССР и аналогичные ей статьи других республик Союза, предполагая уголовное наказание людей за так называемую антисоветскую агитацию и пропаганду, своей неконкретностью, неопределенностью дают возможность репрессивным органам власти преследовать граждан за малейшую критику политического и идеологического характера, тем самым перечеркивая официально декларируемые гражданские права — свободу слова, мнений, печати, объединений, манифестаций и т.д. — и превращая институты власти в бесконтрольно господствующую над обществом силу. Конституция СССР, ограничивая демократические права советских граждан интересами коммунистического строительства, в принципе ликвидирует политическую свободу, особенно если принять во внимание конституционную статью о руководящей роли КП в советском обществе; тем самым она противоречит соответствующим нормам международного права, исторической логике становления человеческой свободы.

И все же я доказываю свою полную юридическую невинность, отсутствие состава преступления в инкриминированных мне текстах и действиях на основании советских законов.

...

Центральной идеей моей социальной и общественно-политической концепции является отрицание руководящей роли КП как принципа, несовместимого с демократической организацией общества. Такая позиция, даже если презреть право на свободу мысли, научных исследований, не может быть основанием для юридического преследования, т.е. уголовный кодекс говорит не о поли-

тической власти вообще, тем более не о партийной власти, а о Советской власти, т.е. власти Советов народных депутатов как выборных органов всего общества, как олицетворения власти народа (ст. 2 Конституции СССР). Если Конституция СССР все же закрепляет руководящий статус коммунистов в советском обществе, то это лишь означает, что ст. 6 Конституции СССР принципиально противоречит статье 2, которая определяет содержание советского народовластия и должна быть единственным критерием при толковании ст. 62 УК УССР.

...

По случаю второй годовщины моего ареста объявляю трехдневную голодовку протеста против незаконного осуждения меня, против национального угнетения украинского народа, против партийно-государственной политики великодержавного шовинизма, против нарушения в СССР прав человека и права наций на самоопределение.

Начало голодовки — 25 апреля с.г.

(За это письмо Бадзьо был лишен личного свидания. Письмо адресату не передано; как клеветническое, оно задержано администрацией лагеря.)

В. Осипов. *В защиту "Международной Амнистии" и узников совести* (март 1981 г.)

Центральная советская пресса продолжает свое массированное наступление на независимую международную организацию, выступающую за освобождение узников совести во всем мире, включая, разумеется, и коммунистов. В 1973 году эта организация была представлена на Московском всемирном конгрессе миролюбивых сил, а ее бывший глава Шон Макбрайд стал лауреатом Международной ленинской премии. Неоднократные за истекшее полугодие публикации газеты "Известия" о "Международной Амнистии" преследуют явную цель дискредитировать эту организацию — очевидно, в отместку за то, что она, продолжая отстаивать свою моральную независимость от любых политических давлений, отстаивает ее и от давления со стороны СССР. Для меня, заключенного, очевидно также, что террор КГБ против инакомыслия в СССР развернулся во всем своем диапазоне: от психологического — в лагере до идеологического — в прессе.

...

Весь мой опыт свидетельствует о том, что против ПРОИЗВОЛА бесполезны все слова, любой праведный и героический пафос оказываются перед ним посрамленными, потому что, кроме страха, ЕМУ неведомы никакие человеческие эмоции. Только устрашающее действие может обуздать ПРОИЗВОЛ.

Вот почему в затронутом здесь конкретном аспекте я предлагаю объявить бойкот газете "Известия". Я предлагаю не покупать

эту газету ни в одной стране, не подписываться на нее и не ссылаться на ее публикации ни в каких выступлениях. Пусть частная, общественная и политическая жизнь в мире идет так, как если бы этой газеты вовсе не было. И пусть это продолжается до тех пор, покуда клеветники не заявят очевидного для всех и недвусмысленного раскаяния.

К моему призыву бойкотировать газету "Известия" присоединяют свои голоса находящиеся в заключении представители украинского правозащитного движения Юрий Бадзьо, Николай Руденко, Николай Крайник и Дмитрий Мазур, а также представители литовского правозащитного движения Витаутас Скуодис и Анастас Янулис.

Н. Погиба. *Открытое письмо.*

Николай Трофимович Погиба (1936 г.р.), приговоренный в Киеве в 1979 г. по ч. 2 ст. 206 УК УССР ("злостное хулиганство") к 5 годам заключения (адрес лагеря: Киевская обл., ст. Буча, учр. ЮА-45/85), направил письмо в "Украинскую правозащитную группу" (копия — "Комитету защиты прав и свобод при ООН").

Находясь на самой низкой ступени советской общественной лестницы, будучи рабочим, я прямо и непосредственно на себе ощутил тяжесть экономического, социально-политического и национального гнета. И, конечно, я не мог не задумываться и не искать причин этого гнета.

...

...основным эксплуататором в СССР является государство и обслуживающий его класс государственно-партийной буржуазии ... я пришел к убеждению, что в нашей стране существует общество государственного капитализма с тоталитарной формой политической власти.

В 1975 г. Погиба был приговорен Киевским областным судом к 3 годам заключения по ст. 187 УК УССР (= ст. 190-1 УК РСФСР).

После выхода из лагеря Погиба начал составлять и распространять листовки, где писал, что

советские профсоюзы... не являются самостоятельной организацией рабочего класса...

...в СССР имеются антагонистические классы ..., следовательно, существует и классовая борьба, которая носит уголовный характер (государство грабит рабочий класс, он же обворовывает государство).

... такая форма "классовой борьбы" выгодна только государству. И мы, инакомыслящие рабочие, должны от нее отказаться и искать новых путей классовой борьбы, которая вела бы к настоящему раскрепощению рабочего класса.

Свои листовки Погиба наклеивал на доски объявлений, в транспорте, на памятниках (в 1979 г. его осудили за приклеивание листовки на памятник Ленина).

В конце Погиба пишет:

Последние события в Польше наглядно показали, что рабочий класс способен вести борьбу за свои права и свободы, за реальное повышение своего благосостояния и что эффективность этой борьбы зависит от степени солидарности рабочего класса, от степени его самоорганизованности.

...

Я ... считаю, что каждый человек, будь он и рабочим, вправе распространять свои взгляды как в устной, так и в письменной форме. Преследование за это есть грубое нарушение прав человека...

Прошу Украинскую правозащитную группу ознакомить с моим письмом советскую и мировую общественность и в первую очередь Международное профсоюзное движение. ...

В защиту политзаключенных

П. Федорова, Л. Мурженко. *Президенту США Р. Рейгану* (21 марта 1981 г.)

К Вам обращаются мать Юрия Федорова и жена Алексея Мурженко, осужденных, вместе с группой евреев, в 1970 году в Ленинграде по "самолетному делу". Вся группа, состоявшая из 12 человек, ставила цель показать миру проблему выезда людей из нашей страны, добиться свободной эмиграции для всех, кто хочет покинуть пределы СССР. Никаких других намерений у них не было и никакого насилия они не совершали.

Благодаря их судебному процессу, десяткам тысяч евреев и людей других национальностей была открыта зеленая улица.

...

В заключении остались двое: русский Юрий Федоров, осужденный на 15 лет, и украинец Алексей Мурженко, осужденный на 14 лет.

Мы обращались во всевозможные советские инстанции, вплоть до съездов Коммунистической партии, с просьбой о помиловании, но везде получили отказ. Мы потеряли надежду увидеть их на свободе, так как состояние их здоровья катастрофическое.

...

(Письма сходного содержания П. Федорова и Л. Мурженко направили в Конгресс США и сенатору Джексону.)

П. Федорова, Л. Мурженко. *А. Солженицыну* (21 марта 1981 г.)

...

Алик и Юра остались в заключении последними из 12 человек...

Сейчас, когда досрочно освобожден Менделевич – последний еврей из "самолетчиков", мы потеряли последнюю надежду на досрочное освобождение наших ребят.

Их физическое состояние – катастрофическое. Мы боимся, что они не выживут.

С просьбой об их помиловании мы обращались в МВД СССР, в ЦК КПСС, на XXV и XXVI съезды КПСС, но отовсюду получили отказ.

...

(Письма сходного содержания П. Федорова и Л. Мурженко направили Э. Кузнецову и А. Гинзбургу.)

П. Федорова, Л. Мурженко. *Адвокату Д. Джакоби (Франция)*. (20 апреля 1981 г.)

...

8 апреля 1981 года у Юры Федорова было свидание с матерью – 3 часа в присутствии двух надзирателей, которые все время прерывали разговор – разрешалось говорить только о здоровье – и угрожали прекратить свидание, так что мать и сын больше молчали, а в конце Юра сказал: "Если меня не вырвут отсюда в скором времени – я погибну". Такие отчаянные слова мать услышала от него впервые за все годы заключения.

13 апреля у Алика Мурженко было свидание с женой и двухлетней дочерью. Оно продолжалось 3 часа в присутствии пяти надзирателей и все сказанное записывалось, хотя Алик был заранее предупрежден, что он имеет право говорить только о семейных делах. В последние минуты свидания он все же сказал, что в феврале был лишен посылки и денег на ларек за, что прилег на койку в камере после работы. И он умолял сделать все возможное, чтобы вырвать его из тяжелой неволи.

Мы в отчаянии и страхе за жизнь наших близких – сына и мужа. Мы потрясены несправедливостью по отношению к ним, когда все осужденные вместе с ними уже освобождены. Мы знаем, что Вы взяли на себя нелегкий труд защиты Юрия Федорова и Алексея Мурженко и обратились к советским властям с просьбой о пересмотре их дела в соответствии с ныне действующим в СССР законодательством. Мы глубоко благодарны Вам и хотелось бы верить, что Ваш труд, поддержанный теми представителями общественности, которым дороги справедливость и свобода, не будет безрезультатным, и мы обращаемся ко всем нашим друзьям во всем мире – и к тем, кого мы знаем, и к незнакомым – помогите нам, спасите Юру Федорова и Алика Мурженко.

К этому письму есть приписка Е. Боннэр:

Глубокоуважаемый господин Жакоби!

Посылая Вам письмо Любы Мурженко и Полины Федоровой, я

вместе с ними глубоко благодарна Вам за труд, который Вы на себя взяли, вновь возбудив перед советской Прокуратурой вопрос о пересмотре дела Федорова и Мурженко. Действительно, сейчас они на грани физической гибели, и мне кажется, что необходимы усилия всех организаций и отдельных лиц, которые проявили активность в освобождении других участников этого процесса, чтобы добиться свободы для Юры и Алика, пока они еще живы.

15 евреев опубликовали в Самиздате письмо:

15 июня 1981 года исполняется 11 лет с тех пор, как находятся в заключении Алексей Мурженко и Юрий Федоров. Они были осуждены на 14-15 лет заключения за намерение захватить самолет для того, чтобы уехать из Советского Союза. И, несмотря на то, что по действующим сейчас законам даже за осуществленный угон самолета (без человеческих жертв) наказание не превышает 10 лет заключения, и на то, что все их товарищи по этому делу давно уже на свободе и при этом почти все освобождены досрочно, — Мурженко и Федоров остаются в заключении.

Мы не можем остаться безучастными к судьбе этих людей, которые уже дорого заплатили за свою трагическую ошибку, которые теперь тяжело и серьезно больны и измучены многолетним пребыванием в тяжелых условиях лагеря особого режима.

Мы призываем власти проявить элементарную справедливость и освободить этих людей сейчас, пока они еще не погибли, пока еще не потеряна надежда на то, что они найдут в себе силы для новой жизни, новой, более счастливой судьбы...

А. Сахаров. *Л.И. Брежнев. Просьба о помиловании Юрия Федорова и Алексея Мурженко* (1 июня 1981 г.)

...

Я обращаюсь к Вам и в Вашем лице к Президиуму Верховного Совета СССР с просьбой о помиловании Юрия Федорова и Алексея Мурженко. Это было бы гуманным и справедливым актом не только по отношению к осужденным, но и к их семьям, к их матерям.

6 июня Московская группа "Хельсинки" приняла документ № 169 *"Жизнь заключенных Юрия Федорова и Алексея Мурженко в опасности"*:

В 1970 году в СССР не было специального закона об ответственности за угон самолета. В 1973 г. в Уголовный кодекс РСФСР была введена такая статья (ст. 213-2 УК РСФСР). Первая часть этой статьи, устанавливающая наказание в виде лишения свободы на срок от трех до десяти лет, полностью применима к действиям, за которые осуждены Ю. Федоров и А. Мурженко. По общему правилу закон, устанавливающий более мягкое наказание, имеет обратную силу.

Признавая, что Федоров и Мурженко пытались совершить про-

тивоправные действия, мы считаем, что они осуждены неправильно и чрезмерно сурово, а после введения статьи 213 УК РСФСР их дело должно быть пересмотрено, а действия – переквалифицированы по ст.ст. 213-2 и 83 УК РСФСР ("Незаконный выезд за границу"). Однако многочисленные жалобы адвокатов, самих осужденных и их родственников высшими судебно-прокурорскими инстанциями оставлены без удовлетворения.

При правильной квалификации действий Федорова и Мурженко они сейчас уже отбыли бы максимальный срок за преступление, на совершение которого они покушались. Не только юридически, но и по принципу справедливости невозможно объяснить, почему Федоров и Мурженко продолжают оставаться в заключении, когда все остальные уже освобождены.

Многолетнее заключение в тяжелых условиях лагерей особого режима полностью подорвало их здоровье. Федоров страдает хроническим нефритом, а Мурженко тяжелой формой гастрита и гипертонической болезнью. Дальнейшее пребывание в местах заключения угрожает их жизни.

Мы хотим надеяться на проявление со стороны властей справедливости и гуманности и ожидаем немедленного освобождения Федорова и Мурженко.

* * *

А.Д. Сахаров. Доктору Лайнусу Полингу, Лауреату Нобелевской премии Мира и Нобелевской премии по химии (4 мая 1981 г.)

Глубокоуважаемый д-р Полинг!

Несколько лет назад я обращался к Вам с просьбой выступить в защиту моего друга, ученого-биолога Сергея Ковалева, арестованного в 1974 году и осужденного на 7 лет заключения в лагере и 3 года ссылки по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде с целью подрыва и ослабления советского государственного и общественного строя... Тогда Вы не откликнулись на мою просьбу... Но за эти годы под страшным ударом оказались и другие члены его семьи – сейчас я обращаюсь к Вам с призывом помочь спасти трех человек. Недавно, после почти года заключения в следственной тюрьме, на 5 лет лагеря и 5 лет ссылки осуждена жена Ивана Ковалева, сына Сергея Ковалева, – Татьяна Осипова. ... Стало известно также, что на Ивана Ковалева открыто дело ... , и он *тоже* может быть в любой день арестован и осужден на срок до 7 лет лагерей и 5 лет ссылки (а его жена и отец лишатся даже тех редких свиданий, которые предусмотрены Кодексом, так как свидания между заключенными запрещены). Таня Осипова и Иван Ковалев – члены Московской Хельсинкской группы, Сергей Ковалев обвинялся в издании и распространении информационного самиздатского журнала "Хроника текущих событий".

Я много лет знаю Сергея и Ивана Ковалевых и Татьяну Осипову

и могу засвидетельствовать их безупречную честность и альтруизм, безоговорочную преданность ненасильственной гласной защите прав человека, единственным оружием которой является слово. Обвинения их в целях подрыва строя незаконны. Столь же незаконны были следствия и суды над Сергеем Ковалевым и Таней Осиповой — Вы легко можете узнать все это из опубликованных на Западе материалов — там такое чтение не угрожает репрессиями.

Я не знаю Ваших политических взглядов, меры Ваших симпатий к советскому строю. Но то, о чем я Вас прошу, — не политика. Спассти погибающих честных и мужественных людей, три жертвы в одной семье — это долг гуманности и чести. Используйте Ваш авторитет, обратитесь к советским руководителям стран Запада, сделайте, что в Ваших силах.

20 лет назад, не видя друг друга, мы делали общее дело, противостоя ядерным испытаниям. Что ответите Вы мне сегодня?

Это письмо — открытое. Я обращаюсь со своим призывом помочь Тане Осиповой, Сергею и Ивану Ковалевым ко всем, кто может и хочет меня слышать.

И. Гаяускене. *Президенту Франции Ф. Миттерану* (май 1981 г.)

Господин Франсуа Миттеран!

Вы только что стали президентом Франции. Я слышала о Вас как о добром, отзывчивом человеке, и надеюсь, что Вы не оставите мое письмо без внимания.

Я — жена литовского политического заключенного Балиса Гаяускаса. Я впервые пишу подобное письмо и даже не знаю как написать лучше. Моему мужу 55 лет. Из них он отсидел в советских лагерях 29 лет и ему осталось еще одиннадцать. С двадцатилетнего возраста свободы ему выпало только 5 лет. Здоровье мужа сейчас резко ухудшилось. Особенно плохо со зрением. Глаза постоянно болят и он видит все хуже и хуже. Его не лечат, и он не знает, что с ним. Работа у него мелкая, при постоянном электрическом освещении, глаза постоянно в напряжении. Все время он проводит в закрытой на замок камере. Прогулка только один час в сутки, только тогда свежий воздух и, если повезет, солнечный свет. Мне страшно, но я не знаю, как спасти его здоровье. Очень прошу Вас сделать все возможное для освобождения моего мужа из лагеря, что сохранило бы ему остатки зрения и, возможно, жизнь.

У нас с мужем растет дочка. Она родилась, когда отец был в лагере. Ей сейчас — год. Если даст Бог, отец увидит ее этим летом впервые — я думаю взять ее с собой на свидание в Пермский лагерь. Старой больной матери мужа сейчас 79 лет и ей не под силу дальняя и тяжелая дорога до лагеря на свидание с сыном.

В прошлом месяце я ездила на свидание к мужу. Но дали два часа в присутствии надзирателя. Только для того, чтобы увидеть

Балиса и поддержать его, я вынуждена была оставить дочку у знакомых. Ехала туда и обратно неделю. На свидании нам запре-

тили говорить на нашем родном языке, и мы должны были все время разговаривать по-русски.

Я не должна устать, должна иметь силы бороться за своего мужа. Помогите мне в этой борьбе за жизнь и здоровье дорогого мне человека. Умоляю Вас.

Р. Симчич. Генеральному прокурору СССР. Заявление (6 июля 1981 г.)

Вот уже 29-й год мой муж Симчич Мирослав Васильевич отбывает наказания в разных ИТУ. Все это время он много (по 2 смены) работал и поддерживал семью материально, что ценилось и одобрялось лагерной администрацией в ИТУ, где содержались осужденные за государственные преступления. Он был неоднократно поощрен дополнительными продуктовыми посылками, а также внеочередными свиданиями, на которые я приезжала вместе с детьми.

Все было более или менее сносно до того времени, пока мужа не перевели в ИТУ для осужденных по бытовым статьям. Здесь на большого и обессиленного годами изнурительного труда человека посыпались наказания за невыполнение нормы выработки, причем не принимаются во внимание ни преклонный возраст (58 лет), ни букет приобретенных болезней, ни прошлая самоотверженная работа на благо семьи. Более того, сейчас на моего мужа надвигается новая беда. Ему начали вменять в вину различные разговоры и высказывания, которые подпадают под 62 ст. УК УССР, т.е. "антисоветская агитация и пропаганда". Во все мои посещения лагерей Мордовии и Урала представители лагерной администрации ни единого (!) раза не делали замечаний по этому поводу, упоминалось лишь, что он отбывает наказание за "совершенное в прошлом преступление" и сейчас его поведение удовлетворительное.

Хорошие производственные характеристики, которые получил мой муж, работая на ремонте прокатных станов завода "Днепро-спецсталь", доменных печей "Запорожстали" в г. Запорожье, когда он был выпущен после 15 лет заключения в 1963 г., показывают, что пользу обществу он может и хочет приносить.

События последних дней в ИТУ ЯЯ-310/88 Запорожской области (в оперчасть ИТУ вызывают его сокамерников, от которых требуют дачи показаний об антисоветских высказываниях Симчича) показывают, что моего мужа перевезли на территорию УССР специально, чтобы покарать его по новому обвинению. Мой муж — старый и немощный. Никакого вреда власти и строю он уже не в состоянии принести в силу причин даже просто физической слабости. Поэтому я обращаюсь к Вам с просьбой вмешаться и прекратить это сфабрикованное дело и дать возможность моему мужу выйти на свободу после 30 лет заключения, оканчивающегося 30 октября 1982 года, и жить вместе с семьей.

Освобождения

22 декабря 1980 г. по концу трехлетнего срока освобождился Шаген Арутюнян (суд – Хр. 48). Он поставлен под надзор.

В феврале освободили Наталью Мальцеву (арест – Хр. 60). Ее восстановили на работе.

10 марта по концу годовичного срока освободилась Сирвард Авакян (см. также "Право на выезд").

19 марта по концу двухгодовичного срока освобождился Лев Волохонский (суд – Хр. 53).

29 марта, после 28 лет лагерей за УПА-ОУН, освобождился Василий Пидгородецкий (Хр. 53, 55). Он поселился в с. Крушельницы Сколевского района Львовской области. Его поставили под надзор на 1 год. Участковый милиционер требует, чтобы Пидгородецкий трудоустроился, однако ему предлагают непосильные физические работы (в лагере Пидгородецкий имел сначала вторую, потом третью группу инвалидности, которую сняли в последние годы перед освобождением).

27 апреля освобождился Размик Маркосян (Хр. 61).

* * *

18 мая по концу срока освобождился Евгений Бузинников (суд – Хр. 51). При освобождении он не получил документов, хотя освободившиеся вместе с ним трое заключенных их получили.

Перед освобождением Бузинникова посадили на 6 месяцев в ПКТ под предлогом написания им какого-то письма (Бузинников не знал – какого) и "плохого влияния на осужденных". В лагерь приезжали сотрудники КГБ, допрашивали заключенных о Бузинникове. Ряд обысков у него ни к чему не привел.

Перед выходом Бузинникова постригли наголо. Ему сказали, что он будет под надзором по месту жительства, куда он должен добраться за 2 дня и никуда не ездить, проводили до поезда, переодеться не дали – Бузинников отправлялся в лагерной одежде. По дороге Бузинников хотел высадиться, чтобы навестить своего знакомого В. Коновалихина, находящегося в ссылке (Хр. 56). Некто в штатском показал ему удостоверение МВД и запретил выходить на нужной станции.

В соседнем купе ехали двое в штатском, к которым приходили из другого вагона солдаты, выпивали. Один из штатских предложил Бузинникову купить одежду (чтобы сменить лагерную) за 55 руб. Тот согласился. Вскоре эти двое вызвали Бузинникова в тамбур; вытащив нож, один из них потребовал у Бузинникова деньги. Завязалась драка, в ходе которой всем были нанесены мелкие ранения, а Бузинникову удалось выхватить нож. На его крики о помощи прибежали солдаты, которые наблюдали за дракой и придерживали дверь в вагон. Однако Бузинникову и здесь удалось, выломав дверь, пробиться в вагон. Нападавшие, видя, что пассажиры поезда обратили на них внимание, отдали Бузинникову отобранные у него в драке деньги, попросив при этом еще 80 рублей "за одежду". Бузинников дал.

В июне-июле из 3 мордовского лагеря освободились "религиозники" (ИПЦ) Анастасия Волкова (1906 г.р.) и Клавдия Волкова (1907 г.р.). Они поселились в Горьком, поставлены под надзор.

САХАРОВ В АДМИНИСТРАТИВНОЙ ССЫЛКЕ

(Хр. 56, 57)

Вечером 13 марта (пятница) Е.Г. Боннэр должна была в очередной раз приехать из Москвы в Горький.

12 марта А.Д. Сахаров получил приглашение прийти в стоматологическую платную поликлинику днем 13 марта (он лечил в это время зубы и прийти в очередной раз к врачу должен был в понедельник).

Когда он пришел в поликлинику, его попросили пройти не в тот кабинет, что обычно ("В том кабинете — ремонт"), а сумку (которую он, опасаясь воров из КГБ, постоянно носил с собой) оставить в "предбаннике". Выйдя от врача, Сахаров сумки не обнаружил. Дома Сахаров нашел на столе письмо, которое было в сумке и которое он не успел отправить.

17 марта Сахаров сделал "Заявление для печати и радио":

Я сообщаю, что сотрудники КГБ вновь тайно проникают в квартиру, в которую я силой помещен более года назад и где нахожусь в условиях незаконной изоляции. Эти проникновения на этот раз происходят, по-видимому, с ведома некоторых дежурящих круглосуточно у двери милиционеров и вновь создают опасность для меня.

Я сообщаю также, что 13 марта 1981 года КГБ совершил новое отвратительное преступление, украв сумку, в которой хранились мои рукописи, личный дневник за последний год, копии писем моим западным и советским коллегам, письма детей и внуков. В трех толстых тетрадях — дневник наряду с чисто личными записями — многочисленные выписки из научных книг и журналов, в том числе из статей Нобелевских лауреатов по физике 1979 года, изложение новых научных идей и другие необходимые мне материалы для научной работы, мои размышления о физике, литературе и многом другом. Среди украденного три толстых альбома большого формата — рукопись моей автобиографии, что толкает меня на более раннюю, чем я предполагал, ее публикацию. Воры КГБ умышленно подбросили на мой стол находившееся в сумке неотправленное письмо в Научно-информационный Центр ВИНТИ, возможно, показывая свое невмешательство в мою научную работу, однако, они украли дневник, в значительной степени, как я писал, научный. Ранее из московской квартиры был выкраден мой Нобелевский диплом. Но последней кражей КГБ показывает свое стремление лишить меня памяти, мысли, возможности всякой интеллектуальной жизни даже наедине с самим собой. Ответственность за эту кражу ложится на ее исполнителей — Горьковский КГБ — и на санкционировавшее ее руководство КГБ СССР.

Главный врач поликлиники заявила Сахарову, что он опозорил ее "как человека и как женщину". По ее словам, сумку она взяла там, где ее оставил Сахаров, и перенесла в операционную, откуда ее и забрали двое неизвестных.

* * *

22 марта Е. Боннэр и А. Сахаров опубликовали обращение в связи с арестом А. Марченко (см. "Арест Анатолия Марченко").

24 марта А. Сахаров закончил статью "Ответственность ученых".

4 мая Сахаров обратился к Л. Полингу с просьбой помочь семье Ковалевых (см. "В защиту политзаключенных" в разделе "В тюрьмах и лагерях").

10 мая Сахаров послал письмо "Симпозиуму в Рокфорском университете", состоявшемуся в Нью-Йорке 1-3 мая:

Дорогие друзья!

Я с благодарностью и с большим интересом слушал по радио сообщения о симпозиуме в Нью-Йорке. Мне кажется, что это в высшей степени представительное собрание является не только большой честью для меня, но и поддержкой многим подвергающимся репрессиям за ненасильственную деятельность в защиту прав человека, поддержкой нашего общего стремления к миру и справедливости. Множество глубоко уважаемых, заслуженных людей приехали, часто издалека, чтобы присоединиться к этому Симпозиуму и выступить на нем. Меня тронули и были приятны слова, сказанные о моей научной деятельности, хотя я и сознаю ее недостатки. Не менее лестной была характеристика моей общественной деятельности в области Прав Человека и — что ранее обычно меньше освещалось — в области разоружения, проблемы ядерных испытаний, вообще предотвращения войны, в особенности ядерной угрозы.

...

Важным событием большого общего значения явилось направленное Симпозиуму послание президента США Рональда Рейгана. В этом послании содержится характеристика моей общественной деятельности и выражается надежда на прекращение ссылки. Я глубоко благодарен Президенту за это послание и надеюсь, что оно будет иметь значение, выходящее за пределы моей личной судьбы — в поддержку всей проблемы Прав Человека, справедливости, международного доверия, разоружения и мира.

* * *

21 мая А.Д. Сахарову исполнилось 60 лет.

20 мая в Горький приехал бывший политзаключенный Виталий Помазов (Хр. 5, 6, 16, 18, 19, 47, 48, 50). Вместе с другом-горьковчанином Цветковым 21 мая он приехал на такси к дому Сахарова. Хотя такси остановилось на расстоянии от дома, приятелей сразу же окружили много-

численные оперативные сотрудники, которые препроводили их в опорный пункт. Там Помазова обыскали и посадили на поезд (билет был куплен за счет милиции — у Помазова денег не оказалось; о Цветкове Помазову сказали, что он "уже дома"). Помазова предупредили, чтобы он ни на одной станции не пытался выйти. И в самом деле — на каждой станции у вагона стоял милицкий наряд, не дававший Помазову выйти.

21 мая Мария Петренко и Сергей Ходорович приехали из Москвы в Горький. Они встретились с Сахаровым на улице и направились к нему домой. Однако на подходах к дому их задержали и отправили самолетом в Москву. (См. также "Новости Самиздата".)

В ССЫЛКЕ

В апреле-мае Оксана Мешко (суд — Хр. 61) прибыла на место ссылки в пос. Аян Хабаровского края, где отбывает ссылку ее сын А. Сергиенко (Хр. 55).

21 мая Богдан Ребрик (Хр. 46) прибыл на место ссылки: 474230, Казахская ССР, Целиноградская обл., Кургальджинский район, пос. Кенбидаик (там же отбывал ссылку Р. Маркосян — Хр. 51, 58). После 7 лет лагерей Ребрику предстоит 3 года ссылки.

* * *

Мустафе Джемилеву (Хр. 53, 56, 57, 60) на почте вручили три письма и уведомления о их вручении, которые должны были быть отправлены адресату (2 — в Анкару, 1 — в Париж). На этих уведомлениях стояла его фамилия и почтовая (но не Зырянская) печать. Джемилев отправился к прокурору с жалобой, что кто-то подделал его подпись. Он отдал прокурору два из 3 фальшивых уведомлений. Через некоторое время Джемилева вызвали на почту, где сообщили, что отдадут очередное письмо, если Джемилев отдаст третье фальшивое уведомление. Джемилев потребовал, чтобы вычеркнули его расписку за данное (четвертое) письмо. Ему отказали, распись в получении осталась, письма не дали.

Через несколько дней Джемилева вызвали в милицию. Оказалось, что он сорвал на почте партсобрание и хулиганил. Ему предъявили соответствующие заявления от работников почты. "Я имел дело с уголовниками, — сказал следователь, капитан милиции, — а ты у меня первый политический".

Освобождения

После подсчета дней этапа, засчитываемых как 1 за 3 дня ссылки, майор Алишев, комендант пос. Саралжин, объявил Валерию Марченко (Хр. 61), что конец ссылки у него 29 апреля. Об этом же был издан приказ начальника Уилского РОВД майора Дарменкулова. Тем не менее справка об освобождении в положенный день Марченко выдана не была. Алишев сказал, что она задерживается в РОВДе.

30 апреля В. Марченко послал телеграмму Генеральному прокурору СССР Рекункову:

Протестую противозаконной задержки документов об освобождении Актюбинским УВД. Несмотря на резкое обострение гипертонии не могу получить специализированной медпомощи.

Навеки ссыльный Марченко

Получить документ об освобождении В. Марченко смог только 8 мая. В. Марченко вернулся в Киев.

6 июля его ознакомили с Постановлением об административном надзоре: с 10 час. вечера до 6 час. утра он должен находиться дома.

14 июля В. Марченко подал прокурору Киева заявление:

Мне не известен ни один законный повод для преследования человека за его взгляды, тем не менее при вынесении постановления об административном надзоре это вменяется мне в наибольшую вину.

Из характеристики, составленной начальником Уилского РОВД майором Дарменкуловым: "Общественный порядок и режим ссылки не нарушал, но не изменил своих взглядов и убеждений" (3.5.81 г.).

Из заключения, подписанного майором Дарменкуловым и председателем наблюдательной комиссии исполкома Уилского районного Совета народных депутатов С. Капишевым, "Обоснование к установлению административного надзора — на путь исправления не встал".

Подобный вывод не обоснован, что видно из характеристики. Это поняли и в РОВДе Радянского района г. Киева, когда для усиления моей антисоциальной сущности к "на путь исправления не встал, своих убеждений не изменил" добавили "после освобождения Марченко до настоящего времени не трудоустроился, ведет паразитический образ жизни".

Я получил справку об освобождении 8 мая, приехал в Киев 12-го, пришел в Радянский РОВД 15-го, прописался и получил паспорт 29-го. У меня больные почки и гипертония (инвалидность 3 группы решением ВТЭК ИТУ ВС-389 Пермской обл.) и сразу после приезда я начал усиленно лечиться. С 5 по 20 июня я находился в больнице, что подтверждено документально и в чем, понятно, гр. милиционеры имели возможность убедиться. А 24 июня я подал заявление в Киевское горсо с просьбой устроить меня, филолога-украиниста, учителем украинского языка и литературы. Копию заявления я передал начальнику Радянского РОВД. Я тяжело работал и в лагере и в ссылке. Кроме того, в свободное время я занимался творческим трудом — художественным переводом. Свои переводы из американской поэзии я уже предложил к публикации в ж-л "Всесвіт".

И тем не менее, 2 июля было вынесено постановление об административном надзоре. Среди тех, кто его подписывал, стоит имя

прокурора Радянского р-на Лотюка С.В. Поэтому я обращаюсь к Вам с просьбой отменить безосновательно наложенное наказание и принять меры, чтобы сейчас и в будущем никого больше за убеждения не наказывали.

В ПСИХИАТРИЧЕСКИХ БОЛЬНИЦАХ

В специальных больницах

Казанская СПБ

Приблизительно с 1972 г. здесь содержится священник о. Иосиф Михайлов из Уфы. Он обвинялся по ст. 70 УК РСФСР в написании письма в ООН с жалобой на органы местной власти, вмешивавшиеся в жизнь прихода.

Монахиня Валерия Макеева (суд — Хр. 53) переведена отсюда в Московскую областную психбольницу № 5.

Черняховская СПБ

Отсюда выбыл Вячеслав Кашкин (Хр. 46).

Здесь находится Федор Сиденко (в Хр. 56 — ошибка).

Днепропетровская СПБ

Сюда прибыл В. Хайло (см. "Преследования верующих").

В больницах общего типа

12 марта Макеевский городской суд под председательством Кобзистого вновь (Хр. 52) определил продолжать принудительное лечение Василия Спиненко, находящегося в местной больнице.

По жалобе родственников прокурор Донецкой области опротестовал определение суда.

30 июня суд под председательством Забелина рассмотрел протест прокурора и по докладу психиатра В.М. Зарубина опять определил продолжать принудительное лечение.

Родственники Спиненко о дне суда извещены не были.

ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Вечером 8 апреля в Киеве был избит Николай Плахотнюк (Хр. 61). Он возвращался домой к брату Ивану, у которого остановился после освобождения. Почти каждый вечер у дома его встречали трое людей. В этот

вечер они набросились на него. В результате побоев у Плахотнюка были сломаны поперечные отростки позвоночника.

14 и 16 апреля к Ивану Плахотнюку приходил участковый и требовал сообщить, где находится Николай. По словам милиционера, Николай Плахотнюк незаконно находится в Киеве, т.к. ему предписано ехать в Черкасскую область. Участковый потребовал, чтобы Иван Плахотнюк написал объяснительную записку с указанием, где и в какой день находился его брат с момента выписки из психбольницы. Он грозил Ивану штрафом и судом.

* * *

20 марта в Тарту с Г. Суперфина (Хр. 56) досрочно сняли административный надзор.

* * *

30 марта Степан Сапеляк (Хр. 48) направил Андропову заявление:

В 1973 году я был приговорен закрытым судебным заседанием в г. Тернополе к восьми годам строгого тюремного заключения (точнее, к 5 годам лагерей и 3 годам ссылки — Хр.) по обвинению в антисоветской деятельности.

По истечении срока приговора меня прописали по месту жительства моих родителей на Украине (Тернопольская область, Чертковский р-н, с. Росохач). Сразу же после моего приезда, в ноябре-декабре 1980 г. со мной неоднократно проводились в райотделе Чертковского РОВД так называемые беседы по поводу моего покаяния. Такие же беседы проводились с моими родителями, только уже в отделе КГБ. Я не принял предложенного мне публичного покаяния, равно как и отказался осудить свои действия в прошлом. И тогда начальник милиции сказал: "... катись-ка ты, Степан Евстахиевич, позолоченным шариком подальше. Лучше тебе и нам ...". 30 января 1981 г. я написал заявление на имя начальника РУВД Ленинградского облисполкома с просьбой разрешить мне прописку в п. Никольском Тосненского р-на Ленинградской области, где проживает и работает Надежда Владимировна, с которой я хотел вступить в законный брак. Свое заявление я отдал ст. лейтенанту КГБ Ленинградской области Баранову В.А., который приехал специально в п. Никольское с тем, чтобы вызвать меня на беседу. Я также заверил его, что заниматься антисоветской деятельностью не намерен.

15/II-81 г. нач. отдела милиции Ульяновского р-на к-н Гаврилов был поставлен мной в известность о том, что я устроился работать электромонтером в филиал Ленинградской геоэкспедиции ВИРТИ и прохожу медосмотр. О том, что я буду с марта месяца с.г. прописан, меня заверил директор вышеназванного учреждения.

2/III-81 г. я был снят с учета в паспортном столе г. Черткова Тернопольской области в связи с переездом на другое место жительства.

Однако по дороге в Ленинградскую область на Львовском ж/дорожном вокзале (6/III-81) меня завели в отдел милиции, где я был подвергнут обыску по подозрению в грабеже. При обыске присутствовало шесть человек, всего лишь один из них в милицеской форме, остальные — в штатском. Свою фамилию назвал только милиционер. Контролировать свои вещи во время обыска мне не разрешили. На пол были брошены записные книжки, письма друзей, Библия. Потом я был отпущен и уехал в п. Никольское. Во время моего отсутствия вызывал мою невесту Матюшенко Н.В. сотрудник КГБ из УССР, который после беседы с ней заявил, что меня здесь не пропишут, если я не покаюсь публично в моей прошлой деятельности, и просил ее передать это мне.

12/III-81 г. состоялась беседа с сотрудником КГБ (зам. начальника оперотдела), который опять предложил мне или покаяться публично ("... и тогда, возможно, вы будете прописаны...") или уезжать отсюда куда угодно.

Мне ничего не оставалось, как уехать, оставив любимого мной человека. Сотрудники КГБ УССР и г. Ленинграда вынудили нас расстаться, причинив тем самым тяжелую душевную травму.

Понесет ли ответственность КГБ за то, что оно лишило меня возможности быть рядом с любимой женщиной, а также за то, что подвергло меня обыску незаконным образом по подозрению в грабеже?

Мне 29 лет...

РАЗНЫЕ СООБЩЕНИЯ

В Верховном суде РСФСР в апреле состоялись кассационные разбирательства дел А. Магидовича (суд — Хр. 61), Л. Терновского (суд — Хр. 60) и А. Лавута (суд — Хр. 60). Приговоры оставлены без изменения.

8 мая следователь Московской городской прокуратуры Г.В. Пономарев вернул жене Терновского часть изъятых ранее вещей: магнитофонные пленки, стихи, часть писем, две фотографии. Когда Л. Терновская поинтересовалась, почему Пономарев возвращает так мало вещей, тот дал понять, что он возвращает то, что вернули ему самому.

* * *

На жалобы по делу А. Мясникова (суд — Хр. 61) получены два официальных ответа.

38 марта заместитель прокурора Москвы Г.И. Скаредов написал:

... вина Мясникова А.А. в изготовлении и распространении в письменной форме заведомо ложных измышлений, порочащих госу-

дарственный и общественный строй, а также изготовлении и распространении порнографического рассказа, доказана показаниями осужденного Мясникова А.А., данными на предварительном следствии, аналогичными показаниями свидетеля Гуревича, Величко, Гаврилова, заключениями почерковедческой, криминалистической, литературоведческой экспертиз.

...

Данных, свидетельствующих о нарушении органами предварительного следствия норм УПК, не установлено.

В письме заместителя прокурора РСФСР Б.В. Кравцова от 4 мая написано:

Ваше письмо по делу Мясникова А.А., адресованное XXVI съезду КПСС, рассмотрено.

Ваши доводы о допущенных по делу нарушениях и необоснованном осуждении Мясникова будут проверены с участием прокурора при кассационном рассмотрении дела в Верховном суде РСФСР.

Рассмотрение дела в Верховном суде РСФСР взято на контроль.

* * *

В марте в Краснопресненской пересыльной тюрьме Мясникова лишили передачи за "незаконное хранение" в тюрьме его произведения "Баллада о скопцах". Мясников написал начальнику тюрьмы, что эта его работа не имеет отношения к делу. Взыскание было снято.

* * *

Над женой Мясникова Н. Омельченко (Хр. 61) по месту ее жительства состоялся товарищеский суд, вынесший ей "порицание". (Дело в товарищеский суд передал следователь Мясникова Кудрявцев, т.к. "после ареста мужа Омельченко перестала представлять социальную опасность").

* * *

19 мая в Верховном суде РСФСР состоялось кассационное слушание дела Мясникова. Адвокату Мясникова В.Я. Швейскому дату разбирательства сообщили только вечером 18 мая.

Омельченко пустили в зал лишь после того, как она предъявила свое брачное свидетельство.

Швейский сказал, что, хотя в повести "Встречи", инкриминируемой Мясникову, и есть натуралистические сцены, они приведены не с целью возбудить эротические чувства, а наоборот, в чем нетрудно убедиться, ознакомившись с текстом. Их цель — осудить беспорядочность и распущенность в половых отношениях. Поэтому произведение нельзя считать порнографическим. Кроме того, отсутствует факт распространения. Касаясь статьи "173 свидетельства национального позора", Швейский напомнил, что она не была специально изготовлена для распространения. И хо-

тя есть результаты экспертизы, указывающие на наличие 5-го экземпляра статьи, жена отрицает факт печатания 5 экземпляров. Пусть даже, продолжает адвокат, в статье есть клевета, однако она нигде не напечатана, не опубликована. Швейский указал также на нарушения во время следствия и на то, что не все свидетели, допрошенные по этому делу во время предварительного следствия, были вызваны в суд для дачи показаний. Суд отклонил ходатайство защиты о вызове главного свидетеля М. Гуревича, что не дало выяснить истину; один свидетель, Н. Елагин, проживает вне пределов СССР, другой отрицает, что читал статью. Адвокат потребовал, ввиду отсутствия состава преступления, Мясникова оправдать или отправить дело на повторное судебное разбирательство.

Прокурор Суслова заявила, что "нет оснований не доверять советскому суду", "суд не мог ошибиться", "неприемлемо обсуждать решения суда". Показания Гуревича совпадают с некоторыми показаниями Мясникова, и дело суда выбирать из показаний Мясникова те, которые он сочтет истинными. Прокурор заявила, что статья "173 свидетельства..." — клеветническая. Прокурор также повторила заключения экспертизы о наличии 5-го экземпляра статьи. В конце Суслова попросила оставить приговор в силе. После 20-минутного совещания суд оставил приговор без изменения.

* * *

В деле Мясникова было постановление о прекращении уголовного дела против Олега Попова (Хр. 61) по ст. 190-1 УК РСФСР за недостаточностью улик.

* * *

3 июля к Олегу Попову явился старший лейтенант милиции с повесткой, содержащей требование явиться в 54 отделение милиции г. Москвы. Милиционер сказал, что цель вызова ему неизвестна, и предложил подвезти Попова на автомобиле. Попов отказался. Тогда милиционер попросил позвонить заместителю начальника отделения по уголовному розыску Савинкову. Попов позвонил. Савинков сказал, что есть разговор, который займет не более 10 минут. На вопрос Попова о цели разговора и причине вызова Савинков сообщил, что на Попова поступила жалоба жильцов, а содержание беседы — не телефонное.

Попов отправился в отделение, где застал в кабинете Савинкова двух лиц в штатском, представленных Савинковым сотрудниками КГБ. Они отказались назвать свои имена и предъявить документы.

От беседы с непредставившимися Попов отказался. Добровольно "следовать за ними" он тоже не захотел. Тогда они заявили, что имеют право задержать его на 3 часа. Попову разрешили позвонить жене, после чего в сопровождении милиции его доставили в приемную Московского УКГБ на Лубянке.

От "беседы" на Лубянке Попов также отказался. Тогда его спросили, не желает ли он ознакомиться с собственным делом. Попов отказался. Ему за-

явили, что о нем все известно, что он ведет себя с представителями властей и различных официальных инстанций по-хамски, рвет протоколы допросов (Хр. 60) и строит из себя защитника прав человека, поэтому КГБ вынуждено сделать Попову предупреждение "по указу от 1972 г.". Попову предложили ознакомиться с Указом. Он спросил, был ли этот указ где-либо опубликован в советской прессе. Сотрудник КГБ сказал, что он не знает. Тогда Попов отказался знакомиться с секретным, неопубликованным документом. Попову зачитали выдержки из дела Мясникова, в которых говорилось, что в 1977 г. Мясников под дурным влиянием и по совету Попова написал статью клеветнического содержания, которую Попов намеревался переправить за границу в один из антисоветских эмигрантских журналов. Кроме того, у Попова изъято на обыске в августе 1980 г. много клеветнической литературы. В связи с этим ему сделано предупреждение, что, если он не прекратит свою деятельность, которая наносит вред интересам государственной безопасности СССР, его привлекут к уголовной ответственности, а настоящее предупреждение будет приобщено к делу.

Попов отказался подписать предупреждение и был отпущен. "Беседа" продолжалась около 10 минут.

* * *

В середине марта в Центральной геофизической экспедиции, где до ареста работали А. Лавут и Т. Осипова, состоялось открытое партсобрание, на котором говорилось, что в организации нашлись люди, "поддавшиеся на происки империализма", и осуждались те, кто подписал письма в защиту А. Лавута и Т. Осиповой (Хр. 57, 61). Один из присутствующих, Пашкин, попросил для полной ясности зачитать тексты этих писем. Парторг Татаренко сказал, что текстов у него при себе нет, но пересказал их содержание и отметил их неуместный тон. (После собрания заместитель начальника партии Гапеев подошел к Пашкину и сказал: "Ты что же, б...! Ты ж своим провокационным вопросом все собрание чуть не сорвал!")

30 марта, накануне суда над Осиповой (см. выше) администрация ЦГЭ назначила 10 человек, обязав их присутствовать на процессе среди "публики" в зале суда. В первый день на суд явилось 9 человек (Гапеев заболел), на следующий — 8. Однако после соответствующей проработки на службе исчезнувший во второй день суда сотрудник ЦГЭ вновь появился в последний день процесса.

В тот же день 30 марта начальник ЦГЭ Кашик провел "предупредительные беседы" с Г. Степанцом и И. Нагле (см. "Арест Кувакина") о недопустимости их присутствия на предстоящем суде. Степанцу, настаивавшему на своем желании посетить суд над Осиповой, он сообщил, что в таком случае уволит его, "используя все доступные средства".

В первой половине дня 31 марта Степанец, Нагле и В. Кронрод находились у ограды здания суда, где начался процесс.

1 апреля Кашик потребовал от Степанца объяснения о причине его отсутствия на службе 31 марта с 9 до 13 часов. В своей объяснительной запис-

ке Степанец сообщил, что находился в это время у суда над Осиповой. Он подробно описал обстановку вокруг процесса, в частности, указал на невозможность присутствовать в зале желающим. Степанец также отметил, что присутствовавшие в зале представители ЦГЭ лишь отдаленно знакомы с Осиповой (а некоторые и незнакомы с ней), что не было никого из ее партии. В то же время попытка выдвинуть от ЦГЭ общественного защитника или хотя бы представителя "была остановлена в самом начале".

Я обращаю Ваше внимание и на то, что мне не удалось услышать от Вас сколько-нибудь удовлетворительного объяснения этих фактов.

7 апреля Кашик вынес Степанцу строгий выговор "за невыход на работу 31.03". В приказе значится: "Основание: объяснит. записка тов. Степанец Г.Ф."

10 апреля этот приказ был дополнен следующим: "невыход до 13.00".

Нагле получила аналогичное взыскание.

Кашик побеседовал с Кронродом по поводу его присутствия в Люблино 31 марта. Он сказал, что Кронроду не вынесли выговор, т.к. в отличие от Степанца и Нагле он не был предупрежден о недопустимости подобного поведения.

Руководство ЦГЭ поручило сотрудникам, присутствовавшим на процессе, провести "политинформации" о нем в подразделениях учреждения.

В 14 партии (в ней работал А. Лавут) с "политинформацией" выступил Абрикосов, рассказавший о некоторых эпизодах обвинения (документы о с. Ильинка, заявление об ОСВ-2, "Меморандум 45-ти"). В связи с этим рассказом ему были заданы вопросы: кто дал право Осиповой распоряжаться судьбами других людей? Кто она по национальности? Почему ее муж ходит на свободе? На какие деньги приобретались пишущие машинки? Абрикосов сообщил также, что адвокат просил переквалифицировать обвинение на ст. 190-1. Он не мог ответить, что это за статья. Когда название статьи было процитировано Л. Рудаковой, ту спросили, по какой статье будут судить ее. На "политинформации" в 3-й партии Птецов сообщил, что Осипова вела себя на суде очень заносчиво и, когда прокурор "предложил ей 3 года, она отказалась".

* * *

После того, как Сергея Ходоровича уволили из ИВЦ Главмосплод-овощпрома (Хр. 60), он долго не мог никуда устроиться. В конце января его взяли на работу временно, сроком на два месяца.

Утром 30 марта в отделе кадров ему предложили в связи с истечением срока временной работы подать заявление о зачислении на постоянную. Однако к вечеру он вместе с кадровиком был принят руководителем, отказавшим ему в работе (он якобы сообщил об этом своем реше-

нии несколько дней назад начальнику отдела кадров, но тот запомнил свое временно передать это Ходоровичу).

* * *

23 марта в квартиру, где находились о. Дмитрий Дудко (Хр. 57) и его "духовные дети", явились милиционер и сотрудник КГБ. Они потребовали у собравшихся предъявить документы и, угрожая им арестом, пытались составить протокол о том, что в данной квартире "состоялось собрание лиц, принадлежащих к православной вере, для отправления религиозных обрядов".

28 мая следователь Московского УКГБ Сорокин объявил Дудко, что 22 мая дело против него прекращено. В постановлении указано, что дело прекращается ввиду полного раскаяния, хорошего поведения после выхода из-под стражи, семейного положения и возраста Дудко.

* * *

16 апреля в Московское УКГБ к следователю В.Д. Макарову была вызвана Лариса Полуэктова (Хр. 54, 55, 58).

Полуэктовой предъявили постановление о том, что 2 ноября 1980 г. при таможенном досмотре гражданки ФРГ у той нашли документы, переданные ей Полуэктовой: письмо Полуэктовой, адресованное ее знакомой на Запад, письмо какой-то католички "Отчет о проделанной работе" (о религиозном семинаре), письмо свящ. Ельчанинову от Л. Регельсона (Хр. 58) и статья "Советизм". Эти материалы оценивались в постановлении как антисоветские; сообщалось, что они переданы в прокуратуру Москвы. Полуэктовой было заявлено, что в случае повторения ею антисоветских действий в отношении нее будет возбуждено уголовное дело.

Полуэктова подписала это "постановление", а затем спросила, что это за статья "Советизм" — она о ней ничего не знает. Следователь сообщил, что показаниями свидетелей установлено, что все материалы были переданы Полуэктовой. На вопрос, почему ее не вызвали сразу, был ответ: "Нет необходимости".

* * *

18 апреля московскому литератору Леониду Новаку (Хр. 60) в районном отделении КГБ подполковником Хорьковым было вынесено предупреждение "по Указу". Новак предупреждение подписал.

* * *

Калинин

В конце 1980 г. Л. Лозовский (Хр. 61), уволенный после суда над И. Дядькиным и С. Горбачевым (Хр. 58), был восстановлен в должности

старшего научного сотрудника. В мае 1981 г., после жалобы в прокуратуру, он был восстановлен в очереди на квартиру.

17 июня вечером Лозовский получил повестку в районный военкомат, куда ему надлежало прибыть в 23.00. Явившись в назначенное время, Лозовский в военкомате никого из вызвавших его не обнаружил, а на обратном пути подвергся нападению троих неизвестных. Ему удалось отбиться. Через день начальник части военкомата, вызвавший его, утверждал, что он находился в указанное время на месте (позже он отказался от этого утверждения). Он заявил, что экстренно вызвал Лозовского, чтобы вклеить в его военный билет мобилизационное предписание, которое немедленно отпечатал и вклеил.

* * *

В Москве продолжают попытки разогнать научный воскресный семинар (Хр. 60).

26 апреля у дверей квартиры Браиловского, где должно было состояться очередное заседание, был поставлен милицейский пост.

Аналогичный семинар проходит также на квартире А.Я. Лернера. У его дверей также был поставлен пост.

* * *

В конце мая С. Шибаева (Хр. 60) выписали из Тарусы "за длительное непроживание по месту прописки" ("непроживание" подтвердила его мать). Он устроился на работу в Москве плотником.

В ночь на 8 июля в Москве умерла жена А.Я. Лернера. Его дочери, выехавшей в Израиль, разрешили приехать в Москву на похороны матери.

Житель Южно-Сахалинска шофер Владимир Попов направил в горьковскую "Горсправку" запрос об адресе А.Д. Сахарова. Из Горького ему ответили, что, по данным адресного бюро, Сахаров в городе не значится. Через некоторое время его "не допустили к работе" и принудительно госпитализировали; диагноз — "шизофрения". Вскоре его из больницы выпустили. В начале февраля Попов прибыл для обследования в московскую психбольницу им. Ганнушкина.

ПИСЬМА И ЗАЯВЛЕНИЯ

Е. Соболева-Бодэ. *Открытое письмо* (29 марта 1981 г.)

Е. Соболева-Бодэ (Хр. 53, 54) рассказывает, что после того, как 16 ноября 1978 г. у нее был проведен обыск по делу художника В. Сысоева (Хр. 53, 54, 57), ее

...стали вызывать в РУВД Черемушкинского района. 19 апреля 1979 года меня насильно, в 8 час. утра, увезли на допрос по делу Сысоева в РУВД Черемушкинского р-на. Допрос длился два часа. Во время допроса следователь Г. Чуев вел себя грубо, несдержан-

но, угрожал, запугивал. В начале сентября 1979 г. меня вызвали к следователю уголовного розыска Черемушкинского р-на г. Москвы Е.И. Елагиной, которая интересовалась местопребыванием Сысоева. Мне было заявлено устно, что он объявлен в розыск. На следующий день ко мне в квартиру ворвалось пятеро мужчин. Один из них предъявил удостоверение МУРа. Другие документов не предъявили. Искали по всей квартире Сысоева. Вскоре подобный визит повторился. Одновременно в квартиру стали звонить какие-то люди — или ошибались, или просто молчали в трубку. Кроме всего, за мной стали следить, ходить открыто люди в штатском, когда я встречалась с моими знакомыми. 8 марта 1979 года, когда в квартире находился мой малолетний сын, в мое отсутствие неизвестные лица пытались сломать замок в двери и войти в квартиру. Заметив, что в квартире кто-то есть (сын пошел позвонить по телефону), неизвестные лица (или лицо) скрылись, оставив следы: была снята с замка металлическая накладка и выдернуты кнопки из обивки двери. Когда на мое заявление по поводу случившегося явился милиционер Ю.А. Елпединский, он объяснил, что это могло быть связано с тем, что кто-то перепутал дверь или просто мелкое хулиганство.

Перед началом Олимпиады мне было передано, что если я увижу Сысоева, то пусть я сообщу ему, чтобы он выходил, и тогда ему "скостят" год. Это исходило из КГБ и было передано мне через третьи лица. Все это время продолжались телефонные звонки (ошибочные и бессловесные), около моего подъезда дежурили дружинники и соседи, которым было заявлено, что в моей квартире находился преступник. Все это происходило на глазах у моего ребенка, в результате чего он заболел невритом и находился с 29 декабря 1979 г. до 29 января 1980 г. в Морозовской больнице № 1 на излечении. В настоящее время он тяжело болен, у него обнаружили невродермит и при каждом новом посещении квартиры у него происходит обострение этого заболевания.

10 декабря 1980 г. в 23 час. 30 мин. (я уже спала) за дверью раздались мужские голоса, кто-то громко говорил: "Что ты, идиот, открыть не можешь? Ключи что ли перепутал?" На мой вопрос "Кто это?" за дверью стало тихо. В дверной глазок я увидела высокого незнакомого мужчину и соседа с верхнего этажа. После этого они удалились. Ко мне продолжались визиты из 30 отделения милиции по поводу, как они заявляли (И. Чубуков и Ю. Елпединский), проверки паспортного режима.

В настоящее время продолжают непрерывные звонки из АТС, от домкома, ошибочные и безгласные звонки. Продолжается непрерывная слежка за мной, куда бы я ни шла. Например, 27 марта 1981 г. я обнаружила за собой слежку. Три машины марки "Жигули" и около семи человек следовали за мной всюду. Таковы события последних двух лет, которые происходят вокруг меня.

Документы Московской группы "Хельсинки"

- № 159 (23 марта 1981 г.) *Преследования семьи Евсюковых* (Хр. 60, 61).
№ 160 (30 марта 1981 г.) *Арест Анатолия Марченко* (см. наст. вып.).
№ 161 (2 апреля 1981 г.) *"Я считаю защиту прав человека делом своей жизни"* (суд над Татьяной Осиповой) (см. наст. вып.).
№ 162 (5 апреля 1981 г.) *Арест Анатолия Корягина* (Хр. 61).
№ 163 (6 апреля 1981 г.) *На Украине арестован Иван Кандыба* (см. наст. вып.).
№ 164 (7 апреля 1981 г.) *Суд над Генрихом Алтуняном* (см. наст. вып.).
№ 165 (13 апреля 1981 г.) *Арест Михаила Зотова* (Хр. 61).
№ 166 (30 апреля 1981 г.) *Заключение Александра Болонкина становится бессрочным* (см. наст. вып.).
№ 167 (12 мая 1981 г.) *Пятая годовщина образования Группы*.
№ 168 (1 июня 1981 г.) *Новые преследования Кирилла Подрабиника в местах лишения свободы* (см. наст. вып.).
№ 169 (6 июня 1981 г.) *Жизнь заключенных Юрия Федорова и Алексея Мурженко в опасности* (см. наст. вып.).
№ 170 (27 июня 1981 г.) *Суд над Виктором Браиловским* (см. наст. вып.).
№ 171 (30 июня 1981 г.) *Новые факты преследований граждан немецкой национальности, желающих выехать из СССР* (см. наст. вып.).
№ 172 (7 июля 1981 г.) *Арест и осуждение Владимира Кислика* (см. наст. вып.).
№ 173 (8 июля 1981 г.) *Преследования евреев-отказников продолжаются* (см. наст. вып.).
№ 174 (8 июля 1981 г.) *Арест и осуждение Алексея Мясникова* (Хр. 61).

НОВОСТИ САМИЗДАТА

И. Ковалев. *Неопубликованное интервью* (февраль 1981 г., 8 стр.)

1. В каком положении сегодня находится то, что принято называть "диссидентским движением"?

Нынешнее положение "диссидентского движения" не позволяет, на мой взгляд, надеяться на его дальнейшее развитие, а может быть даже и на само существование *в том виде*, в котором оно существует сейчас. Уже не первый раз приходится говорить о стремлении властей полностью уничтожить это движение, но, пожалуй, никогда это стремление не было столь очевидно...

Сейчас основной удар властей приходится по разного рода свободным ассоциациям, многие из них в результате фактически прекратили свое существование. Один из наиболее драматических примеров этого — недавний разгром Рабочей комиссии по психиатрии...

На мой взгляд, эти аресты однозначно свидетельствуют о намерении властей вновь усилить психиатрические репрессии по отношению к неугодным...

Последнее время прослеживается и еще одна угрожающая тенденция. Все больше узников совести подвергаются повторным арестам и осуждениям — или вскоре после освобождения, или даже в конце предыдущего срока. ...

...Я думаю также, что список тех, кто будет вскоре арестован, не исчерпывается только "титулованными" правозащитниками. Есть и другое "направление удара": не только пресечь работу правозащитных групп, ассоциаций, редакций свободных журналов, но и изолировать тех, кто составляет сам нравственный стержень правозащитного движения. Я имею в виду репрессии по отношению к людям, формально не состоящим членами никакой из существующих ассоциаций, но, тем не менее, заслуженно пользующимся большим авторитетом. К акциям такого рода я бы отнес, например, высылку Сахарова, аресты Великановой, Лавута, Терляцкаса...(Я вовсе не хочу принизить значение других арестов, однако эти кажутся мне наиболее характерными.)

Я вполне допускаю, что репрессиями власти добьются своего: гласных групп и ассоциаций не станет. Остановятся ли они на этом — трудно сказать. Однако я уверен, что в этом направлении им не удастся достичь полного успеха.

Есть еще соображение, вселяющее в меня надежду. Практически на каждом политическом процессе обсуждается "нелегальная деятельность" обвиняемого. И это — о людях, выступающих ГЛАСНО против произвола! А ведь понятия "нелегальная", "подпольная" деятельность подходят скорее к действиям самих властей и их органов.

...

Так вот, покуда власти и "органы" боятся народа, с которым они воюют, и прячутся от "жалкой кучки отщепенцев", не так уж плохи дела у этих "отщепенцев" и есть еще надежда у этого народа.

2. Больше или меньше сейчас надежды, чем 5-10 лет тому назад?

На этот вопрос мне сложно ответить, т.к. он затрагивает субъективные ощущения, а мне не с чем сравнить свои ощущения. Если же говорить о сегодняшнем дне — надежда все-таки еще есть. Она поддерживается не только абстрактными соображениями, но и, как ни странно, происходящим. Например, мне случалось заметить, что уровень информированности о событиях в нашей стране западных источников бывает выше, чем обычно у наиболее информированных правозащитников. Это свидетельствует о том, что кроме "обычных информаторов" общественности появляются и какие-то новые. Жаль только, что это обстоятельство в равной степени говорит и о том, что эти новые информаторы представляют себе гласность в первую очередь как передачу правдивой информации за

рубеж, мало заботясь о ее распространении внутри страны.

3. В чем Вы видите победу диссидентского движения?

Мне кажется не очень уместным вычислять, приносит ли правозащитное движение "пользу", есть ли в нем какой-нибудь "смысл". Я представляю его не как борьбу, в которой могут быть какие-то победы и поражения, а как глубоко нравственное явление, которому чужды соображения какой бы то ни было "выгоды" (я понимаю при этом, что такое определение охватывает лишь часть тех, кого мы называем инакомыслящими, правозащитниками, диссидентами, но лучшую их часть и, если можно так выразиться, наиболее представительную). Если же все-таки говорить о каких-то результатах правозащитных действий, то, за редким исключением, можно лишь предполагать, что, не будь этих действий, человека могли бы репрессировать сильнее, чем репрессируют, несмотря на различные выражения протеста...

...Конечно, трудно говорить о победах, когда столько дорогих мне людей в тюрьмах и лагерях. Но... она, наверное, в самом существовании движения, несмотря на усилия властей. И в заметном иногда сочувствии простых людей, которым столько вдалбливают: "Отщепенцы, враги, продались", а — не помогает, не все верят.

4. Какие Вы видите недостатки диссидентского движения?

О "недостатках" правозащитного движения, движения нравственного сопротивления лжи и насилию можно говорить, мне кажется, только в нравственном смысле. Так вот, люди занимаются правозащитной деятельностью по разным причинам. Мне наиболее близко и понятно, когда они просто делают то, чего не могут не делать, когда не ищут для себя никаких выгод, а только следуют велению своего нравственного долга. Но встречаются и другие побудительные мотивы. Например, когда этой деятельностью стремятся способствовать своему скорейшему выезду за границу или, что называется, создать "политический капитал"; бывает, что стремятся получить и материальную выгоду, например, от Фонда помощи политзаключенным.

...но это недостатки отдельных людей, а недостатками правозащитного движения это можно называть лишь с большой натяжкой. Да и вообще, говорить о недостатках движения, не имеющего никакой организационной структуры, почти невозможно; можно только говорить о качествах разных лиц, участников этого движения.

5. Что значит — "помощь от Запада"? Как это конкретно понять? Например, что Вы ожидаете для себя и своих близких от Запада?

...Моральная поддержка Запада, выражающаяся в различных письмах, заявлениях, демонстрациях протеста, очень важна для нас. Очень важно также, если речь идет о каком-нибудь заключенном, чтобы кампания в его защиту не прекращалась. Во многих случаях

важна и материальная помощь семье.

Если речь идет о каких-то акциях протеста, важно, чтобы они предавались возможно большей огласке. Причем, в случае защиты узников совести, уместно доводить сообщения об этих акциях до сведения администрации соответствующего лагеря.

...

...В одном из документов Группы, обращенном к Мадридскому совещанию, говорилось, в частности, о желательности специального исследования достоверности наших документов. Я думаю, если бы такое исследование было проведено, это существенно затруднило бы властям их благодарную задачу — осудить невинного и правдивого человека, обвинив его во лжи.

Я хочу, чтобы ... чистых и честных людей, выступающих против лжи и насилия, не ищущих в этом ни выгоды, ни славы, всех себя отдающих другим, знали как можно шире. Власти стремятся обогатить этих людей. Поэтому особенно важно, чтобы правду о них знали их соотечественники. Помощь в распространении этой правды — возможно, самая большая помощь, которую оказывает Запад. На Западе переиздаются многие документы Самиздата, кое-что попадает и в нашу страну, несмотря на таможенные заслоны. Западные радиостанции читают эти документы, и советские люди сквозь вой "глушилок" слышат хоть немного правды о себе.

Одним из важнейших западных изданий такого рода я считаю "Хронику текущих событий" ("ХТС"), самиздатский вариант которой переиздает в Нью-Йорке Валерий Чалидзе, эмигрировавший из СССР активист правозащитного движения. Так вот, мне лично очень хотелось бы, чтобы этот журнал как можно больше читался в нашей стране.

6. Кажется, что правозащитников становится все меньше и меньше. Их арестовывают, сажают, они эмигрируют. По-Вашему, всегда найдутся такие люди как А. Лавут, Ваша жена Таня, Т. Великанова и т.д.? Почему?

Я действительно думаю, что такие люди всегда найдутся (это касается и вопроса о надеждах на будущее). Ответ же на вопрос почему, я так думаю, содержится уже в самой их характеристике: это альтруисты, которые не могут просто по природе своей пройти мимо несправедливости. Естественно, по-моему, надеяться на лучшее в людях. Вот поэтому я и надеюсь, что пусть их будет немного, но такие люди всегда найдутся.

7. Как Вы оцениваете тех, кто находится в "подполье": адвентистов, ИПЦ...? Может ли это стать примером для "диссидентов" или для некоторых: Фонд, Хроника, ... ?

Я понимаю, что есть и такой возможный способ противостояния как подпольная деятельность, хотя она мне и не импонирует.

... Открытое противостояние, гласность — одна из основных, возможно, главная черта правозащитного движения в том виде, в

котором оно сейчас существует. Открыто правозащитные выступления отдельных людей привели, в конце концов, к созданию различных гласных правозащитных групп и ассоциаций. Теперь власти громят их. Я не думаю, что даже в случае полного разгрома всех групп прекратятся и открытые правозащитные выступления. Однако понятно, что образование в этом случае новых правозащитных объединений приведет к их быстрейшему разгрому, пока они не успеют еще оформиться и окрепнуть. Значительно труднее пресечь правозащитные выступления отдельных лиц и огласку скрываемой властями информации о нарушениях прав человека.

Возможно, именно в этом направлении и будет развиваться правозащитное движение на новом этапе. Я думаю, что это не исключит существования по крайней мере некоторых свободных ассоциаций. Вероятно, таких, которые и сейчас не совсем "открытые". Например, ни для кого не секрет, что Фонд имеет сейчас одного объявленного распорядителя, но у него есть множество необъявленных помощников. Или выходящий уже тринадцатый год информационный журнал "Хроника текущих событий", не имеющий объявленной редакции: это издание я считаю почти неуничтожаемым, настолько велика потребность в достоверной и полной информации.

Если же мои надежды на то, что на новом этапе правозащитное движение лишь примет новые формы (вероятнее всего — близкие к хорошо забытым старым), не оправдаются, и оно перестанет существовать, боюсь, что на смену ему придут террористы, и тогда власти также ответят террором, масштабы которого трудно предсказать. Это может оказаться гибелью не только правозащитного движения, но и страны. Единственное, что я могу этому противопоставить — продолжать открыто выступать против произвола.

Новая тактика КГБ — начало массовых репрессий? (4 стр.)

Проанализировав процесс Г. Алтуняна (см. наст. вып.), анонимный автор по поводу максимального приговора Алтуняну пишет:

Надо полагать, что это решение — не каприз харьковских местных властей. Оно имеет общий политический смысл: можно связать его с арестом другого ветерана правозащитного движения А. Марченко, с повторными осуждениями В. Барладяну, Р. Маркосяна, В. Черновола, Р. Костерина, М. Морозова, В. Стуса, М. Горбала, В. Лисового, К. и А. Подрабинеков, с недавним повторным арестом А. Болонкина и другими подобными событиями. Видимо, КГБ, разгромив основные центры активности правозащитного движения, переносит огонь по резервам. Один из таких резервов — ветераны. Даже "отойдя от дел", они остаются знаками и точками связи движения (их все знают, к ним можно приехать, что-то сообщить, передать). Но ветеранов мало. В провинции уже давно арестовывают просто сочувствующих. В Москве такие люди стоят у здания суда и скандируют имена подсудимых или подписывают коллективные

протесты и т.п. В провинции они и этого обычно не делают, но достаточно неосторожного слова. Жертвы избираются произвольно: одна из 10, из 20, в каждом случае процесс ведется грубыми натяжками (Алтуний был не более активен, чем друзья, забросавшие его цветами). Остальным предоставляется годами выносить пытку страхом и постепенно переходить от пассивности резервиста к пассивности дезертира, прервавшего все связи со старыми друзьями, забившегося в подвал и с трепетом прислушивающегося к стуку каблучков по тротуару.

* * *

Будет ли новая тактика КГБ иметь успех? Степень моральной устойчивости инакомыслящих трудно учесть. Есть, однако, два фактора, способные вызвать спонтанные взрывы недовольства и расширение оппозиции: события в Польше и рост продовольственных трудностей. Оба эти фактора КГБ контролировать не может.

Ю. Орлов, А. Щаранский (2 стр.)

Краткая биография Ю. Орлова (Суд – Хр. 50) и Анатолия Щаранского (суд – Хр. 50).

В резюме проводится мысль, что "одно из самых поразительных свойств советской машины власти" – "изоляция ее "высшего эшелона", т.е. тех, кто участвует в "принятии решений", от внешнего мира, от объективной информации, в том числе – от информации о действиях КГБ".

Опасная свобода действий КГБ за последнее время существенно возросла – ее частные проявления: глушение западных радиопередач, обращение с академиком Сахаровым, жестокие репрессии в отношении женщин – участниц правозащитного движения (Татьяна Осипова, Татьяна Великанова, Мальва Ланда, Ирина Гривнина) и т.п. Личное обращение главы другого государства к руководителям СССР – это, может быть, единственный вид информации, который автоматически проникает через референтские барьеры и не может блокироваться КГБ. Постановка на высшем уровне вопроса о судьбе советских правозащитников, передача лично Брежневу ходатайств от общественных организаций Запада в защиту Орлова, Щаранского, репрессированных женщин и др. может быть для советской бюрократической машины сдерживающим фактором и способствовать той терпимости, которая до сих пор каким-то чудом удерживала советские танки от вторжения в Польшу.

Ю. Гастев. Бесценный дар свободы (май 1981 г., 2 стр.)

Саша Лавут был первым новым человеком, которого я узнал, выйдя из лагеря в сорок девятом году. ...

... в пятьдесят шестом году нам не пришлось "раскрывать глаза".

...Но мы узнали, мы поняли главное: мы свободны!

Как раз тогда... я заново познакомился с Сашей и сразу же очень подружился с ним и полюбил. С тех пор этот прекрасный человек не только непрерывно связан для меня с "физическим" выходом на волю и обретенным еще через семь лет сознанием свободы, и даже не со свободой слова, которой он так послужил: он вообще олицетворяет для меня всяческую СВОБОДУ (мысли, чувств, поступков, самой жизни), которой мы вроде бы лишены начисто, по всем статьям, но если уж говорить всерьез, с которой нас никто и никогда не в силах заставить расстаться.

Теперь Саша в тюрьме. ...

... я говорю именно о Саше просто потому, что особенно люблю его, так как знаю его дольше других своих друзей-соузников. И все равно мне трудно найти для него достойные слова. Саша очень добр и сердечен. Он любит не только свою семью (четверо внуков – не шутка) и своих друзей, он вообще л ю б и т л ю д е й . Он на редкость отважен, как бывают отважны только очень скромные люди (нескромность для них невозможна, как всякая безвкусица и бескультура), говорящие негромко не потому вовсе, что они такие уж "тихие", а просто незачем громче, и так слышно. Он искрениво весел и как-то органически остроумен – остроумие его, как и ум, нисколько не навязчиво.

Саша удивительно самоотвержен, у него очень хорошее лицо, чудная улыбка. Я счастлив, что Саша Лавут – мой друг, и горжусь этим. Я не знаю человека, знающего его и не любящего. Мне даже кажется часто, что его нельзя не любить, но тут я очевидным образом неправ, во всяком случае, если условиться считать, что служащие ведомства фиска и сыска – тоже люди.

Да и то сказать – за что им любить его? Ведь он поистине

дитя добра и света,

Он весь – свободы торжество!

И странно было бы требовать от людей несвободных, душителей свободы, чтобы они любили свободу. Не каждому по силам владеть этим даром, воистину бесценным: заплатить за него нечем, кроме как с в о е й свободой.

Ю. Гастев. *Дом на улице Марченко* (май 1981 г., 4 стр.)

Во Владимирской области, недалеко от Александрова, есть небольшой городишко Карабаново, с текстильным комбинатом и железнодорожной станцией. Еще недавно он официально именовался поселком и таковым, разумеется, и остался фактически; заовражная же его часть, так называемый поселок Первомайский, – типичная среднерусская деревня. Именно здесь, на улице Ленина 42, стоит недостроенный двухэтажный дом. Трагическая судьба этого дома и его хозяина – строителя Анатолия Марченко, будничная и неповторимая, как вся наша жизнь – подлинная сага наших дней. Эта

быль далеко еще не дожита и не дописана, и настанет, я убежден, время, когда улицу эту назовут улицей Марченко, что будет вполне справедливо, поскольку первый председатель Совнаркома, при всех своих неоспоримых исторических заслугах, все же, по-видимому, не в этих краях изобличил большинство своих учителей и соратников в недостаточной революционности и недостаточной верности философским воззрениям Демокрита, Дидро и Фейербаха, а вот соседи Толи Марченко, будь они достаточно дальновидны и интеллигентны, могли бы уже сейчас гордиться своим замечательным соотечественником-современником.

А человек он действительно замечательный. Сейчас он во Владимирской тюрьме, это *ш е с т а я* тюрьма в его жизни...

За что? – спросите вы. Да за то, что настаивает на своем праве (это право зачем-то именуют конституционным, поскольку оно специально оговорено в последней редакции Конституции нашей демократической страны, но Толя считает его само собой разумеющимся, как говорили ученые люди в старину, *е с т е с т в е н н ы м*) *ЖИТЬ У СЕБЯ ДОМА* и всегда, и везде всем *ГОВОРИТЬ ТО, ЧТО ДУМАЕШЬ*.

... Он не агитатор, не пророк, не функционер – он просто *ТАК ЖИВЕТ*...

...и в каких бы дальних Палестинах и Нарымах ни пришлось кончать жизнь, я знаю: это *н а ш а* страна... Ваших улиц, какие бы таблички на них ни вешать, каких бы истуканов ни ставить, нет, не может быть, и не будет никогда, память о вас сгниет еще при вашей жизни. А наши – есть и будут всегда. И если даже ни Толе Марченко, ни мне не пожить уже в доме на улице Марченко, то уж детям нашим – бывать там и жить.

Н. Комарова. *Надежда Суровцева* (апрель 1981 г., 3 стр.)

Очерк о судьбе Надежды Витальевны Суровцевой, одной из старейших (1896 г. р.) писательниц Украины.

Почти 30 лет (с 1927 по 1956) Суровцева провела в ГУЛаг'с (се муж из лагерей не вернулся). Начиная с 1972 г. она неоднократно подвергалась обыскам (см., например, "События на Украине" в наст. вып.), на которых изыали весь ее литературный архив.

В жизни всегда нужно находить силы держать голову прямо. Это первый урок, который я вынесла от знакомства и близости с Надеждой Витальевной.

В жизни всегда есть то, чему нужно радоваться. И, значит, нужно улыбаться. Это второй урок.

Жизнь интересна, ее нужно смотреть. И жить нужно. Это третий урок.

В. Вардомцев. *Общая боль* (октябрь 1980 г., 7 стр)

Автор утверждает, что "покаяния" о. Дмитрия Дудко (Хр. 57) достигнуты психотропными средствами.

Повторяю, в использовании ГБ психотропных средств трудно сомневаться после того, что становится известным о самочувствии о. Дмитрия, Льва Регельсона, Виктора Капитанчука и о. Глеба до переломного момента на суде.

...

Сейчас о. Дмитрий стоит на том, что не отказывается ни от одной буквы из сказанного им ранее, будет продолжать свое пастырское дело, обретая для него новые формы и новые пути.

Автор призывает простить Дудко, говоря о том, что как человек он покаялся, а как священник никого и ничего даже и не предал.

В. Вардомцев. *Возможно ли раскаяние и самоограничение без прощения?* (март 1981 г., 10 стр.)

Передо мной работы о. Дмитрия Дудко, написанные им после июньского "интервью":

- "Мое покаяние";
- "Письмо ко всем моим духовным детям";
- "Можно ли с безбожниками говорить на их языке?"

...

Все три работы объединены одной темой: покаянием-прощением. В "Моем покаянии" о. Дмитрий просит христиан простить его и молиться за него. В "Письме к духовным детям" к просьбе о прощении добавляется призыв к своим духовным чадам: простите друг другу ваши прегрешения и расхождения и станьте едины. В статье "Можно ли ..." о. Дмитрий находит, в чем каяться и перед безбожниками...

...

... изменилась ли позиция о. Дмитрия по сравнению с той, которая была до ареста? Нет! ("Вот мое последнее слово: я такой же, как и был ... Не обращайтесь внимания ни на заявление в печать, ни на выступление по телевидению. Это не мое. Мое — мои книги, проповеди".) Она последовательна, принципиальна, неизменна. Открываются только новые повороты на пути, новые формы. Не только вина, но прежде всего крест судьбы о. Дмитрия в том, что в трудную минуту оказался он обезоруженным с точки зрения правил борьбы в мире сем и открыт душой...

...

... спектр христианского фронта широк. Если на одном полюсе его — героическая борьба и бескомпромиссность людей с сердцем христианина (А. Сахаров, В. Буковский, Т. Великанова), то на другом — любовное раскрытие объятий для живых мучимых и мучающихся людей, для самого падшего, заблудшего, для гонимого, но

и для гонителя — ведь он несчастен даже более нашего, потому, что "мы с Богом и нам легче, а он без Бога".

...

В отношении власти к Русской Православной Церкви начинают проявляться новые тенденции. Ее намерения перестали быть однозначными. ... Судя по всему, в ближайшие годы в вопросах внутри-церковной жизни будет допущена некоторая свобода. Но только при условии отказа противостоять основным идеологическим ценностям: государственной и национальной мощи. И не только отказа от борьбы, но и служения им.

И вот здесь еще раз проявилось, что голос о. Дмитрия Дудко остается и выражает совесть Русской Православной Церкви.

...

А. Шатравка. *Как я встречал XXVI съезд КПСС* (19 стр.)

Автор излагает историю своей "предсъездовской" принудительной госпитализации (Хр. 61), а также обстоятельства "олимпийской" и ноябрьской госпитализаций 1980 г.

Этап (6 стр.)

Очерк составлен по письму заключенного.

А. Зеляков. *45-й лагпункт* (4 стр.)

Инвалид 2-й группы А. Зеляков свой очерк об инвалидной зоне посвящает "памяти забытых и погибших зеков-инвалидов".

...

В Днепропетровской тюрьме, среди ожидавших "столыпина" калека, я разговорился с выехавшими оттуда людьми. И услышал:

— Зря ты рвешься, земляк, в этот крематорий! Угробилровка там настоящая — ни лечения, ни жратвы. Эти гады, наоборот, стараются на тот свет побыстрее отправить, но без шума, чтобы все было шито-крыто: изобьют до смерти в ШИЗО, а запишут, что повесился. Так что, брат, лучше на рабочей командировке копошиться помаленьку, чем сдыхать в этом Советском Бухенвальде.

...

Зона внешне ничем не отличается от обычного лагеря, но, как инвалидная, имеет свои внутренние специфические особенности и свои "воспитательные методы": нет утомительных разводов на работу, не увидишь стройных колонн, марширующих в столовую, зато почти ежедневно два дюжих санитара равнодушно волокут из какого-нибудь барака в морг очередного "освободившегося" покойника. И поучительная эта картина должна благотворно влиять на душевное состояние арестантов.

...

Я, не успев осмотреться, был вызван к отрядному. Молодой, на-

чинающий жиреть лейтенант Яценко, встретив меня нахальной улыбкой, предложил в приказном порядке заняться общественно-полезным трудом — выкапыванием траншеи.

— Позвольте, — возразил я ему, — у меня вторая группа, поэтому меня сюда и привезли.

— Вы — ходячий, — заорал он, — а ходячие у нас все пашут, понятно или нет? — быстро идите и имейте в виду, у нас не жалуются, до Киева далеко, а до Москвы еще дальше.

И я пошел на работу.

В бригаде моей было сорок человек. И для всех эта непосильная, бесплатная работа была изощренной пыткой, санкционированной инструкцией сверху. А денег на карточку практически не клали, и мы знали об этом. Как-то мы спросили "хозяина" — нач. режима майора Годынника:

— Зачем нужна инвалидная зона, если и в ней заставляют вкалывать как здоровых?

— Вы — досадный балласт нашего общества, — отвечал он, — чем расстреливать, лучше сносить на работе, извлекая при этом пользу для общества. ...

Желающие нажиться осваивают технику выбивания золотых зубов у заключенных, как в "добрые" нацистско-сталинские времена. Жены всех начальников по уши увешаны золотом живых и покойников, определяющим положение своих "золотозубых" мужей.

В конце очерка Зеляков сообщает имена 12 заключенных-инвалидов, погибших в зоне в 1976-1977 гг. "за попытку передать на свободу сообщения о творящихся здесь безобразиях".

И. Геращенко. *Скрытый резерв* (2 стр.)

Описание действия телефонных аппаратов с дополнительной, непредусмотренной стандартной схемой, деталью (диодом) отечественного производства. Подобные телефонные устройства, по мнению автора, могут быть использованы для передачи на телефонную станцию всего, что будет сказано около них при положенной на рычаг трубке. Изъятие описанной детали не отражается на нормальной работе телефона. Проверить это автор предлагает читателю.

Н. Алексеев. *Заметки рабочего* (1981 г., 5 стр.)

Отшумела десятая пятилетка.

По всей стране, по всем заводам — от крошечных, по производству настольных ламп, до гигантских сталелитейных и секретных военных распрямилась облегченно люди: кончилась лихорадка авралов, штурмов, сверхурочных работ.

Но ненадолго. На пороге следующее пятилетие. И снова вдохновенным ударным трудом призывают нас ознаменовать съезды, юбилеи, внутренние и внешние начинания правительства.

Автор описывает некоторые способы, которыми достигается выполнение плана. Кроме "разрекламированных" в печати субботников, воскресников и ударных недель, нередко случаи работы в субботу и воскресенье в приказном порядке (по согласованию с профсоюзом):

В связи с возникающими осложнениями в выполнении государственного плана, вызванного ... большим количеством простудных заболеваний, связанных с эпидемией гриппа, приказываю: ... организовать работу в субботу.

(Такой приказ был издан 21 января на Московском автозаводе им. Ленинского комсомола генеральным директором В.Л. Мельниковым.)

К 60-летию со дня рождения академика Сахарова (1981 г., 13 стр.)

Сборник содержит биографическую хронологию "Некоторые события научной и общественной деятельности Андрея Дмитриевича Сахарова" (в 1965 г. Сахаровым было напечатано 2 научных статьи, в 1966 – 3, в 1967 – 4, в 1969 – 2, в 1972 – 1, в 1974 – 1, в 1975 – 2, в 1979 – 1, в 1980 – 3) и "Открытое письмо президенту АН СССР А.П. Александрову" от 20 октября 1980 г. (Хр. 60).

Бюллетень № 11 Инициативной группы защиты прав инвалидов в СССР (30 марта 1981 г., 32 стр.)

На титульном листе – Ю. Киселев и В. Фефелов (ср. Хр. 60)

В Бюллетене – два обращения Инициативной группы в Президиум XXVI съезда КПСС (призыв об амнистии и призыв поддержать инициативу ООН, объявившей 1981 год Международным годом инвалидов), открытые письма Группы в Президиум Мадридского совещания (предложения о финансовой помощи инвалидам за счет сокращения военных ассигнований и о введении "нравственной подготовки" солдат), Папе (призыв способствовать созданию в СССР "широкой сети благотворительных организаций" на религиозной основе) и патриарху всея Руси Пимену (призыв рекомендовать священникам в проповедях "уделять внимание святому долгу каждого христианина по отношению к беспомощным и немущим"), заметка о награждении министра социального обеспечения РСФСР Д. Комаровой, ответ начальника отдела международных связей Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам А.Ф. Бордадына руководителям Европейской организации содействия инвалидам, документы Инициативной группы № 20 "Свидетельствуют письма...", № 21 "В атмосфере человеколюбия" (о судьбе члена Группы Ф. Хусаинова) и № 22 "В Крыму сгорел дом Ю. Киселева" (Хр. 61), сообщение об аресте Н.С. Павлова (см. "Аресты" в наст. вып.), о "предсъездовской" госпитализации Ю. Валова (Хр. 61) и о задержании члена Группы О. Зайцевой (см. "Преследования Инициативной группы защиты прав инвалидов" в наст. вып.), заявления Группы в защиту Ф. Сереброва (арест – Хр. 61) и инвалида Отечественной войны В.К. Первушина (за жалобы на незаконное увольнение его принудительно госпитализиро-

вали), а также "Декларация прав инвалидов" (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1975 г.).

"Информационный бюллетень СМОТа"

№ 12 (1981 г., 10 стр.)

№ 13 (1981 г., 10 стр.)

В № 12 — "Завершение пятилетки" (сопоставление плановых и отчетных данных), "Что и сколько сделал Картер", заявление редакции журнала "Поединок" (Хр. 61).

В № 13 — "Итоги съезда", "Что почем", "Россия поддерживает Польшу".

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ

6 августа 1980 г. сотрудники Московской городской прокуратуры провели обыск на квартире А. Мясникова (арест — Хр. 60, суд — Хр. 61).

На обыске были изъяты неопубликованные произведения Мясникова — статья "173 свидетельства национального позора или о чем умалчивает Конституция" и повесть "Встречи" (именно за них Мясников получил "срок", а также повесть "Вдали за косогором", рассказ "День и вся жизнь", эссе "Голос из тьмы").

На последовавшем после обыска допросе Мясников признал свое авторство, но отказался признать клеветническое содержание изъятых произведений. Следователь Боровик, проводивший допрос, безуспешно пытался добиться от Мясникова показаний, компрометирующих его товарища Олега Попова.

Того же безуспешно пытался добиться следователь Воробьев, допрашивавший Н. Омельченко, жену Мясникова.

Дело Лупиноса

Сообщения о А. Лупиносе в Хр. 57, 61 можно уточнить и дополнить.

16 июня 1980 г. народный суд Смелянского р-на Черкасской области при участии председателя Черкасского областного суда В.И. Малеванного и народного судьи Смелянского р-на В. Иванова определил перевести А. Лупиноса из психбольницы общего типа в психбольницу специального типа по обвинению в побеге.

21 июня А. Лупинос был отправлен из Черкасской областной психбольницы № 1 (г. Смела) в Днепропетровскую СПБ, однако там отказались его принять, т.к. определение суда еще не вступило в законную силу — не был выдержан срок для обжалования. Лупиноса вернули в Смелу. Там "16 июня" было переправлено на "10 июня" и он снова был отправлен в Днепропетровскую СПБ, которая на этот раз его приняла.

* * *

26 июня отец А. Лупиноса Иван Трофимович Лупинос обратился в Черкасский областной суд и к прокурору Черкасской области с жалобой. Черкасский областной суд известил, что жалоба отправлена в народный суд г. Смела, который дал такой ответ:

На Вашу жалобу, адресованную в областной суд и прокуратуру области, народный суд г. Смела сообщает, что Ваша кассационная жалоба на определение народного суда от 10.6.80 г. об изменении принудительных мер медицинского характера Лупиносу А.И. 22.7.80 г. возвращена Вам, так как Вы не были опекуном до 16.7.80 г. и в силу закона не имели права обжаловать определение суда в кассационном порядке.

Председатель Смелянского городского
народного суда

Р.И. Кушель

Из прокуратуры Черкасской области И.Т. Лупинос получил такой ответ:

Прокурор Черкасской области 21.08.80 г. № 4/1266-80.

Ваша жалоба прокуратурой рассмотрена. Проверкой установлено, что народный суд г. Смела вынес определение об изменении Лупиносу А.И. принудительных мер медицинского характера на основании ходатайства Черкасской областной психиатрической больницы.

Утверждение в жалобе о том, что решение этого вопроса является юрисдикцией областного суда, является ошибочным, т.к. в соответствии со ст. 422 УПК УССР этот вопрос решается судом, применившим эти меры, или судом по месту лечения.

На день рассмотрения дела судом, т.е. 10 июня 1980 г., Вы не были опекуном, поэтому народный суд не извещал Вас о дне слушания дела и согласно закону Вы не имели права на подачу кассационной жалобы.

По делу участвовали прокурор и адвокат Смелянской юридической консультации т. Никифоров О.И.

Жалоба признана необоснованной.

Прокурор отдела
по надзору
за рассмотрением
уголовных дел
в судах —

И.Ю. Сторчевой

На самом деле, И. Т. Лупинос является опекуном сына с 1973 г. и справка об этом находится в деле сына. В областном суде И.Т. Лупиносу сказали, что нужна справка, что он является опекуном. Он обратился за справкой в сельсовет, те послали его в районный архив, те — в Черкасский областной архив, где справку и нашли. Он пошел к прокурору, тот послал его в юридическую консультацию. Там его уговаривали оформить опекунство вновь. Он снова поехал в сельсовет, где 16 июля 1980 г. ему

выдали новую справку, после чего суд и ответил, что на день суда он не был опекуном.

И.Т. Лупинос – 1906 г.р., всю войну воевал. Мать Анатолия А.А. Лупинос умерла в 1979 г.

* * *

В декабре 1980 г. А. Лупиноса перевели в Орловскую СПБ. 6 июня 1981 г. медицинская комиссия рекомендовала перевести его в психбольницу общего типа.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аберсон А. 7
 Абраменко Л.М. 67
 Абрамкин В.Ф. 45-47
 Абрамович П. 96
 Абрикосов 162
 Абрикосов П. 127
 Авакян Сирвард 15,
 24, 123-134, 138-140,
 151
 Аверинцев 56
 Авторханов 16, 17, 21
 Агабабян Оганес 76-
 77
 Агароян Аветис 77
 Азадовский Констан-
 тин Маркович 41
 Азарх Самуил 124
 Айриян Паруйр Ар-
 шакович 126-127
 Александров А.П. 102, 177
 Александров В. 35
 Алексеев Н. 176-177
 Алексеева 105
 Алексеева Е. 38, 105
 Алексеевко Елена 35,
 52
 Алишев 154
 Алтунян Генрих Ова-
 несевич 60-65, 132,
 166, 170-171
 Альтшулер Б. 14
 "Анатолий Ивано-
 вич" 53
 "Андреев Валерий
 Павлович" 99-100
 Андреев Константин
 19, 22, 23
 Андропов Юрий Вла-
 димирович 25, 38, 96,
 125, 157
 Антонив Елена 70
 Анцупов Евгений
 Михайлович 72-74
 Анцупов С. 74
 Апибян Ашот 75, 76
 Арджеванидзе Мзия
 Валиковна 82
 Арутюнян Вартан 76-
 77
 Арутюнян Мрзпет
 76-77
 Арутюнян Шаген 77,
 151
 Арутюнян Э. 137
 Арцимович Светла-
 на 9, 11
 Асатрян С. 75
 Ахтямова М.Ф. 60
 Аш Семен 106
 Ашихин 91
 Баазов Герцль 121
 Баазова Софья Аб-
 рамовна 121-122
 Бабеньшев Алек-
 сандр 125
 Бабеньшева С.Э. 125
 Бабусенко 32, 62, 65
 Багин 87
 Бадзю Ю. 74, 129, 140,
 141, 142-143, 144
 Баженова М. 48
 Бакученис 79
 Балахонов В. 128-
 129
 Балацкий А.Н. 88
 Балашов 39-40, 41, 48
 Балхасянц К. 7
 Баранов В.А. 157
 Барладян В. 170
 Бахмин Вячеслав 19,
 33, 34, 37, 38, 93, 136
 Башкевич А. 138
 Башлыкова Н.Н. 87
 Бегун 94
 Бейлис Мендель 109-
 110
 Белобородов О.Я.
 137
 Белов 36, 133
 Белов Ю. 29
 Белоус М.Я. 115
 Беляев 139
 Бергер Иосиф 122
 Бердник А. 131
 Беренштейн Иосиф
 114, 117
 Беренштейн Фаина
 117
 Бернадский В.И. 115
 Благих М.Ф. 28, 29, 30
 Благих Я. 29
 Богачев 131
 Богданов В.В. 93
 Боголюбов Генна-
 дий 43
 Богораз Лариса 9, 11-
 12, 13
 Божко С. 57-58
 Бойко Николай 85-
 86
 Бойцова Л. 128-129
 Бойчук 88
 Боков 107
 Боков Н. 9, 10
 Болонкин Алек-
 сандр 127-128, 166,
 170
 Бонзина 85
 Боннэр Е. 10, 14, 23,
 146, 152, 153
 Бордадын А.Ф. 177
 Борисов Владимир
 48, 104
 Борматов В. 131
 Боровик 178
 Боровский В. 61, 62,
 64
 Борона 88
 Браиловский Вик-
 тор Львович 93-96,
 110, 164, 166
 Брандт В. 40

Брандт И.Х.	116	Вилл Иван	86	Гершуни В.	51
Брежнев Леонид		Виноградов	94	Гефтер М.Я.	47
Ильич 38,73,86,110, 123,129,142,147,171		Виноградов Г.М.	129	Гемуев И.Н.	57,58
Брезгин Н.И.	129	Виноградов Игорь	124	Гинзбург А.	25,146
Бречко А.М.	97-98	"Владимир Павло- вич"	37	Гитлер	107
Бродский	115	Власенко П.	30	Глеб см. Якунин	
Бродский В.	96	Войницкий	85	Глеб	
Бублик С.Д.	115	Волков	131	Глебов	91-92
Бубуян Ася	77	Волкова Анастасия	152	Глушенков	89
Будкевич	18,21			Гоголев Л.Д.	67
Будкин	91	Волкова Клавдия	152	Голицын Владимир	28
Будко А.А.	28			Головань	67
Бузач П.	132	Волохонский Лев	151	Гольдштейн Г.	120-121
Бузинников Евге- ний	151	Волошин	9	Гольдштейн И.	118-121
Буковский В.	29, 174	Воробьев	178	Гонтарь И.Т.	88
Булах Э.	123	Ворона А.	29	Гончарук	85
Булгаков	66	Вуль Леонид	53-55	Горбаль М.	170
Бунаков	87	Высоцкий В.	75	Горбачев С.	136,163
Бурцев Ю.А.	45-46, 47,55-56	Гаврилов	157,159	Гордеев	56
Бутченко Ю.	128,131	Гагарин	88	Годынник	176
Быков Владимир	35, 52	Гайниченко С.	19, 129,130	Горынь Андрей	66
Быкова Е.	118-119	Галецкий Ростислав Николаевич	83	Горынь Михаил	70
Вайль В.	7,102	Галиновский Лео- нид	115	Готовцев Александр	35,52-53
Вайчюнас Витаутас	78, 78-80	Галиулин Р.	128	Гофштейн Елена	111, 117
Валов Ю.	177	Гандзюк В.	134	Грабовский	109
Вальдхайм Курт	114	Ганнушкин	164	Градук Ю.	115
Варвак Леонид	114-115	Гапенков	161	Гривнина Ирина	33, 34-41,48-49,50,52, 54,105,171
Варвак Лилиана	114-115	Гарус Любовь	83	Григоренко	29,40, 61,64
Вардомцев В.	174-175	Гастев Ю.	125,171-172	Гримм Ю.	45,93
Варнавский	100-101	Гаяускас Балис	131, 149	Грищенко	61,62,64
Варшавский	30	Гаяускене И.	149	Гроссман Дина	124
Великанова Екате- рина	9,11	Гветадзе	119	Губинский	24
Великанова Татьяна	10,18,40,72,129,130, 167,169,171,174	Гекоглаян Элиз	76	Гудайтене	81
Величко	159	Гель И.	131	Гумилев	9,115
Верзин В.А.	113	Генчу Анна Трофи- мовна	83	Гуревич А.	96
Вигдаров Г.	7	Герашенко И.	117, 176	Гуревич М.	159-160
		Германюк С.Г.	88	Гутник Н.	137
		Герчак Григорий	71	Давыдов Виктор	43
				Даглаев Г.З.	138
				Даль В.	45

Данилов	42	Ельчанинов	163	Кавешников В.И.	
Данилов В.	59	Емельянов	94		112,117
Даниэль Александр		Емельянов Ю.В.	98	Кавсадзе	120
	9,11	Ень	62	Кадук Вера Степа-	
Дарменкулов	154,	Еременко Арнольд		новна	82
	155	Алексеевич	42-43	Казачков М.	128
Дашкевич Ярослав		Ешмантас Г.	130	Каландадзе	121
	70	Жакоби см.Джакоби		Квлеп Вельо	78
Демокрит	173	Желтов	18,21,23	Калистратова С. 16,	
Денисов Юрий	35,51-	Желудков	36		36
	52	Жданов	37	Калиниченко	64
Денисова Н.	52	Жилин	126	Каляшин А.А.	89
Деревенскова Е.М.		Жовтько Я.А.	138	Канаян Драстамант	
	36	Жуков Ю.	36		77
Дешко Михаил	86	Журавлев	109	Кандель В.М.	57
Джакоби Д.	146	Забелин	156	Кандыба Иван Алек-	
Джексон	145	Зайцев Валерий	10	сеевич	70-71,166
Джемилев Мустафа		Зайцева Ольга	59-60,	Каневский В.	114
	154		177	Капаев В.Н.	34,36,37,
Джемилев Р.	137	Залозная Ольга	83		38-40,48,52
Дзержинский Фе-		Зарубин В.М.	156	Капитанчук Виктор	
ликс	33	Захарченко	75		19,174
Дзюба Юрий В.	30,	Здоровый А.К.	31	Капишев С.	155
	34,62,63,64,65,117	Зеленов	91-92	Каплун Ирина	104
Диденко Петр Пав-		Зеляков А.	175-176	Каплун М.Л.	104
лович	83	Зимин	75	Карасик С.З.	61
Дидро	173	Зиненко А.А.	129	Каратаев Б.Б.	56,
Дикман Николай	86	Зинич	71		125
Дирксен Яков	86	Зинченко А.	61,62,	Кардасевич Л.	34-35
Дмитриева	30		64,132	Карпенко	67
Дмитриевский Е.А.		Зинченков	102	Карпенюк М.	133
	60	Зотов 11,12,101,116		Картер	178
Домотицкая Л.	70	Зотов К.И.	103	Кац В.	7
Дрибноход Алек-		Зотов Михаил Ва-		Кашик А.С.	50,161-
сандр	88	сильевич	36,44-45,		162
Дротенко	62,65,75		166	Кашкин Вячеслав	
Дудко Дмитрий	29,	Зубко Станислав			156
	163,174-175		112-113,114,117	Кетова	105
Дунаев А.В.	43	Иванов	103	Килланин М.	16
Дыбенко Н.	81	Иванов В.	178	Кириченко Светлана	
Дядькин И.	137,163	Иванов Иван Серге-			74,129
Евсюковы	166	евич	15	Киселев Ю.	177
Егиазарян Самвел		Иванченко А.	37	Кислик Владимир	
	76-77	Ивлюшкин	133	Самуилович	108-111,
Елагин Н.	160	Игнотас	79		113,114,117
Елагина Е.И.	165	Иисус Христос	85	Кише	105
Елпединский Ю.А.		Иконников Михаил		Клименко	64
	165		48-49,52	Климов В.М.	57

Клоц Б.	7	Крайник Николай		Лиденко Петр Пав-	
Книжник И.	114		144	лович	70
Кнох	107	Красивский З.	70	Лисовой В.	170
Кобзистый	156	Крейдлин Григорий		Листвина Людмила	
Ковалев Иван	14,15, 19-20,21,24,26,27, 35,130,132,148-149, 166-170		94	129,130	
Ковалев С.	80,128, 148-149	Кремень Г.	96	Литовченко Людми-	
Ковалевы	153	Кремень И.	96	ла	71
Коваленко Н.В.	102	Кривов	9,10,48	Лобань	88
Ковальчук Василий		Кронрод В.	161-162	Лозинг Роберт	122
Петрович	82	Крылова Н.	42	Лозовский Л.	163-
Ковальчук Т.	112	Кувакин Всеволод		164	
Коганская Майя	71	35,36,37,48-53,161		Локшин Яков	106, 118
Кожевникова	105	Кудрявцев	159	Лоренсзон Алексей	
Козорезов Алексей	86	Кузнецов	133	100-101	
Козленко Ю.А.	138	Кузнецов Э.	146	Лотюк С.В.	156
Козорезова Алек-		Кузнецова Л.И.	89-	Лохвицкая Лариса	
сандра	86		90	Юрьевна	66-69
Козорук	61,63,64	Кукк Юри	7-8	Лубенцова В.Г.	14, 15,17,19,22,26
Кокорев А.Х.	83	Курносов Валерий		Лукаускайте-Пош-	
Комар Д.В.	116	Алексеевич	89-92	кене Она	79
Комарова Д.	177	Кушель Р.И.	179	Луковников А.С.	41
Комарова Н.	173	Лавут Александр	9, 50,93,132,133,158, 161-162,167,169, 171-172	Лукияненко Л.	70
Комарницкий Е.	42	Ладензон Б.Я.	61	Лукиянович	133
Коновалихин В.	151	Лакотош Павел	86	Лупинос А.А.	180
Коновалов	34	Ланда Мальва	10,171	Лупинос А.И.	178-
Кораблев В.П.	60	Ларичев	55	179	
Корецкий В.Л.	116	Лауринавичюс Бро-		Лупинос Иван Тро-	
Корнакова Л.П.	56	нюс	79	фимович	179-180
Коростелев А.Ю.	104	Лебедев	36	Луцик	18
Корягин Анатолий		Левашова Елена	132	Львов	75
Иванович	27-34,75, 117,132,166	Левинштейн В.	114	Львовский М.	96
Коряков	61	Левицкая А.	112-113	Любарский К.	35
Костерин Р.	170	Левценюк Анатолий		Любимов	89
Костерина Е.А.	40		86	Лякишев	90-91
Костюченко Григо-		Левченко А.А.	35,49, 50-51,53	Магарик В.	7,98, 101-102
рий	87	Леглер Виктор	55-56	Магидович А.	133, 158
Косулин	61,62,64	Леглер Наталья	56	Мадиссон Тийт	78
Косулина	63	Лементарчук	67	Мазур Дмитрий	129, 144
Кошаровский Ю.	96	Ленин	33,145,172	Майбоженко В.Н.	67
Кравцов Б.В.	159	Лейкин А.И.	106	Майоров А.Г.	18,21
Кравчук	85	Лейн Евгений	106-	Макар-Лиманов Л.	
			107		96
		Лепилина С.	41	Макаренко	67
		Лернер А.Я.	164		

Макаров В.Д.	163	Мисевра А.П.	28	Никитин Г.А.	31
Макбрайд Шон	143	Миттеран Франсуа		Никифоров О.И.	179
Макеева Валерия	156		149	Никлус Март	8,131
Макклеллан В.	105	Михайлов Иосиф	156	"Николай Борисович"	54
Макклеллан Ирина	105	Михеичев В.И.	98	Никонов	73
Максимов Александр	140	Мицкевич Валентин		Новак Леонид	
Малеванный В.И.	178		35		163
Мальцева Наталья	151	Мищенко	111,117	Новиков Марк	93
Мандельштам	115	Мкртчян Ишхан	76-77	Новиков О.П.	132
Мандельштам Н.Я.	58	Мокин	112	Новожилов И.С.	87
Маначурян Акоп	76	Мордвинов Б.	18	Нудель И.	118
Маначурян Александр	75-76	Морозов М.	130,131,170	Овсиенко Василь	127
Маначурян Арам	76	Мошкевич И.М.	75	Овчинников	116
Маринович М.	128	Мураускас	78	Оганян Рафаэль	15,139
Мария Дева	79	Мурд Херберт	81	Огородников А.	132
Маркосян Размик	151,154,170	Мурженко Алексей	71,131,145-148	Огурцов В.В.	36
Маркс	33	Мурженко Любовь	71,145-147,166	Огурцов И.	36
Марсал Артур Михайлович	122-123	Мурзин	62	Озеров	122
Марченко Анатолий	9-13,153,166,170,172-173	Мухаметшин Борис	43	Окунев Г.П.	87
Марченко Валерий	154-156	Мясников А.А.	133,158-161,166,178	Окунева Ф.Н.	87
Марше Ж.	141	Набока Сергей Владимирович	66-69	Олейник	108
Матвеев Моисей	100	Набоков	115	Омельченко Н.	159,178
Матвеевы	100-101	Навальный	28	Орвелл	75
Матюшенко Надежда Владимировна	157-158	Нагле Ирина	50-51,161,162	Орджоникидзе	118-119
Медведев	90	Надежда Владимировна см. Матюшенко Надежда Владимировна		Орлов Ю.	133,171
Медведев Алик	122	Назарова Л.М.	43	Осипов В.	19,129,143
Мелекаев	51	Найденович А.	42	Осипова Г.Л.	18,21
Мелконян Смбат	75-76,77	Недобора	61,62,64	Осипова Е.	52
Мельник Галина	74	Некипелов Виктор	10,16,64,132	Осипова Татьяна	10,14-27,50,100,129,130,136,148-149,161-162,166,168,171
Мельник Михаил	74	Некипелов Сергей	12	Островский М.	130
Мельников В.Л.	177	Неплевхович В.	38,40	Очеретянский Марк	114
Менделевич	146	Нестерова Н.	82	Павлов В.В.	129
Мешко Оксана	154	Нехотин С.	42	Павлов Николай	
Милявский Леонид		Нийтсо Виктор	78	Сергеевич	47-48,177
Израилевич	66-69	Никитин	52	Павловский Г.	45
				Падве Г.	42
				Пархоменко	
				Наталья	66

Пастернак	55	Полуэктова Лариса	Романова Августа		
Пауликас А.	81	163	56-57		
Пашкин	161-162	Поляков М. 14,22,26	Романовский	47	
Пашко Атена	70,75	Помазов Виталий	Роскопф Л.И.	89	
Пашко Ирина	70	153-154	Рудакова Л.	162	
Пашнин Евгений	10, 11	Померанц Г.	9	Руденко Николай	29, 62,63,71,144
Первушин В.К.	177	Пономарев Г.В.	47, 56,158	Руденко Раиса	71-72, 74
Петренко	61,64,85	Попов	34-35,38, 51,52	Рудометов В.П.	29, 30
Петренко-Подъя- польская Мария	23, 154	Попов Владимир	164	Рыбачук П.А.	42
Петухов	135	Попов В.И.	28,32	Савинков	160
Печелюнис П.	130	Попов Н.С.	135	Садунайте	80
Пидгородецкий Ва- силий	151	Попов Олег	7,98, 160-161,178	Саженов П.В.	88
Пилипенко	67	Попович Оксана	129	Санникова Елена	58- 59
Пилипченко Нико- лай	83	Пореш В.	130,131	Сапеляк Степан	
Пильников Валерий	113,114	Поярков В.В.	98	Евстахиевич	157-158
Пимен	177	Праздникова	93- 94	Сапиро И.	7,102
Пирожков С.П.	87	Престин Владимир	94,96	Сапожков Н.Г.	57
Пискаревы	100-101	Пробатова Светлана	58-59	Сарбас Анатолий	
Платонов	57,115	Противень	91	Андреевич	43-44
Плахотнюк Иван	156-157	Прус А.С.	85	Сарне-Рубанова А.А.	40
Плахотнюк Николай	156-157	Птецов	162	Сафонова	67
Плешков Н.А.	12,13	Пузин В.	138,139	Сахаров Андрей	
Плутарх	56	Пушкин	38	Дмитриевич	10,23, 55,61,64,74,125, 128,147,148,152- 154,164,167,171, 174,177
Погиба Николай		Пядам Тийт	81	Саяпина Мария Ва- сильевна	82
Трофимович	144- 145	Рагозовская Татьяна	75	Свердлов В.	132
Подольский С.К.	61, 62,64	Радин А.	7,98	Свичкарь А.Т.	88
Подрабинек Алек- сандр	16,33,136,170	Раткова	85	Святенький	109
Подрабинек Кирилл		Ратушинская И.	117	Семенова Мария	129, 130
Пинхосович	25,134- 136,166,170	Ребрик Богдан	131, 154	Семянникова Е.Л.	73
Подрабинек П.А.	135-136	Регельсон Лев	163, 174	Сергиенко А.	154
Поликарпова Е.А.	110-111	Редин А.С.	87	Серебренников Н.В.	57
Полинг Лайонс	148, 153	Резникова Е.А.	41	Серебров Феликс	10, 33,34-41,48-49,50, 52,54,105,177
		Рейган Р.	77,145, 153	Сереброва В.	38, 40-41
		Рейглер Елизавета	86		
		Рекунков	38,155		
		Ривкин Борис	107		
		Романенков	105		

Серик	30	Станишевский Г.Ф.	Тымчак	85
Сидельник В.	28,32		Уваров	138,139
Сидельников	62	Стасевич А.	Уварова Н.Н.	138,
Сиденко Федор	156	Столярова Л.		139
Силивончик Галина		Стороженко С.М.	Улумян	75
	129,130	Строка	Утевский М.	37-38
Симчич Мирослав		Струков	Ухтомская Галина	
Васильевич	150	Струманис		124
Симчич Р.	150	Стус В.	Файнберг В.	48,53
Сиротенко Е.	126-	Суперфин Г.	Фахно	71
	127	Суровцева Надежда	Федоренко	67
Скаредов Г.И.	158	Витальевна	Федоров	132
Скуодис Витаутас			Федоров Юрий	132-
	80,129,144	Суслова		133,145-148,166
Слободян М.	128	Сухина	Федорова Полина С.	
Слобоженюк	75	Сушенцев		132-133,145-147
Смирнов Алексей	40	Сыпачева	Федякина Роза	43
Смолянская А.Л.		Сысоев В.	Фейербах	173
	104		Фенчак Василий	86
Соболев В.И.	126,	Талий Р.Н.	Феофилактов	13
	127	Танцора В.Б.	Фефелов В.	10,48,
Соболева-Бодэ Е.		Тарасенко Алек-		177
	164-165	сандр	Филатов	88
Сокирко В.	93	Татаренко	Финкельштейн Татъ-	
Соколовская Л.	139	Тевс Мария	яна	106
Солдатов Алек-		Телешин	Фоканов Владимир	
сандр	124	Тереля	Сергеевич	82
Солдатов Сергей	19,	Терешков	Фоканов Иван Сер-	
	124-125	Терещенко В.М.	геевич	82
Солженицын А.И.	16,		Фомин С.Д.	137
	17,21,29,48,52,55,	Терляцкас А.	Фрадкин Л.Д.	11
	61,63,68,94,145	Терновская Л.	Фрадков С	107
Солодкин Н.И.	115	Терновский Лео-	Фрадкова Надежда	7,
Соломко	61,64	нард		107
Сорокапутъ	138	33,37,133,158	Фрейман Г.	94
Сорокин	163	Терщуков В.Н.	Фридман Ким Бе-	
Сорокин В.	45-46,	43	ниаминович	106,108,
	93	Тесменицкий Лео-		110,114
Сорочкин	103	нид	Фрицук Г.П.	138,139
Спалинь Р.	138	96,98,99,100-101	Хайло Владимир	84-
Спиненко Василий		Титов		85,156
	156	61,64	Харк Эдгар	81
Сталин	30,36,79	Тихонов С.	Хасанов	122
Степанец Г.Ф.	161	Ткач С.Н.	Хасина Н.	7
Строчевой И.Ю.	179	Токарь Давид	Хвоткова Алек-	
Станелите Я.	80,	Тольц В.	сандра	129
	133	37	Хлебников	115
		Томачинский В.		
		45-		
		46		
		Тульчинский А.А.		
		61		
		Тумаков		
		137		
		Туниев		
		61,64		
		Туровец		
		61,63,64,		
		65		

Хмара Степан	74	Шадури	118-119	Щаранский Анатолий	130-131,171
Ходорович Сергей	57,154,162-163	Шатравка А.	16,17,175	Щеголева И.	96
Хоменко В.	87	Шафаревич И.Р.	29	Щелоков Н.А.	139
Хомов А.В.	74	Шафранюк	61	Щербаков	67
Хорьков	163	Шварцман А.	96	Щербицкий	110
Храковская Наталья	124	Швейский В.Я.	14,22,26,159	Эльберт Михаил	106,115
Хрущев	121	Шебалина	108-109	Элькинд Лев	118-119,121
Хусаинов Ф.	59,177	Шевченко Алек-сандр	74,132	Энгельс	33
Цаплин	134	Шевченко Виталий	74,132	Юрье Виллю	80-81
Цветков	153-154	Шевченко Лидия	74	Юрьев	133
Ципляева Л.	139	Шевченко Мария	74	Юрвичус Мечисло-вас	78-80
Цукерман Владимир	106,117	Шелков Владимир Андреевич	83-84	Якобсон М.	96
Чайка	131	Шепелев В.	35,42,49,52	Яковенко	62,65,138,139
Чалидзе Валерий	169	Шепелев Георгий Иванович	42,49	Яковлев К.	35,41,48-49
Чамовских В.	18	Шепелевы	42	Яковлев Михаил	45-46
Черников	30	Шеремет Н.Ф.	72	Янкаускас	78
Чернобыльский	96-98	Шершневич	115	Янтовский С.А.	97
Черновол В.	70,137,170	Шешенко В.М.	86	Янулис Антанас	129,144
Черноволы	70	Шешина В.Ф.	21	Якунин Глеб	40,132,174
Чернухин	60	Шибаев С.	164	Ясонене Алдона	81
Чернявская Инна Борисовна	66-69	Шипишин В.И.	89	Яценко	176
Черчик Евгений	83	Шипов Александр	124	Яцишин Б.Ф.	115
Читанава	132,133	Ширинкин	126		
Чичерин	77	Шиханович Ю.	54,132		
Чубуков	165	Шкутько	88		
Чуев Г.	164	Шувалов А.	58		
Чулкова Мария Сергеевна	83	Шухов	56		
Шабашов Леонид	93				
Шабров А.П.	98				